

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки»

Трибуна ученого

Проблемы устойчивого развития

Локальная история

Российская цивилизация

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научного журнала «ВЕСТНИК БИСТ»
(Башкирского института
социальных технологий)

Главный редактор –
Нигматуллина Танзиля Алтафовна

Заместитель главного редактора –
Сулейманова Альмира Камировна

Ответственный редактор –
Черкесова Наталья Николаевна

Редакционная коллегия серии
«Общественные науки»:

Научный редактор –
Верещагин Александр Сергеевич,
д.и.н., профессор

Члены редакционной коллегии:

Гибадуллин Рафаиль Вагитович –
д.соц.н., профессор

Матвеева Любовь Дмитриевна –
д.и.н., профессор

Черкесова Наталья Николаевна –
к.и.н., доцент

Токарева Гузель Фарисовна –
к.соц.н., доцент

Учредитель:

Образовательное
учреждение профсоюзов
«Академия труда и
социальных отношений»

Научный журнал

Издаётся с 2009г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653
от 2 декабря 2008г.

Адрес редакции: 450054, г. Уфа,
Проспект Октября 74/2
E-mail: vestnikBIST@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Трибуна ученого	8
<i>Кувшинов В.А. Кадеты в поисках массовой базы в 1917 году</i>	<i>8</i>
<i>Пронкин С.В. Являлось ли «Введение к уложению государственных законов» М.М. Сперанского конституцией?</i>	<i>15</i>
<i>Фатхутдинова А.И., Сафина Э.Ф. Этноязыковая идентичность и языковые ориентиры населения в полинациональном регионе (на примере Республики Башкортостан).....</i>	<i>31</i>
ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	38
<i>Нигматуллина Т.А. Формирование гражданской ответственности молодежи: проблемы и пути их решения.....</i>	<i>38</i>
<i>Шкель С.Н. Демократия в современной России: отражение общественного сознания и политические проекты власти</i>	<i>46</i>
<i>Гареева Н.Э. Траектории политических трансформаций стран постсоветского пространства сквозь призму российской политологии</i>	<i>61</i>
<i>Быковский А.В. Теоретические аспекты исследования неформальных групп в современной российской политике.....</i>	<i>74</i>
<i>Сафин Ф.Г., Баймухаметова Г.Р. Особенности постперестроечной трансформации этносоциальной структуры и занятости населения в Республике Башкортостан</i>	<i>83</i>
ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ.....	94
<i>Верещагин А.С. Некоторые тенденции изменения корпуса источников в историографии Гражданской войны</i>	<i>94</i>

<i>Матвеева Л.Д.</i> Современные концепции региональной истории в новейшей историографии национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье	101
<i>Алябьева М.А.</i> Историография проблем охраны и восстановления природного и культурного наследия Башкортостана в 80-х – 90-х годах XX века и на современном этапе	107
<i>Анашкина С.В.</i> Некоторые вопросы советской историографии конституционно-демократической фракции в Государственной думе	115
<i>Матвеева Л.Д., Алябьева М.А.</i> Исторический опыт охраны памятников археологии в Республике Башкортостан	125
РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	132
<i>Сайфуллина Л.Ф.</i> Правящая элита Башкирии конца XVI – первой половины XIX вв.: основные этапы формирования	132
<i>Бондаренко А.Г.</i> Идеология как «ложное сознание»	140
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	146
<i>Энциклопедия нефтяной истории Башкирии (Р.М. Зиязетдинов. Нефтедобывающая промышленность Башкирской АССР (1930-1991гг.). – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. – 376 с.</i>	146
АВТОРАМ	155

CONTENTS

SCIENTIST’S TRIBUNE.....	8
<i>Kuvshinov V.A. Cadets searching for a mass base in 1917.....</i>	<i>8</i>
<i>Pronkin S.V. Was M.M. Speransky’s Introductions to State Laws Coding the constitution?</i>	<i>15</i>
<i>Fatkhutdinova A.I., Safina E.F. Ethnolinguistic identity and linguistic guidelines of the population in a multinational region (the Republic of Bashkortostan is given as an example).....</i>	<i>31</i>
PROBLEMS OF STABLE DEVELOPMENT	38
<i>Nigmatullina T.A. Formation of Public Spirit in the Youth: Problems and ways of their solution.....</i>	<i>38</i>
<i>Shkel S.N. Democracy in contemporary Russia: reflection of public awareness and political projects of the authorities</i>	<i>46</i>
<i>Gareyeva N.E. Courses of political transformations of the post-soviet countries through the prism of the Russian political science</i>	<i>61</i>
<i>Bykovsky A.V. Theoretical aspects of research of informal groups in the modern Russian policy</i>	<i>74</i>
<i>Safin F. G., Baimukhametova G.R. Peculiarities of post-perestroika transformation of the ethnosociological structure and the employment of the population in the Bashkortostan Republic.....</i>	<i>83</i>
LOCAL HISTORY	94
<i>Vereschagin A.S. Some tendencies of the sources case changing in the Civil war historiography.....</i>	<i>94</i>

Matveeva L.D. <i>Contemporary concepts of regional history in modern historiography of national-state formation in the Volga region and Priuralje</i>	101
Alyabyeva M.A. <i>Historiography of protection and restoration of natural and cultural Bashkortostan inheritance problems in 80s-90s years of the 20th century and in the contemporary period</i>	107
Anashkina S.V. <i>Some questions of Soviet Historiography of constitutional-democratic fraction in State Duma</i>	115
Matveeva L.D., Alyabyeva M.A. <i>Historical experience of archeological monuments' protection in Republic Bashkortostan</i>	125
RUSSIAN CIVILIZATION	132
Saifullina L.F. <i>The ruling elite of Bashkiria at the end of 16th – the first half of the 19th century: the major stage of its formation</i>	132
Bondarenko A.G. <i>Ideology as «false consciousness»</i>	140
CRITICS AND BIBLIOGRAPHY	146
Bashkir petroleum history encyclopedia (R.M. Ziyazetdinov. <i>Oil-producing industry of Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (1930-1991).</i> -Ufa: Bashkir Academy of Science, Gilem, 2010. – 376 p.)	146
FOR AUTHORS	155

Трибуна ученого

Кувшинов Владимир Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры
«Политическая история» факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Заслуженный профессор МГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ
e-mail: office@spa.msu.ru

КАДЕТЫ В ПОИСКАХ МАССОВОЙ БАЗЫ В 1917 ГОДУ

Тема о поиске массовой базы кадетами в 1917 году до сих пор изучена недостаточно. Тем не менее, это не означает, что она вообще обойдена в исторической литературе. В общей форме данная проблема поставлена в ряде работ по истории Октябрьской революции, а также по истории непролетарской партии. Определенное место ей отводится в немногочисленных специальных работах о средних и городских слоях (см. напр.: Востриков Н.И. Борьба за массы. Городские и средние слои накануне Октября. М. 1970 и др.). Учитывая уже проделанную работу, автор статьи ставит своей целью обратить внимание на отдельные мало изученные аспекты указанной проблемы и тем самым привлечь к ней еще большее внимание исследователей.

Ключевые слова: революция, массовая база, кадеты, средние и мелкобуржуазные слои города и деревни, крупная или цензовая интеллигенция, народническая или революционно-буржуазная интеллигенция, учителя.

После Февральской революции мелкобуржуазные и средние слои города и деревни стали объектом ожесточенной борьбы между пролетариатом и буржуазией, представлявшими их интересы партией большевиков и партией кадетов. Речь шла о важнейшем вопросе, от решения которого в ту или иную сторону зависел дальнейший ход революции: кто завоеует на свою сторону большинство народа, состоявшее в России именно из мелкобуржуазных и

средних слоев. В статье «О конституционных иллюзиях», написанной 26 июля 1917 года, В.И. Ленин, отмечая, что большинство народа в стране составляет мелкобуржуазная масса города и деревни, подчеркивал, что организованность и политическую сознательность для нее в состоянии дать «только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата» [1].

Первоначально кадеты рассчитывали перетянуть на свою сторону

как городские, так и сельские мелкобуржуазные и средние слои, широкие массы крестьянства (уже в эмиграции на одном из своих собраний кадеты признавали, что их «всегдашним стремлением было пробраться в армию и в деревню» [2]). В докладе о тактике на VII кадетском съезде (март 1917г.) кн. Д.И. Шаховской подчеркивал, что «аморфные стихийные силы» будут играть «громадную роль в предстоящей борьбе» и что кадеты «должны смело идти в эти массы для того, чтобы приобрести там сторонников, наладить их жизнь» [3].

Решить эту задачу кадетская партия пыталась различными путями. Один из них – при помощи тактики соглашений «налево», то есть с партиями меньшевиков и эсеров, за которыми вначале, как известно, шло подавляющее большинство мелкой буржуазии. В принятой на VII съезде по докладу о тактике резолюции указывалось на необходимость, «по возможности, совместно с другими партиями приложить все силы для привлечения к защите общедемократических требований... и аморфных в партийном отношении слоев народа» [4].

Кадеты пытались внедриться в эти слои и путем непосредственного привлечения их на свою сторону, и расширения за их счет рядов своей партии. В указанной резолюции было записано, что «совместные с другими демократическими партиями действия не исключают, однако, необходимости и партийной агитации среди тех слоев населе-

ния, которые в полном составе своем ещё не готовы воспринять партийные лозунги». И далее подчеркивалось: «Самая деятельная пропаганда партийных идей в широких массах населения и привлечение в ряды партии их представителей составляет очередную задачу момента» [4].

Весной 1917 года кадеты все-рвез выдвигали задачу превратиться в самую большую демократическую партию страны. «Широкой, истинно демократической по своей основе организации, партии в России еще нет, – утверждал кадетский еженедельник, – создание ее – насущное, очередное дело... Кадетам это задача по плечу...» [5]. «Численно мы еще вчера были невелики, – говорил в первые дни Февральской революции секретарь кадетского ЦК А.А. Корнилов, – но потенциально мы можем соединить огромные силы, мы можем привлечь народ...» [6]. Одно время кадеты носились даже с идеей образования в партии крестьянской фракции и созыва партийного крестьянского съезда.

Но все эти планы и расчеты оказались построены на песке. И провалились кадеты в первую очередь среди крестьянских масс России, которые встречали их в штыки из-за аграрной программы, основанной на принципах выкупа и частичного сохранения помещичьего землевладения. Добившись некоторого успеха в зажиточных слоях деревни, они потерпели полный провал у основной неимущей и ма-

лоимущей массы крестьян. Таким же провалом закончились их попытки проникнуть в среду крестьян, одетых в солдатские шинели.

На X съезде кадетов, состоявшемся в середине октября, то есть в самом преддверии Октябрьской революции, при обсуждении на закрытом заседании «вопросов агитационного характера и выборов в Учредительное собрание» ораторы признавали, что «расчет на голоса крестьян сейчас небольшой... крестьяне не пойдут с нами» [7].

Поэтому всё своё внимание кадеты обратили на городские слои. Именно здесь, в этой довольно многочисленной категории населения России, они пытались найти свою массовую базу. На том же заседании кадетского съезда подчёркивалось, что главная надежда на предстоящих выборах в Учредительное собрание на мещанскую часть жителей города. «Теперь мещанство усилилось», – утверждал так называемый «делегат от мещан». Было даже высказано намерение создать при кадетских организациях специальные «агитаторские мещанские филиалы» [7].

Но и у основной массы городских средних слоев – мелких промышленников и торговцев, ремесленников, низшей, наиболее многочисленной, категории служащих – кадеты большого успеха не имели. Этот вывод подтверждают итоги выборов в Учредительное собрание. В целом по стране кадеты получили свыше двух миллионов голосов [8], в то время как числен-

ность городских средних слоев исследователи определяют для 1913 года примерно в 12 миллионов человек [9]. Учитывая, что за кадетов в ноябре 1917 года голосовала почти вся буржуазная интеллигенция и средняя буржуазия, значительная часть крупной городской торгово-промышленной буржуазии, а в армии – офицеры и военные чиновники, к которым в ноябре-декабре 1917 года присоединилась немалая часть «рядовой» интеллигенции (учителя, врачи, инженеры, юристы и др.), на долю других категорий средних слоев городского населения остается совсем немного. «Известия ВЦИК» дали такую социально-политическую характеристику итогам выборов в Учредительное собрание по Петрограду: «На одной стороне – партия рабочего класса, за которой идут революционные солдаты и беднейшее население. На другой стороне – партия контрреволюционной буржуазии, за которой идут помещики, генералы, весь контрреволюционный стан. Вокруг кадетской партии объединилась вся черная сотня, которая видит теперь в *кадетах* свою *партию*. За кадетскую партию голосовала вся буржуазия, все помещичье-монархические элементы, все реакционное офицерство, громадная часть чиновничества и высших служащих, цензовая интеллигенция и, вероятно, значительная часть так называемых «мартовских эсеров» [10].

Таким образом, попытки кадетов проникнуть в широкие круги не

только крестьянства, но и городских средних слоев не увенчались успехом. «Цель внедриться в страну – практически недостижима», – с горечью констатировал еще в середине июля на закрытом заседании ЦК видный московский кадет Н.И. Астров. На заседании кадетского ЦК в начале июля ему вторил Н.П. Черненко: «Идем по ложному пути... страна нас, очевидно, не понимает» [11]. Зато кадетская партия стала прибежищем для сил, стоявших правее ее, для сторонников старого режима; в ее ряды хлынули крупные собственники, землевладельцы, торговцы.

Единственная социальная категория населения, относящаяся в основном к городским средним слоям, в которой кадетской партии удалось добиться немалого успеха, была интеллигенция. Кадеты всегда уделяли ей исключительное внимание, надеялись с ее помощью выиграть политическую и идеологическую битву с большевиками за широкие демократические слои российского общества.

Буржуазная интеллигенция играет особую роль как в формировании идеологии крупной буржуазии, так и в ее распространении среди широких кругов населения в первую очередь среди мелкой буржуазии. В.И. Ленин указывал, что влияние помещиков (а следовательно, и крупной буржуазии) на народ не страшно, обмануть им надолго сколько-нибудь широкую массу не удастся, так как здесь до предела ясно, кто эксплуататор и

кто эксплуатируемый; но влияние буржуазной интеллигенции, непосредственно не участвующей в эксплуатации и возводящей свое междуклассовое положение в принцип внеклассовых партий и внеклассовой политики на народ, опасно. «Тут и только тут, – подчеркивал он, – есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой» [12]. С этой целью кадеты старались внедриться буквально во все слои и группы русской интеллигенции, взять их под свой идейный и организационный контроль. По инициативе кадетов в первые же дни революции созывались многочисленные собрания, съезды, конференции различных групп интеллигенции, создавались их профессиональные организации, всевозможные общества, союзы и т. п.

На общем собрании журналистов Петрограда 12 марта по предложению его инициаторов – кадетов была принята резолюция протеста против запрещения Советом рабочих и солдатских депутатов выхода черносотенных изданий [13]. Под председательством редактора «Речи», видного кадета И. Гессена, 22-23 апреля состоялся Всероссийский съезд редакторов еженедельных газет. Он избрал новое руководство Всероссийского общества редакторов еженедельных газет во главе с тем же Гессеном.

В начале апреля собрался съезд Пироговского общества, объединявшего врачей России. На нем кадеты организовали свое представительство [14], под эгидой которого и прошел весь съезд, переименовавший общество во Всероссийский союз врачей. Политическая платформа его отличалась от кадетской только некоторыми более либеральными формулировками [15]. Исключительное внимание кадеты уделяли завоеванию творческой интеллигенции. Только-только отгремели бои с самодержавием, а уже 9 марта кадеты созвали инициативное собрание литераторов, которое решило создать литературное общество под названием «Союз писателей». На учредительном собрании, состоявшемся 19 марта, председательствовал кадет М.М. Винавер, присутствовали также В.Д. Набоков и И. Гессен [16].

Многие кадетские газеты имели литературные отделы, в которых регулярно помещались установочные статьи, давались аннотации на выходящую литературу. Так, в одном из своих номеров «Речь» обрушилась на тех поэтов, которые служили революции, назвав их «звонарями». Она требовала, чтобы они «ушли с колокольни» [17].

По инициативе и под руководством кадетов в марте состоялись собрания деятелей искусства в Петрограде и Москве. На них было положено начало организации ряда других профессиональных организаций творческой интеллигенции, в том числе Художественного

союза. Усилиями кадетов в июне был возрожден Академический союз, консервативная организация, объединявшая профессуру и доцентуру высших учебных заведений. В 1917 году он, находясь целиком на платформе кадетской партии, открыто защищал интересы крупной буржуазии [18].

В начале июня кадетами была основана «Лига русской культуры», объединение, как они писали, «не классовое и не политическое». На самом деле оно было и классовым, и политическим. Ее учредителями являлись представители крупной буржуазной интеллигенции, прежде всего, П.Б. Струве, кадеты А.В. Карташев, В.А. Маклаков, А.С. Изгоев, С.Ф. Ольденбург и ряд других, крупные помещики М.В. Родзянко, Н. Савич, Н.Н. Львов, религиозные деятели. «Лига» носила шовинистический характер. Хотя учредители декларировали ее «всеобщность», в то же время подчеркивали, что к ней не могут примкнуть «те партии и люди, какие не приемлют сущность особой русской культуры». «Лига» сразу же выпустила воззвания «К русским гражданам» и «К русской молодежи» явно кадетского содержания [19].

До сих пор мы вели речь в основном о крупной буржуазной интеллигенции, имевшей, как правило, весьма высокие доходы. Но кадеты понимали, что в условиях, когда после свержения самодержавия в политику были втянуты десятки миллионов людей, одной интеллигентской элиты для воздейст-

вия на эту огромную массу явно недостаточно. Тем более что простой народ не всегда прислушивался к профессорам, врачам, адвокатам, причисляя их к эксплуататорским классам.

И кадеты делали все, чтобы перетянуть на свою сторону народническую революционно-буржуазную интеллигенцию: рядовых учителей начальной и средней школы, средний медицинский и технический персонал, студентов – выходцев из демократических слоев населения, часть грамотных, но низкооплачиваемых служащих и т. п. В центре их внимания в этой категории интеллигенции был учитель, который и тогда являлся представителем довольно массовой профессии. Кадеты учитывали и влияние учителей на учащихся, особенно старшеклассников, которые обычно активно участвовали в происходящих событиях.

Недаром во Временном правительстве кадеты взяли под свой контроль Министерство просвещения, добившись назначения министром видного члена своего ЦК А.А. Мануйлова. Удержанию учителей и учащихся вне рамок революционного влияния способствовало замедление реформы старой школы с ее консерватизмом в обучении. Эта политика Министерства просвещения была настолько явной, что даже соглашательский государственный комитет по реформе средней школы в конце июня заявил, что «его совместная работа

с министром не может быть плодотворна при настоящих условиях» [20].

Кадеты стремились взять под свой контроль и проведение губернских, областных, уездных учительских съездов. Так, из Читы сообщали, что на съезде учителей Забайкальской области председательствовал кадет. Съезд заявил о своей поддержке Временного правительства. В городе Лодейное поле на съезде учителей земских и церковно-приходских школ с приветствием выступил председатель местного комитета партии кадетов, который «встречен был очень сочувственно» [21].

Под преобладающим влиянием кадетской партии прошел в начале апреля Всероссийский учительский съезд. О том, какое значение придавали ему кадеты, свидетельствует хотя бы тот факт, что они даже прерывали заседание своего ЦК, чтобы его члены принимали участие в работе съезда [22].

Съезд принял вполне кадетские резолюции об оказании поддержки Временному правительству, об активной поддержке обороны, то есть империалистической войны и т. п. Имея в виду эти его результаты, Н.К. Крупская писала: «Всероссийский съезд учителей с полной ясностью обнаружил, что учительские массы всецело находятся под влиянием буржуазии, идут на поводу у октябристов и кадетов» [23].

Но несмотря на то, что кадетов поддерживала, особенно в начале революции, значительная часть ин-

теллигенции, завоевать ее целиком им не удалось. Социально-политические процессы, происходившие в стране и связанные с разочарованием рабочих и крестьян политикой буржуазного Временного правительства и поддерживавших его партий меньшевиков и эсеров, не могли не коснуться в той или иной мере и различных слоев интеллигенции. Этому способствовала энергичная работа большевиков. Все большая часть интеллигенции отходила от безоговорочной поддержки буржуазной политики, занимала позиции нейтралитета или даже переходила в лагерь сторонников социалистических преобразований.

Литература

- [1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34.
- [2] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7506. Оп. 1. Д. 14. Л. 56.
- [3] Речь. 1917, 29 марта // Вестник партии народной свободы. 1917. № 1.
- [4] Речь. 1917. 28 марта // Вестник партии народной свободы.
- [5] Вестник партии народной свободы. 1917. № 3.
- [6] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5102. Оп.1. Д.147. Зап. кн. 22.
- [7] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп.1. Д.774. Л.3.
- [8] Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М. 1968.
- [9] Городские средние слои современного капиталистического общества. М. 1963.
- [10] Известия ВЦИК. 1917. 17 ноября.
- [11] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Д. 740. Л. 4; Д. 3451. Л. 4.
- [12] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.16.
- [13] Речь. 1917. 15 марта.
- [14] Биржевые ведомости (вечер. вып.). 1917. 24 апреля. Речь. 1917. 15 и 23 апреля.
- [15] Вестник партии народной свободы. 1917. № 3.
- [16] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 277. Л. 122. Речь. 1917. 22 марта.
- [17] Речь. 1917. 26 июля // Вестник партии народной свободы.
- [18] Биржевые ведомости. 1917. 19 марта (утр. выпуск.). Речь. 1917. 18 марта. 17 июня.
- [19] Речь. 1917. 22 июня и 20 августа // Петроградские губернские ведомости.
- [20] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 июня
- [21] Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. М., 1957 // Вестник партии народной свободы. 1917. № 2.
- [22] Вестник партии народной свободы. 1917. № 3.
- [23] Газета «Правда». 1917. 9 апреля.

Пронкин Сергей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Политическая история» факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
e-mail: pronkinsv@mail.ru

ЯВЛЯЛОСЬ ЛИ «ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ» М.М. СПЕРАНСКОГО КОНСТИТУЦИЕЙ?

Статья посвящена конституционному проекту, составленному М.М. Сперанским в 1809г. Автор подводит некоторые итоги изучения его в отечественной историографии. Главное внимание обращено на политико-юридический смысл проекта. Являлся ли проект конституцией, т. е. предусматривал ли он ограничение власти монарха? Характер ответа на данный вопрос зависел от принадлежности исследователя к одному из историографических направлений, которые в статье определяются как «позитивное», «негативное» и «среднее».

Ключевые слова: Сперанский М.М., «Введение к уложению государственных законов», конституционные проекты, государственно-административные преобразования Александра I.

В конце 2009г. исполнилось двести лет со времени написания М.М. Сперанским «Введения к уложению государственных законов» (далее – «Введение») – самого известного из конституционных проектов, появившихся в истории России (проект имеет и второе название – «План государственного преобразования», далее – «План»). За это время он неоднократно становился предметом научных исследований, в которых давались политические и юридические оценки данного документа, вскрывались условия его появления, теоретические и юридические источники, причины, помешавшие реализации важнейших положений

«Введения», и прочие связанные с ним обстоятельства. Целью настоящей статьи является подведение некоторых итогов изучения «Введения» применительно к проблеме его политико-юридического смысла. Являлось ли оно конституцией, предполагало ли оно ограничение самодержавной власти?

Ясный и категорический ответ на данный вопрос затруднён самим характером проекта. Детальные обстоятельства работы над ним не выяснены, историки вынуждены исходить из версии, изложенной Сперанским в оправдательном «Пермском письме», направленном им Александру I из ссылки. В нём Сперанский утверждал, что

«Введение» являлось оформлением и систематизацией тех политических идей, которые сообщал ему император во время их многочисленных доверительных бесед. Вопрос о роли каждого из «соавторов» в разработке «Плана» является предметом научной дискуссии, но, помня об адресате письма, Сперанский не мог сильно исказить роль императора в его составлении. Однако известно, что политические взгляды Александра I, несмотря на заявляемые им с юности конституционные устремления, не отличались устойчивостью и определённой, он постоянно метался между различными политическими началами, часто противоположными. Эта неопределённость не могла не проявиться в содержании «Плана». Историки сравнительно поздно идентифицировали его окончательный вариант, находившиеся же в их распоряжении предварительные редакции «Введения» несколько отличались по своему политико-юридическому содержанию. Даже в итоговой редакции Сперанский предложил императору выбрать одно из двух возможных государственных устройств: «Первое состоит в том, чтоб облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия. Второе устройство состоит в том, чтобы не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить держав-

ную власть на законе не словами, но самим делом» [1]. Сопутствующие рассуждения Сперанского по поводу данных систем позволяют предполагать, что его симпатии на стороне последней, т. е. действительного ограничения самодержавия, но категорически он этого не заявил.

Неопределённо в проекте указана и роль Государственной думы в законодательстве. Она должна была заниматься «уважением» законов, что одни исследователи понимают как их обсуждение, другие – принятие. Наконец, на оценку историками «Плана» оказывало влияние несоответствие выраженных в нём идей с теми, которые высказывались Сперанским ранее. Наиболее разительными эти перемены в оценке им возможности установления в России конституционного строя кажутся при чтении «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803). Здесь Сперанский, казалось, убедительно доказал невозможность перехода России к истинной, т. е. конституционной монархии. «В настоящем порядке вещей мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического управления,» – писал он, добавляя при этом, что указанные им препятствия в настоящее время «неразрешимы и одно время разрешить их может» [2]. Очевидно, что за шесть лет, отделявших данную записку от «Введения», эти «элементы» не могли появиться, а за-

труднения на пути к конституционному строю – быть преодолены (столь разительная перемена взглядов не может не поставить вопрос о степени искренности и самостоятельности Сперанского при составлении им записок, которые приходилось подстраивать под взгляды лица, для которого они предназначались).

Проект Сперанского, разрабатывавшийся в обстановке строгой секретности, не сразу стал предметом серьёзных научных исследований. Окружавшая его таинственность была связана с изначально принятым императором Александром Павловичем методом подготовки либеральных реформ, который был поддержан и его доверенным окружением. «Итак, – мысленно объяснялся с монархом в мае 1801г. гр. П.А. Строганов, – если я верно понял мысль вашего величества, можно установить следующее: реформа должна быть созданием государя и тех, которых он выберет своими сотрудниками, и никому постороннему не должно быть известно, что ваше величество взяли на себя почин такого дела... Предстоит двойная задача: с одной стороны, щадить умы от нежелательного предубеждения против реформы, с другой – понять настолько настроение общества, чтобы не возбудить недовольства напрасно. Это требует заседаний секретных...» [3]. Таким образом, тайная подготовка либеральных реформ объяснялась недоверием их инициаторов к обществу, опасени-

ем вызвать как неоправданные надежды, так и преждевременное сопротивление. Был и более прозаический мотив – ревнивое желание сохранить дело реформ в своих руках, не делиться с другими славой их подготовки и проведения.

Закрытость темы ещё более усилилась при Николае I, который с неодобрением относился к либеральным проектам своего старшего брата. В подобной общественно-политической обстановке специальные научные исследования конституционного проекта 1809г., естественно, не могли быть приняты. В исторической литературе николаевской эпохи конституционные предприятия Александра I благонамеренно игнорировались. В иных условиях находились немногочисленные тогда представители политической эмиграции. Н.И. Тургенев, являвшийся одним из её видных представителей, опубликовал в 1847г. на французском языке книгу «Россия и русские», к которой, среди прочих политических документов, были приложены «Пермское письмо» Сперанского и «экстракты» (извлечения) из его конституционного проекта [4]. Публикатор указывал, что стремился дать общее представление о труде Сперанского, поэтому «извлек» только наиболее общие положения. В течение нескольких десятилетий именно публикация Тургенева использовалась исследователями для изучения «Введения». Впоследствии выяснилось, что представленный Тургеневым вариант

конституционного проекта значительно отличался от аутентичного текста, являлся компиляцией, соединившей несколько связанных со Сперанским документов, составленных в период с 1802 по 1809гг. (Тургенев видел некоторые противоречия в опубликованных им документах, но посчитал их малосущественными). В результате первые исследователи проблемы получили искаженное представление о подлинном содержании «Плана».

Научная разработка проблемы стала возможна только после крушения николаевского режима, когда не только заметно ослабли цензурные ограничения, но и стремительно вырос научный и общественный интерес к вопросу. Настоящим пионером в изучении государственной деятельности Сперанского стал барон (позже граф) М.А. Корф. Но по причине не только цензуры, но и самоцензуры исследователь, являвшийся видным сановником Николая I, был вынужден ограничиться только указанием на само существование конституционного проекта и его самой общей оценкой. «Колоссален был этот план, исполненный смелости как по основной своей идее, так и в подробностях развития», – писал он, признавая одновременно его несвоевременным, несоответствующим уровню развития страны [5]. Талантливая монография Корфа привлекла внимание к деятельности Сперанского историков и публицистов, которые стали широко использовать помещённые в ней

документальные материалы, но на сам конституционный проект продолжало сохраняться табу. Первым достаточно подробный анализ содержания «Введения» дал, используя публикацию Тургенева, А.Н. Пыпин [6]. Корф и Пыпин наметили два направления исследований «Введения», которые условно можно обозначить как «позитивное», лояльное в отношении Сперанского и его труда, и «критическое». Данные направления стали традиционными для историографии проблемы, в общих чертах они сохраняются до настоящего времени. Проект 1809г. относился к той категории документов, при анализе которых не могут не сказываться политические симпатии исследователя. Поэтому к первому направлению обычно принадлежали приверженцы «передовых», либеральных взглядов, ко второму – консерваторы. Представители «позитивного» направления (М.В. Довнар-Запольский, А.А. Кизеветтер С.Г. Сватиков, В.И. Семейский, А.Н. Фатеев С.Н. Южаков и другие) высоко ставили содержание проекта, считали его конституционным, а намерения Сперанского искренними. Напротив, для исследователей «критического» направления (М.И. Богданович, Б.Б. Глинский, М.П. Погодин, А.В. Романович-Славатинский, С.М. Середонин, Н.К. Шильдер и другие) характерно более скептическое отношение к качеству проекта [7]. Одновременно или отрицалось конституционное содержание «Введения», или нали-

чие такого приписывалось не Сперанскому, а императору Александру I, мысли которого и были оформлены в проекте. Грань между данными историографическими направлениями на практике является зыбкой и условной. Крайние оценки «Плана» в научной литературе встречались и встречаются редко, большинство исследователей сочетали критику одних его положений с положительной оценкой других. Технические недостатки плана были настолько очевидны, что их вынуждены признать все серьёзные исследователи. Поэтому на деле отнесение конкретной работы к одному из отмеченных историографических направлений может быть затруднительно, многие из них принадлежали к «среднему» направлению. Таковой, например, является монография А.Э. Нольде, ставшая итоговой для дореволюционной историографии [8]. Естественно, наиболее скептически отнеслись к содержанию «Введения» историки критического направления, среди которых по обстоятельности анализа выделялся Середонин. Он полагал, что «План» «сшит из лоскутков», а для практической реализации его положений потребовались бы десятилетия упорного труда [9].

Но и лояльные Сперанскому историки вынуждены были признать такие недостатки «Плана», как неравенство заявленных политических прав различных слоёв населения, их сложную иерархию, ограниченность прав Государственной думы, отсутствие указания на

срок полномочий её депутатов (Кизеветтер), отсутствие указания на характер избирательного права (тайное или открытое), плохую разработку порядка функционирования Думы (Довнар-Запольский), недостаточно чёткое разделение закона и административного распоряжения и не совсем внятное указание на порядок ответственности министров (Корнилов) и т. д. Однако данные исследователи, признавая несовершенства «Плана», оправдывали их. Они указывали на обстоятельства эпохи, на отсутствие в России опыта конституционного законодательства, на необходимость учитывать настроения Александра I, который был заказчиком проекта. Наконец, они напоминали, что «Введение» было именно введением к плану государственного преобразования (Уложению государственных законов), его концепцией, которую позже предполагалось детализировать. При всех своих недостатках, настаивал В.И. Семевский, проект был основательно продуман, логично построен и представлял *для своего времени* (выделено Семевским) замечательный документ [10].

Критические отношения к «Введению» усилились в период революции 1905-1907гг. и послереволюционные годы. Это было связано с эскалацией политических требований многих представителей либеральной оппозиции. Для большинства либеральных историков предшествующего времени план Сперанского был смелым до-

кументом, не потерявшим актуальности с точки зрения «реальной политики». Для решительно настроенных представителей оппозиции начала XX в., переживших политический ажиотаж 1905г., ставших свидетелями появления Государственной думы, способ формирования которой и масштаб полномочий напоминал предложения Сперанского (само название первого российского парламента было заимствовано у него), «Введение» было глубоко консервативным документом, критикуя который, они критиковали современную им политическую действительность. Причиной усиления скепсиса в отношении «Плана» стало и формирование революционно-демократического направления историографии. Согласно известной мысли о сближении крайностей левые «иконоборцы» примкнули к консервативным «скептикам». Политическая заданность подобных работ не могла не сказаться на их научном уровне [11].

Одной из центральных проблем развернувшейся вокруг «Введения» полемики был вопрос о политико-юридическом смысле данного проекта, о степени ограничения власти монарха, которую он предусматривал. Иначе говоря, вопрос стоял о том, являлся ли проект действительной конституцией или мнимой? За некоторыми исключениями, историки, принадлежавшие к «позитивному» направлению, склонялись к положительному ответу на него, многие сторонники

«критического» направления – к отрицательному.

Конституционный характер «Введения» категорически отстаивал Пыпин [6]. Решительно настаивал на конституционном характере плана С.Г. Сватиков. Он полагал, что документ, безусловно, ограничивал самодержавную власть, т. к. «уважение закона», которое автор расшифровывает как право не только рассматривать, но и принять, одобрить законопроект, принадлежало законодательному учреждению, за монархом же закреплялось право утверждения его [12]. Так же смотрел на проблему В.И. Семевский [13]. Развёрнутую характеристику политико-юридического содержания «Введения» дал А.А. Кизеветтер [14]. Он подробно пересказал содержание «Введения», признав Государственную думу законодательным, а не законсовещательным учреждением. С этой оценкой был согласен и А.А. Корнилов. Остановившись на двух указанных Сперанским возможных вариантов конституции (фиктивной и реальной), он был уверен, что симпатии автора проекта были явно на стороне второго: «Вопрос... был поставлен так прямо и ясно, что Александру прегражден был путь ко всяким мечтательным неопределенностям и приходилось серьёзно выбирать одно из двух, причём первая система была заранее опорочена» [15]. Признали за Государственной думой законодательный характер юристы Н.М. Лазаревский и А.Н. Филиппов [16].

Историки критического направления были в своих выводах менее определённые. Они или уклонялись от юридической оценки документа, или, признавая конституционный характер проекта, отрицали за Сперанским искренность конституционных намерений. Категоричен в своих выводах был С.М. Середонин, полагавший, что думать о возможности быстрой реализации столь грандиозного проекта мог только «или ослепленный фанатик, или человек, находившийся в состоянии самогипноза» [9]. Но он не считал Сперанского таковым, поэтому радикализм и одновременно небрежность плана объяснил иначе. Составляя план, реформатор просто уступал настоянию императора, но не мог не указать ему на величайшие затруднения, которые вызовут данные намерения. После этого, предполагал Середонин, должны были последовать значительные изменения плана, реформы ограничились бы сферой центральных административных учреждений, а самодержавная власть *пока* (выделено Середониным) была бы сохранена. Критически оценил «Введение» и М. Бородкин, назвавший его автора «модным беспочвенным мечтателем, неискренним конституционалистом». Особенно интересна последняя характеристика. Разбирая план 1809г., Бородкин признал его конституционный характер, но поставил под сомнение действительность намерения Сперанского ограничить самодержавие. «Если в

его проектах находились конституционные формы, то только формы, т. е. внешний вид ограничения, декорация представительного образа правления, но не «внутреннее» и не фактическое ограничение, – заключал автор. – Эта форма конституции, вся внешняя обстановка представительного правления, весь декорум ограничения власти нравились императору Александру I, но действительного стеснения или умаления своих державных прав он не допустил ни в России, ни в Финляндии, ни в Польше» [17]. Иначе говоря, исследователь полагал, что намерения Сперанского заключались в реализации не конституционного, а лжеконституционного проекта.

К критикам Сперанского из консервативного лагеря примкнули радикальные либералы и демократы. Так, весьма критично отнесся к «Введению» В.Н. Сторожев. Обоснование Сперанским готовности России к восприятию конституционного строя он, как и Бородкин, считает надуманным и отвлеченным, игнорирующим социально-экономический контекст намеченных преобразований. «О какой конституционной монархии может идти речь, – вопрошал историк, – раз не поставлен ребром вопрос о немедленном крестьянском освобождении? Автор не замечал этих тисков дворянства и бюрократии, в которых была сжата верховная власть» [18]. Историк предполагает, что сам Сперанский сознавал нелепость данной попытки, но вынуж-

ден был считаться с мнением «казчика» – императора.

Советская историография стремилась к новой концептуальной оценке «Введения», но на деле не смогла внести ничего принципиально нового в собственно политико-юридический анализ документа. На практике в историографии продолжали сохраняться два её традиционных направления. Изменения заключались в том, что преобладание положительных оценок «Введения» сменилось доминированием критических мнений о нём. Большинство советских историков примкнули к «критическому» направлению предшествующей историографии. Скептически к труду Сперанского отнеслись М.Н. Покровский и Н.А. Рожков, признавшие, впрочем, за Думой законодательные функции [19, с.215; 20, с.120]. Первые представители советской исторической науки, начавшие свою научную деятельность до революции, могли ошибаться в своих выводах, но не были узкими догматиками, стремились к построению, на основе марксистской методологии, собственных теорий исторического процесса. Однако постепенно догматизация науки усиливалась. Руководящим началом для советской историографии проекта 1809г. надолго стало мнение В.И. Ленина относительно того, что «представительное собрание, существующее рядом с монархической властью, на деле, пока эта власть остается в руках монархии, является совещатель-

ным собранием, которое не подчиняет волю монарха воле народа, а лишь согласует волю монарха с волей народа...» [21].

Но существовало и другое направление советской историографии. Его представляли, те историки, которые соблюдая неизбежные идеологические формальности не стремились быть «святое папы», открыто не заявляя об этом. Они генетически были связаны если не с «позитивным» направлением дореволюционной историографии, которое теперь стало трактоваться как буржуазно-либеральное, то со «средним». Основоположником данного направления советской историографии стал А.Е. Пресняков, который по своей биографии и методологическим принципам принадлежал к дореволюционной историографии. Скептически относясь к практической применимости основных положений «Плана», он считал его не законченной работой, но изложением «принципов» русской конституции [22]. К данному «оттенку» советский историографии 20-30-х годов принадлежал Б.И. Сыромятников [23]. Видимо, не является простым совпадением, что и он начал свою научную деятельность ещё в дореволюционный период, поэтому, думается, не без труда мог приспособиться к утверждавшейся методике написания исторических трудов на основе застывших идеологических схем и штампов. Его приуроченная к столетию со дня смерти Сперанского статья, написанная в крайне тяжё-

лую для научного творчества эпоху, заметно выделялась на общем фоне исторической литературы того времени. Автор считал Сперанского искренним сторонником конституционной монархии, который первоначально вынужден был маскировать свои взгляды, получив возможность более свободно высказывать их во «Введении».

Но постепенно интерес к конституционному проекту 1809г. среди советских историков стал угасать. Причина, конечно, заключалась не только в достаточной изученности вопроса в дореволюционной историографии, но и в усилившихся идеологических ограничениях. Проблема конституционализма и законности как принципов, отличающих «правильный» государственный строй от деспотизма, была очень уязвима с точки зрения политико-идеологической. Совершенно игнорировать «План» Сперанского было невозможно, но теперь следовало подчеркивать его ограниченность и половинчатость, в чём советские историки ещё более сблизилась с некоторыми представителями дореволюционной «критической» (консервативной) историографии. «За блестящим конституционным фасадом, – писал Н.М. Дружинин, – Сперанский сохраняет старые знакомые институты: сословную иерархию, социальные и политические привилегии дворянства, феодальную зависимость крестьян от землевладельца, почти неограниченную власть императора (выделено

нами)» [24]. Поэтому Дружинин отказался считать конституционный проект последовательным буржуазным документом. «В 1801-1820гг. русское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя», – заключал он в более поздней работе [25].

«Оттепель», последовавшая за смертью И.В. Сталина и XX съездом КПСС, по своему воздействию на историографию походила на ту «оттепель», которая была связана со смертью Николая I и начавшимися «Великими реформами». Впрочем, имелись и различия. Советские историки до самой «перестройки» не обладали той степенью свободы, которой пользовались историки второй половины XIX – начала XX вв. Поэтому значительное число появившихся в последний период существования советской власти исследований проблемы относилось или к «критическому», или к «среднему» направлению историографии. Отойдя от догматических крайностей, они не смогли или не могли освободиться от научного догматизма полностью. Такое впечатление, например, производит монография А.В. Предтеченского. Автор критически отнёсся к предложенному Сперанским новому законодательному процессу. Он упрекает реформатора за недоверие его к будущему законодательному учреждению, признавая, впрочем, что Государственной думе была

предоставлена достаточно хорошая компетенция. Отмечая в плане многочисленные пробелы, исследователь всё-таки пришёл к выводу, что «по своей социально-политической направленности «План» является конституцией, открывающей перед феодально-крепостническим государством возможность буржуазной эволюции» [26].

Традиции критической школы продолжил В.А. Калягин [27]. Для подтверждения своего взгляда Калягин прямо сослался на известное нам мнение Ленина. Но решительная критика «Плана» уже не преобладала в советской историографии, в которой всё более набирали силу его позитивные оценки. Это проявилось в монографии Н.В. Минаевой, которая полагала, что «весь смысл буржуазной по своей сущности реформы Сперанского заключен в стремлении провести через самодержавное правительство незаметно или с наименьшим риском быть непринятой идею представительного правления». Минаева обратила внимание на подробную разработку в «Плане» системы местного управления, предположив, что в его организации Сперанский более полно высказал свои истинные политические замыслы, стремление создать представительное правление, основанное на разделении властей [28].

Современный период исследований «Введения» открыла начавшаяся в середине восьмидесятых годов «перестройка». Она благоприятно повлияла на исследова-

ния конституционной истории России, соединив два благоприятствовавших этому условия: впервые возникла возможность действительно объективно исследовать конституционные проекты и одновременно появился общественный запрос на данную проблематику. В определённой мере были воспроизведены условия существования историографии начала XX в., а также доминировавшие до 1917г. историографические направления. На практике, как это было и до революции, конкретные работы могли относиться к «среднему» направлению, соединяя положительные оценки отдельных положений «Введения» с критикой других.

Первым представителем современной «позитивной» историографии следует считать Н.Я. Эйдельмана. Он дал общую оценку «Введения» как интересного проекта «революции сверху», который зашел далеко» [29]. Соглашаясь с недостатками проекта, умеренностью предполагавшихся преобразований, Эйдельман всё-таки признал его огромным шагом вперед в политической истории страны. К этому же направлению относится монография С.В. Мироненко [30]. Наиболее откровенно свои симпатии к деятельности Сперанского продемонстрировал С.А. Чибиряев, работа которого является скорее публицистическим произведением, апологией личности и деятельности «великого русского реформатора» [31]. Очевидные противоречия и неясности, которые присущи за-

пискам и проектам Сперанского, автор объяснил внутренней самоцензурой, необходимостью считаться с характером императора. Либерально-апологетическое направление историографии представляет также работа С.В. Кодана [32]. Оригинальную оценку «Введения» попытался дать В.И. Морозов. Реконструируя закрепленную в нём концепцию государственного управления, автор посчитал, что реальные намерения Сперанского не соответствовали формально заявленной схеме. На деле реформатор якобы стремился придать Думе по возможности независимое от монарха существование, «в реальные планы Сперанского входило установление в России ограниченной монархии, причем в её парламентской разновидности» [33].

На фоне ставших вновь преобладать «позитивных» оценок «Введения» не исчезли и негативные, соединявшие подходы не только дореволюционных, но и советских критиков правительственного конституционализма эпохи Александра I. В публицистической форме с критикой Сперанского выступила Г. Макеева [34]. Её книга является памфлетом против «чиновнического либерализма», проявления которого автор видела в современной ей «перестройке». В категории научных исследований данное направление историографии представляет работа В.А. Фёдорова. Остановившись на поставленной Сперанским дилемме (истинная или ложная конституция), автор считал,

что «Введение» предполагало последнюю форму. «Государственная дума хотя и называлась Сперанским «законодательным учреждением», но по существу это был консультативный, совещательный орган», – писал он [35]. Наконец, сохранилось и «среднее» направление историографии, к которому можно отнести труды А.Н. Медушевского, А.Н. Сахарова, В.А. Томсинова [36-38].

Итак, некоторые вопросы, вызвавшие споры ещё первых исследователей «Введения», продолжают оставаться дискуссионными и для современных ученых. Каков же взгляд автора настоящей статьи на политико-юридическое содержание «Введения»?

Во-первых, следует согласиться, что собственные политические взгляды Сперанского трудно определить из-за характера его основных записок, которые, как и «Введение», писались по заказу, причём взгляды заказчиков могли значительно отличаться. «Молодые друзья» императора, составившие в начале его правления негласный комитет, сомневались в возможности немедленного перехода России к конституционному правлению, рассматривали его как конечную цель длинной цепи подготовительных преобразований. Этому взгляду вполне соответствовала записка 1803г. Напротив, Александр I, несмотря на все колебания и сомнения, большую часть своего правления стремился к учреждению конституционных институтов, что было

осуществлено им в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском. Это отразилось в составленном по его заказу «Введении». Однако Сперанский не являлся, как известный персонаж пьесы А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», просто «золотым пером», способным из соображений карьеры блестяще оформить любую мысль любого политического заказчика. По крайней мере, до 1812г. он придерживался передовых политических взглядов, не мог не симпатизировать конституционным учреждениям. Все составленные им в это время записки и проекты можно идентифицировать как прогрессивные. Правы те историки, которые усматривают политические симпатии их автора в той страсти, с которой он всегда осуждал деспотизм и отстаивал необходимость «истиной монархии».

Во-вторых, Государственную думу в окончательном варианте «Введения» следует считать законодательным, а не законосовещательным учреждением. Неопределённое понятие «уважение законов» включало и их обсуждение, и их принятие. Это, например, следует из следующего положения проекта: «Утверждение закона везде принадлежит власти державной, с тем только ограничением, что в Англии и во Франции не может она утвердить закона, большинством голосов не уваженного, а в Англии, сверх того, может не утвердить закона, хотя бы он и всеми был ува-

жен». Ниже, обосновывая необходимость наделения законодательной инициативой исключительно державную власть, автор проекта писал: «И, впрочем, какая польза для неё отлагать предложение закона полезного или предлагать закон вредный? Первым она стеснит только себя в собственных своих деяниях, а второй будет отвергнут в законодательном сословии» [39]. Ещё яснее законодательные полномочия Думы определены в «Кратком начертании государственного образования», в котором Сперанский сделал «выжимку» из «Введения»: «Закон, уваженный в Думе, вносится на высочайшее утверждение. Закон, признанный большинством голосов неудобным, остаётся без действия» [40].

В-третьих, нельзя представлять Сперанского сторонником парламентской монархии. Подобные симпатии не только не вытекают из текста «Введения», но, думается, не следуют и из внутренних убеждений его автора. Следует помнить, что даже в Англии того времени парламентская монархия только формировалась, постепенно заменяя монархию дуалистическую, идея которой и была заложена во «Введении». Сперанский, человек умный и проницательный, не являвшийся, как писал Середонин, пребывавшим в состоянии самогипноза фанатиком, не только в тексте своих работ никогда не выступал за парламентскую монархию, но и внутренне, полагаю, не мог не понимать невозможности

подобного строя в современной ему России. Более того, Сперанский не мог не понимать, что в проектированной им Государственной думе будет представлено почти исключительно поместное дворянство, либерализм которого вызывал большие сомнения. Именно этим, а не просто желанием угодить монарху, объяснялась та осторожность, с которой автор «Введения» наделял правами «законодательное сословие», сообщал ему важное, но второстепенное сравнительно с царской властью государственно-политическое значение. Ещё долго либеральные бюрократы будут связывать свои планы реформ, особенно социальных, с сохранением сильной монаршей власти.

Литература

- [1] Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000.
- [2] Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.
- [3] Цит. по: Николай Михайлович. В кн. Граф П.А. Строганов. Т.1. СПб., 1903.
- [4] Tourgueneff N. Le Russie et les Russes. T.I-III. Paris, 1847. Полный русский перевод книги: Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001.
- [5] Корф М. Жизнь графа Сперанского. В 2-х т.т. Т.1. СПб., 1861.
- [6] Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.
- [7] Берендтс Э.Н. Вступление. Проекты реформ Сената в царствование императора Александра I // История Сената. Т.3. СПб., 1911. См. также: Благосветлов Г.Е. Один из наших государственных деятелей // Благосветлов Г.Е. Сочинения. СПб., 1882; Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т.3. СПб., 1869; Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909; Глинский Б.Б. Борьба за конституцию. 1612-1861. СПб., 1908; Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М., 1905; Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. Т.1084. 1901. №№10-12; Завитневич В.З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907; Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. СПб., 1873; Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812г. СПб., 1911; Кизеветтер А. Деятельность в истории России. Ростов-на-Дону, 1903; Ковалевский Е. Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I). СПб., 1866; Мещерский И.И. Граф М.М. Сперанский. Краткий очерк его жизни и государственной деятельности. СПб., 1911; Новаковский В. Биографические очерки. М.М. Сперанский. СПб., 1868; Погодин М.П. Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив. 1871.

- №№1-3; Пыпин А.Н. Разбор сочинения М.И. Богдановича «История царствования императора Александра I и Россия в его время». В 6-ти т.т. СПб., 1869-1871. СПб., 1872; Романович-Славатинский А.В. Государственная деятельность графа Михаила Михайловича Сперанского. Киев, 1873; Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700-1895). Ростов-на-Дону, 1905; Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя в XVIII и первой четверти XIX в. // Былое. 1906. №1; Семевский В.И. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX в. // Историческое обозрение. Т.9. СПб., 1897; Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т.1. СПб., 1888; Семевский В.И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. Т.2. М., 1911; Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. Т.2. М., 1911; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; Семевский В.И. Сперанский М.М. // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т.61. СПб., 1900; Сергеевич В.И. Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. Т.7. СПб., 1879; Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909; Середонин С.М. К «Плану всеобщего государственного образования» // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сб. ст. СПб., 1911; Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб., 1910; Фадеев А.Н. М.М. Сперанский. 1809-1909. Биографический очерк. Харьков, 1910; Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т.2. СПб., 1897; Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. История образования русского Государственного совета сравнительно с аналогичными западноевропейскими учреждениями. Т.1. Ярославль, 1892; Южаков С.Н. М.М. Сперанский, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892; Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственных реформ в России. СПб., 1906; Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905.
- [8] Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М., 2004.
- [9] Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.
- [10] Семевский В.И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине цар-

- ствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. Т.2. М., 1911.
- [11] Мельгунов С.П. Император Александр I // Отечественная война и русское общество. Т.2. М., 1911. См. также: Покровский М.Н. Александр I // История России в XIX в. Т.1. СПб., 1909; Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в четырёх книгах. Кн.2. М., 1965; Покровский М.Н. Сперанский М.М. // Энциклопедический словарь русского биографического института Гранат. Изд.7. Т.41. Ч.4. М., 1910; Сторожев В.Н. Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т.5. М., 1913.
- [12] Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700-1895). Ростов-на-Дону, 1905.
- [13] Кизеветтер А.А. История России в XIX в. Литографированный курс. Ч.1. М., 1910.
- [14] Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993.
- [15] Лазаревский Н.М. Русское государственное право. Конституционное право. Т.1. Изд.3. СПб., 1913.
- [16] Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Ч.1. Юрьев, 1914.
- [17] Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.
- [18] Сторожев В.Н. Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т.5. М., 1994.
- [19] Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в четырёх книгах. Кн.2. М., 1965.
- [20] Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Изд.2. Т.7. Л.-М., 1928.
- [21] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.10.
- [22] Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. (Очерк об Александре I вышел в 1924г. отдельным изданием).
- [23] Сыромятников Б. М.М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. №3.
- [24] Дружинин Н.М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч.1. М.-Л., 1939.
- [25] Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964.
- [26] Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957.
- [27] Калягин В.А. Политические взгляды М.М. Сперанского. Саратов, 1973.

- [28] Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982.
- [29] Эйдельман Н.Я. Революция сверху в России. М., 1989.
- [30] Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
- [31] Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1993.
- [32] Кодан С.В. Божьей милостью чиновник. М.М. Сперанский и Российское государство. Екатеринбург, 2001.
- [33] Сперанский М.М.: Жизнь, творчество, государственная деятельность. СПб., 2000.
- [34] Макеева Г. Сперанский и другие. Роман о первой русской перестройке. М., 1990.
- [35] Фёдоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.
- [36] Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- [37] Сахаров А.Н. Александр I (К истории жизни и смерти) // Российские самодержцы. М., 1993.
- [38] Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991 (книга выдержала несколько изданий, её расширенный вариант был опубликован в серии «Жизнь замечательных людей»).
- [39] Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000.
- [40] Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.

ФАТХУТДИНОВА Айгуль Ильясовна,

аспирантка отдела этнополитологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук, младший научный сотрудник отдела этнополитологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук
e-mail: aygul_kamila@mail.ru

САФИНА Элина Фаилевна,

аспирантка кафедры «Английский язык» факультета романо-германской филологии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет»
e-mail: sunny_elianna@mail.ru

**ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ
НАСЕЛЕНИЯ В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ**

Для современного Башкортостана характерны динамичные этнонациональные процессы, среди которых заметное место занимают этноязыковые процессы. Исторические факторы развития региона предопределили формирование и взаимодействие на его территории представителей трех языковых групп – финской, тюркской и славянской.

Проведенные этносоциологические исследования выявили высокий уровень этнического самосознания жителей республики и значимую роль языкового фактора в его формировании и функционировании, особенно в процессе этнической социализации молодого поколения.

Ключевые слова: *этноязыковые процессы, социализация, родной язык, языковая компетенция, языковые ориентации, этническая идентичность, этноинтегрирующая функция языка.*

Современный Башкортостан – республика, в которой проходят динамичные этнонациональные процессы, среди которых заметное место занимают этноязыковые процессы. Исторические факторы развития региона предопределили формирование и взаимодействие на его территории представителей

трех языковых групп – финской, тюркской и славянской. В Республике Башкортостан, население которого по переписи 2002г. представлено башкирами (29,9%), татарами (24,1%), русскими (36,3%), чувашами (2,7%), марийцами (2,7%) и др. народами [6, с.18], наиболее отчетливо выделяются процессы развития и

взаимодействия языков данных этносов на фоне таких общемировых процессов, как глобализация и этническое возрождение.

В век глобализации и урбанизации, в период увеличения национально-смешанных браков, как правило, встает проблема родного языка. Необходимо отметить, что среди ученых нет единого, однозначного мнения относительно понятия «родной язык». Одни считают правомерным признать родным язык матери, другие – язык, на котором человек думает. Существует также мнение, что родным следует считать тот язык, «который считает родным сам опрашиваемый, или тот, которым опрашиваемый лучше владеет или который чаще употребляет» [8, с.271]. Другие считают наиболее конструктивным подход, относящий к родному языку тот, на котором человек научился говорить, объясняя это тем, что он в целом согласуется со статистическим критерием «материнского» языка, так как социализация ребенка в семье осуществляется в основном матерью [2, с.111]. Мы же придерживаемся взгляда, согласно которому понятие «родной язык» определяется этнической принадлежностью, культурной общностью и психологическим складом. Следовательно, «родной язык», являясь этнопсихологическим явлением, оказывается зависимым от целого ряда признаков. В этом случае сложно выделить один единственный признак, который бы определил данное понятие. Скорее всего,

это должен определить каждый человек сам для себя.

Итоги этносоциологических опросов показывают, что абсолютное количество башкир (86,0%) считают родным башкирский язык, 11,1% – татарский и лишь 2,5% – русский [10]. Среди татар доля признавших родным язык своей национальности немного выше – 90,1%, хотя следует заметить, что доля лиц, отметивших в качестве родного русский по сравнению с башкирами в 3,5 раза больше. Однако среди татар доля тех, кто считает башкирский язык родным, составляет очень незначительную часть – всего 1,9%. Данные этносоциологических исследований позволяют утверждать, что в таких случаях единого критерия при выборе родного языка не существует. Предпочтение может отдаваться как языку матери, так и языку отца. Вероятно, это зависит от многих факторов психологического плана. Но важно одно: на языковую социализацию весьма заметное влияние оказывает общение детей со своими близкими родственниками.

Интересным фактом является признание родным языка, не совпадающего с базовым языком своего этноса, в данном случае русского языка. К примеру, 2,5% башкир и 7,5% татар в качестве родного признали русский язык, подтверждая тезис приобщения нерусских народов к русскому языку. При этом татары наиболее подвержены языковой ассимиляции, нежели башкиры, так как у представителей татар-

ской национальности этот показатель выше на 5% (см. табл. 1).

Таблица 1. Признание родного языка у башкир и татар

Языки	Башкиры	Татары
Башкирский	86,0%	1,9%
Русский	2,5%	7,5%
Татарский	11,1%	90,1%

* Таблица составлена по данным опроса 2002г.

Этот показатель в определенной степени отвечает на вопрос о языковой ориентации опрошенного населения Башкортостана. Установлено, что выбор родного языка детерминирован реальной речевой деятельностью и языковой компетентностью. В свою очередь, как отмечает в своих исследованиях ряд ученых, языковая компетентность взаимосвязана с языковой ориентацией [3, с.39].

Из всех опрошенных башкир 79,4% свободно владели языком своей национальности, но в то же время 14,3% респондентов признали, что они говорят на башкирском языке с некоторыми затруднениями и с большим трудом.

А вот количество респондентов-башкир, совсем не говорящих на языке своей национальности, составило более 6%, тогда как доля башкир, не говорящих на русском языке, оказалась всего 0,6% опрошенных респондентов (см. табл. 2). Доля свободно владеющих русским языком среди башкир составляла 80,3%, а среди татар – 85,4%, что

также коррелирует с данными переписи населения 2002г. [10].

Таблица 2. Уровень владения башкирским языком (%)

Варианты ответов	Башкиры	Татары
Думаю	17,8	5,8
Свободно говорю	61,6	18,2
Говорю с затруднениями	10,2	15,7
Говорю с большим трудом	4,1	9,0
Совсем не говорю	6,3	51,3

* Таблица составлена по данным опроса 2002г.

Среди респондентов татарской национальности почти половина опрошенных отметили, что они в той или иной степени владеют башкирским языком. А почти четверть татар признали башкирский язык в качестве как родного и общили, что владеют им в совершенстве.

Среди башкир доля лиц, не владеющих и не разговаривающих на татарском языке, составила немногим менее одной трети (30,8%). Среди татар, свободно владеющих языком своей национальности, – 81,4% , в то же время еще 15,4% татар уверены, что они в той или иной степени могут изъясняться на родном для них языке. Лишь для небольшой части (3,2%) татар язык своей национальности остается недоступным и незнакомым (см. табл. 3).

Таблица 3. Уровень владения татарским языком (%)

Варианты ответов	Башкиры	Татары
Думаю	5,7	20,6
Свободно говорю	32,4	60,8
Говорю с затруднениями	24,4	12,3
Говорю с большим трудом	6,7	3,1
Совсем не говорю	30,8	3,2

* Таблица составлена по данным опроса 2002г.

Как выяснилось в ходе опроса, значительная часть башкир (16,2%) и татар (17,4%) отметили высшую степень владения русским языком – умение думать на этом языке, язык в данном случае стал основой мышления, в то же время 64,1% башкир и 68,0% татар отметили свое свободное владение русским языком (см. табл. 4).

Таблица 4. Уровень владения русским языком (%)

Варианты ответов	Башкиры	Татары
Думаю	16,2	17,4
Свободно говорю	64,1	68,0
Говорю с затруднениями	16,8	11,9
Говорю с большим трудом	2,2	2,4
Совсем не говорю	0,6	0,2

* Таблица составлена по данным опроса 2002г.

Всего лишь менее одного процента как башкир, так и татар, как показали итоги исследования, со-

всем не говорят на языке межнационального общения. Таким образом, абсолютное большинство респондентов башкирской и татарской национальности в той или иной мере владеют русским языком, начиная с общения с некоторыми затруднениями до высшей степени владения, когда на русский язык становится частью мышления.

Преимущество родного языка состоит в том, что он изучается первым [5, с.83]. Подчеркивая значение фактора порядка изучения языков, У. Вайнрайх пишет: «Быть изученным первым – настолько большое преимущество, что язык, который усваивается первым, т. е. «родной язык», уже по самому определению обычно считается доминирующим» [1, с.133].

Итоги этносоциологического исследования показали, что 86,0% башкир в качестве родного признали язык своей национальности, т. е. башкирский, тогда как для 75,2% респондентов башкирский стал первым языком, на котором они начали разговаривать. Для определенной части башкир (14,0%) первым языком стал татарский, а для каждого десятого из ста опрошенных это был русский. Среди татар доля признавших язык своей национальности в качестве первого (материнского) языка, на котором они научились говорить, составила 80,4%, что превышает отмеченный показатель среди башкир на 5%. Значительная часть татар (17,2%) последовательно пополнила долю рус-

скоязычного населения, отметив, что для них первым языком, на котором они начали разговаривать, стал русский, и лишь 1,5% респондентов своим первым языком назвали башкирский язык (см. табл. 5). При этом для незначительной части (5-6%) городских башкир и татар языком детства стал башкирско-русский, татарско-русский или же смешанный национально-русский язык [7]. Осознание своей этнической принадлежности – одно из самых очевидных проявлений этнического самосознания. По данным ученых, занимавшихся проблемами этнической идентификации, у детей из смешанных семей выраженность этнического самосознания ниже, чем у их сверстников из мононациональных семей [9, с.60].

Таблица 5. Первый язык респондентов в зависимости от их национальности (в % от числа опрошенных)

Языки	Башкиры	Татары
Башкирский	75,2	1,5
Русский	10,8	17,2
Татарский	14,0	80,4

* Таблица составлена по данным опроса 2002г.

Данные опроса подтверждают, что в городах русский язык все более активно вторгается в сферу башкирской, татарской семьи и занимает довольно устойчивую позицию. Особенно часто исполь-

зуют русский язык как средство общения дети. Следовательно, этноязыковая социализация подрастающего поколения происходит в основном на русском языке.

Следует отметить, что в Башкортостане проявляет себя обратно-пропорциональная зависимость увеличения употребляемости русского языка в зависимости от возраста. Чем моложе человек, тем шире используется русский язык в обыденной жизни. В разговорах со старшим поколением (бабушками, дедушками, прабабушками и прадедушками) русский язык звучит чрезвычайно редко: среди башкир 3,5-4,8%, а среди татар – 9,2-9,4%. На третьем месте в ранговой иерархии из 10 позиций располагается «первый язык, на котором начали разговаривать»: каждый десятый башкир и без малого каждый пятый татарин назвали таковым русский язык. Четвертое и пятое места заняло русскоязычное общение 12,7% башкир говорят на русском языке с матерью и 14% – с отцом. Среди татар удельный вес общения русскоязычных респондентов с матерью и отцом составил 19,4% и 20,3% соответственно. За пределами семейного общения употребление русского языка заметно возрастает, достигая у башкир 27,6% в общении с близким другом и 40,3% с коллегами по работе. Среди татар русский язык употребляется еще чаще. С близким другом разговаривают по-русски 41,9%, с коллегами по работе – 55,2% татар [2, с.171].

Таким образом, результаты широкомасштабных этносоциологических исследований, проведенных в Республике Башкортостан, подтверждают тезис о более высоком уровне владения русским языком нерусскими народами, нежели об их владении своим родным языком. При этом большая часть опрошенных (и башкиры, и татары, и русские) склонна идентифицировать родной язык со своей национальной принадлежностью. Почти столько же информантов главным критерием при определении родного языка сочли язык родителей и близких родственников. Лишь незначительная часть наиболее важным моментом в признании того или иного языка родным назвали язык раннего детства, то есть язык, на котором они впервые начали говорить.

Проведенные исследования выявили высокий уровень этнического самосознания и значимую роль языкового фактора в его формировании и функционировании, особенно в процессе этнической социализации молодого поколения. В свою очередь, этническая идентичность влияет на формирование отношения к родному языку, к другим этническим ценностям. С понижением значимости языка в структуре этнической идентичности происходит компенсирующее усиление этноинтегрирующей функции других компонентов этнического самосознания. А подъем этнического

самосознания – это своеобразная реакция этносов на процесс глобализации, направленная на защиту своей самобытности, отстаивание своей идентичности [4, с.42-55].

Литература

- [1] Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования (перевод с английского Ю.А. Жлуктенко). Киев, 1979.
- [2] Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа, 1996.
- [3] Губогло М.Н. Русский язык и толерантность. М., 2003.
- [4] Исхакова З.А. Двужычие в городах Татарстана (1880-90-е годы). Казань, 2001.
- [5] Исхакова З.А. Язык и этническое самосознание // Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань, 2002.
- [6] Майоров А.П. Социальный билингвизм и языковое пространство. Уфа, 1998.
- [7] Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. Башкортостанстат. Уфа, 2002.
- [8] Сафин Ф.Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М., 2000.
- [9] Социальное и национальное: опыт этносоциологических ис-

следований по материалам Татарской АССР. М., 1973.

[10] Титова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. Казань, 1999.

* Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан по исследовательскому проекту «Межнациональные отношения в Республике Башкортостан»

был проведен в 2002г. Объем выборки – 1299 респондентов, в том числе 315 башкир, 434 русских, 413 татар и 67 представителей других национальностей. Было опрошено городское и сельское население. В проведении опроса принимали участие авторы статьи.

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Нигматуллина Танзиля Алтафовна,
кандидат исторических наук, директор
Башкирского института социальных технологий
(филиала) Образовательного учреждения профсоюзов
«Академия труда и социальных отношений»
e-mail: bist-atiso@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы воспитания гражданственности у молодого поколения и предлагаются пути их решения на примере работы Ресурсного научно-образовательного центра ЮНЕСКО Республики Башкортостан, созданного в Башкирском институте социальных технологий.

Ключевые слова: *гражданственность, гражданская позиция, нравственность, технологии и формы развития гражданских качеств.*

Вопрос о том, что такое гражданственность, в чем ее сущность, занимал умы ученых с древнейших времен. Отсюда и споры о том, можно ли ставить знак равенства между гражданственностью и нравственностью, гражданственностью и воспитанностью, гражданственностью и патриотизмом? Учитывая междисциплинарный статус проблемы личности, и само понятие «гражданская позиция» всегда находилось в поле зрения самых разных наук: общественных, психолого-педагогических и гуманитарных. Основная причина этого заключается в объективно возросшем влиянии человека на исторический процесс и колоссальной ответственности за будущее перед человечеством.

Изучение мирового опыта гражданского воспитания свидетельствует, что «гражданственность» и «нравственность» не равнозначные и потому не сводимые друг к другу понятия [1]. По своему объёму «гражданственность» шире понятия «нравственность». Ядром понятия «гражданственность» являются такие компоненты его содержания, как правовая и нравственная культура, выражающаяся в соответствующих поступках, поведении, деятельности. Можно быть нравственным человеком, но не обладать осознанной гражданской позицией, проявляющейся в социальной действительности, в отношении к Отечеству.

Добродетельным человека можно назвать лишь тогда, когда

нравственный способ поведения стал постоянной чертой его характера [2]. То же можно сказать и о гражданственности: когда патриотизм, гордость за страну, осознание потребности в её защите, достижение не только личных, но и общественных интересов, социальная активность стали основой поведения, чертой характера, можно говорить о гражданской направленности личности, наличии у человека гражданской позиции. Единство правового и нравственного выражается в таких нормах поведения в гражданском обществе, как терпимость, справедливость, уважение окружающих, гуманность, которые находят своё закрепление не только морально-этических правилах, но и в правовых актах.

Сегодня мы живем в условиях глобального кризиса культуры, в условиях поиска и «выращивания» новых альтернативных форм развития. Поэтому естественно, что образовательные учреждения должны мобильно реагировать на подобную ситуацию. На нас лежит ответственность за то, какими они выйдут из стен школы, вуза; сможем ли мы должным образом сформировать их гражданскую позицию, толерантность, умение сопереживать людям, нести ответственность за все происходящее.

В Башкирском институте социальных технологий (филиале) Академии труда и социальных отношений накоплен определенный опыт эффективного решения проблемы формирования гражданст-

венности в молодежной среде. В 2008 году была создана уникальная структура – Ресурсный научно-образовательный центр ЮНЕСКО Республики Башкортостан (далее – Ресурсный центр). Почему именно ЮНЕСКО? Тому есть две причины. Во-первых, идеи международного юнесковского движения направлены на развитие у подрастающего поколения правовой и нравственной культуры, умения креативно мыслить и принимать взвешенные решения, уважать традиции своего и иных народов, иначе говоря – на формирование гражданственности. Во-вторых, институт является филиалом Академии труда и социальных отношений, учредитель которой – Федерация независимых профсоюзов России. В профсоюзном вузе социальная составляющая априори должна быть одним из приоритетов деятельности, и потому особое внимание уделяется формированию лидерских качеств молодежи, их социализации, воспитанию толерантности, активной гражданской позиции. Иначе говоря, мы по сути своей обязаны работать в русле юнесковского движения.

Что же представляет из себя Ресурсный центр, почему он необходим и какие цели перед собой ставит?

Потребность в образовании Ресурсного центра обусловлена необходимостью создания инновационных прогрессивных организационных форм взаимодействия «школа – вуз – Комитет Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО».

На сегодняшний день выпускники Ассоциированных школ ЮНЕСКО, как правило, теряют связь со своими школами, а в вузах далеко не всегда имеются студенческие клубы ЮНЕСКО или кафедры ЮНЕСКО. В результате активная, социализированная, обладающая лидерскими качествами молодежь оказывается вне юнесковского движения. В настоящее время структурой, взявшей на себя решение этой проблемы, является наш Ресурсный научно-образовательный центр ЮНЕСКО, в рамках которого реализуется модель сетевой структуры, позволяющая объединить учащихся Ассоциированных школ ЮНЕСКО, выпускников этих школ и молодых людей, изъявивших желание работать в русле юнесковского движения. Это дает возможность придать новый импульс реализации проектов международного юнесковского движения и направить вектор деятельности на воплощение новых самостоятельных идей.

В вузе имеются все необходимые условия для успешного функционирования Центра:

- высококвалифицированный профессорско-преподавательский коллектив, обладающий большим творческим потенциалом;

- материально-техническая база, соответствующая самым высоким требованиям современности: лингафонные кабинеты, компьютерные классы с выходом в Интернет и программой «Консультант Плюс», специализированные лаборатории (криминалистическая, за-

конотворчества, ораторского искусства и юридической лингвистики, финансового менеджмента, социальных технологий и другие), Ситуационный центр, включающий мастер-класс, кабинет компьютерных технологий и Зал заседаний. Студенты занимаются в собственном Центре боевых искусств, лазерном тире;

- созданный по инициативе студентов Клуб ЮНЕСКО БИСТ, члены которого – активные участники мероприятий Ресурсного центра;

- опыт работы в рамках международного юнесковского движения и достигнутые результаты (ежегодная международная научно-практическая конференция учащихся, студентов и молодых ученых «Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы», которая проводится на иностранных языках; Гран-при за разработку в рамках Ресурсного центра сайта мемориального дома-музея С.Т. Аксакова; два Диплома Федерального агентства по образованию и золотая медаль ВВЦ за представленный на Всероссийской выставке «Образовательная среда – 2009» проект «Разработка и внедрение социальных технологий и гуманитарных инноваций проектирования системы социального партнерства, два Диплома 1-й степени, полученные студентами 3-го курса юридического факультета за разработанные ими законотворческие инициативы в рамках VI Всероссийского конкурса «Моя законотворческая инициатива», организованного Государственной Думой

Федерального собрания РФ и Национальной системой развития научной, творческой и инновационной деятельности молодежи России «Интеграция», Дипломы и грамоты министерств и ведомств как республиканского, так и российского уровня и т. д.). Эти победы – свидетельство того, что выбранные технологии и формы организации работы Ресурсного центра оказались правильными.

Выстраивая новую модель формирования личности в гражданском обществе, Ресурсный центр ставит перед собой конкретную задачу – объединить педагогический потенциал и возможности социального партнерства в рамках единой площадки высшего учебного заведения для построения модели образования, востребованной современным обществом. В институте выстроена собственная многовекторная система контактов с социальными партнерами: это комплексное сопровождение городских и республиканских заказов в различных отраслях экономики и социальной сферы, учебно-методическая помощь учителям школ, разработка элективных курсов, методики проведения интегративных уроков, работы с интерактивными досками, подготовка школьников к сдаче ЕГЭ и многое другое. Инноватика вуза и в том, что реализуемые образовательные программы формируются с учетом социальной деятельности (изучаются такие предметы, как «Основы социальной политики», «Основы социального государства»,

«Социальное партнерство»). Такая организация научной и культурно-образовательной работы позволяет сформировать социально направленное пространство города и республики.

Ресурсный центр действует в рамках Устава ЮНЕСКО, договора о сотрудничестве между Комитетом Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО и Башкирским институтом социальных технологий, а также проекта «Ассоциированные школы ЮНЕСКО».

Определение приоритетов развития Центра и Концепции его научно-образовательной деятельности базируется на одном из основополагающих положений Устава ЮНЕСКО – неотделимости науки, образования и культуры. Среди задач в области охраны культурного и природного наследия, обозначенных в Декларации тысячелетия Организации Объединённых Наций (Резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000г.), следует в первую очередь назвать:

- содействие в охране разнообразия форм культурного самовыражения, включая его содержание, особенно в тех ситуациях, когда формам культурного самовыражения может угрожать исчезновение или серьёзный ущерб;

- приоритет культурного разнообразия, представляющего общее наследие человечества, которым необходимо дорожить и которое следует сохранять на благо всех.

Развитие юнесковского движения имеет особое значение для Республики Башкортостан, являющейся сегодня единственным государственным образованием, призванным сохранять и приумножать традиции, язык, духовное богатство башкир. Однако исторически сложилось так, что эта земля стала родиной для представителей многих народов. В республике с 4-х миллионным населением проживают также русские, татары, марийцы, мордвины, удмурты, чувашаи, украинцы, белорусы, немцы, евреи, латыши, армяне – всего 113 национальностей, в числе которых – представители всех мировых конфессий. В Башкортостане создана благоприятная среда для развития культур всех народов: работают Национальные центры, воскресные школы, проводятся фестивали и смотры национальных культур. Заметно возрос и интерес молодежи к национальным традициям. Это внимание необходимо постоянно поддерживать, развивать, направлять в нужное русло, поскольку такового требует сама жизнь. Столь мощного и разнохарактерного взлета региональных и национальных умонастроений, как в наши дни, никогда прежде не было, хотя нередко борьба за этнические права трансформируется в национализм, ставший проблемой планетарного масштаба и одной из серьезных причин ряда конфликтов, возникающих в мире.

Отсюда следует, что весьма важной задачей является воспита-

ние в молодых людях, наряду с патриотизмом, также интернационализма и толерантности, то есть уважительного отношения к традициям и культуре не только своего, но и других народов.

В связи с этим Ресурсный центр видит свою миссию в том, чтобы формировать у молодежи культуру мира как всеобщую систему ценностей, взглядов и видов поведения, отражающую социальные отношения, построенные на принципах свободы, справедливости и демократии, терпимости и солидарности, отказа от насилия и предотвращения конфликтов путем устранения их причин. Новые социальные технологии, разрабатываемые в рамках Ресурсного центра, призваны способствовать воспитанию молодежи в духе толерантности, а также обеспечивать на этой основе высокое качество образования. Деятельность Ресурсного центра направлена на формирование культуры межнациональных отношений; оптимизацию взаимоотношений носителей интолерантной культуры – причем не только в одной конкретной республике, но и в России в целом. Кроме того, приоритетами Ресурсного центра является развитие поликультурного и полиэтнического общества как фактора укрепления государственности Российской Федерации и ее регионов на современном этапе, а также изучение взаимовлияния культур и цивилизаций, человеческого общения между представителями различных общественных укладов,

этносов, культур и наследий. В рамках этого направления проведены такие масштабные мероприятия, как Международный конкурс «Наследие С.Т. Аксакова в мировой культуре», Республиканский конкурс «На лучший сценарий национальных свадеб и свадебных обрядов народов Республики Башкортостан» (совместно с Министерством юстиции Республики Башкортостан), 1-й Республиканский конкурс юных сказателей и исполнителей эпического сказания «Уралбатыр» на языках народов Республики Башкортостан и иностранных языках (совместно с Комитетом Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО), городской конкурс учащихся школ и студентов вузов «В единстве и согласии – наше будущее». Безусловно, Ресурсный центр принял самое активное участие в подготовке к 65-летию Великой Победы. Были организованы научно-практические конференции, конкурс на лучшее эссе о своих близких – участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла. Работы получились настолько интересными, что было предложено их опубликовать. А затем родилась идея создания музея, который назвали «Наследие». В качестве экспозиций были представлены планшеты с выдержками из эссе, а также материалы, найденные студентами и школьниками в городском архиве, экспонаты времен Великой Отечественной войны.

Работа Ресурсного центра предполагает реализацию совме-

стных проектов под эгидой Российской Комиссии по делам ЮНЕСКО и Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО, что позволит сформировать единое педагогическое пространство, будет содействовать установлению прямых контактов между школами республики, России и зарубежья, изучению действующих и созданию новых образовательных программ.

В функции Ресурсного центра входит также проведение совместно с образовательными учреждениями республики:

- мероприятий, пропагандирующих национальную культуру и традиции народов, населяющих Республику Башкортостан, расширяющих образовательные горизонты через изучение языков народов мира, страноведение, лингвокультурологию;

- экологических акций, научно-практических конференций и научных исследований в области экологии;

- образовательных семинаров, способствующих формированию мотивации здорового образа жизни, распространению знаний по профилактике вредных привычек у подрастающего поколения;

- мастер-классов, тренингов по выработке лидерских качеств;

- круглых столов и форумов по проблемам прав ребенка, направленных на повышение образовательного правового уровня молодежи.

Реализуя эти функции, Ресурсный центр организовал такие ме-

роприятия, как городской конкурс учащихся школ и студентов вузов «На звание лауреата имени И.С. Аксакова в области права», «Законотворческая инициатива», заседание круглого стола «Ребенок – семья – общество: проблемы толерантных взаимоотношений». Большой популярностью у школьников пользуется инновационный проект Ресурсного центра «Пятая четверть», основная цель которого – формирование креативного мышления учащихся, их лидерских качеств, умения работать в команде, стремления к постоянному пополнению знаний. Впервые в этом году были проведены Дни правовых и Дни профсоюзных знаний для учащихся школ, разработаны и изданы для них правовой справочник «Фемида» и профсоюзный справочник «Вместе мы – сила!». Совместные социальные и экологические акции, участниками которых являются школьники и студенты, также способствуют воспитанию гражданских качеств подрастающего поколения.

Основная цель всех проводимых Ресурсным центром мероприятий – содействие культурному, интеллектуальному и образовательному развитию многонационального народа республики, сотрудничество с регионами Российской Федерации и зарубежными странами, установление и развитие сотрудничества с партнерами ЮНЕСКО в России и других странах в интересах гуманизации общества, основанного на знаниях и иннова-

ционной культуре в условиях глобализации мира.

Ресурсный центр считает приоритетом при организации своей работы и развитие волонтерского движения среди учащейся молодежи, ее социализацию через такие формы, как привлечение детей-инвалидов к участию в образовательных проектах, различного рода конкурсах, оказание помощи социально незащищенным слоям населения в Юридической клинике БИСТ «Социальная правозащита» и Финансовой службе «Консультант БИСТ». Основные цели этих структур следующие:

1. Социально-ориентированные:

- участие в решении социальных проблем общества путем оказания бесплатной консультационной помощи в сфере финансово-экономической и права;

- содействие реализации прав граждан, гарантированных Конституцией РФ и международно-правовыми актами;

- повышение уровня правовой и финансовой грамотности населения.

2. Профессионально-ориентированные:

- приобретение и совершенствование учащейся молодежью практических умений и навыков;

- развитие понимания социального значения экономики и юриспруденции и роли специалистов этой сферы в обществе;

- профессиональная ориентация учащихся общеобразовательных школ.

Вместе со студентами консультационную помощь социально незащищенным слоям населения оказывают и учащиеся старших классов. Всего в течение года обслужено более 300 клиентов. Целевая помощь оказывается Дому престарелых и инвалидов. Волонтеры организуют прием граждан в Молодежной общественной палате при Совете городского округа город Уфа, в Министерстве молодежной политики и спорта республики (с ними заключен соответствующий договор), в региональной общественной приемной Председателя партии «Единая Россия», главы Правительства РФ Владимира Путина в Башкортостане.

В 2010 году совместно с Комитетом Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО была разработана и издана книга «Образовательная среда Республики Башкортостан в контексте мирового юнесковского движения». Она стала первой публикацией, в которой был обобщен опыт работы по реализации основных идей ЮНЕСКО, в ней содер-

жится информация о работе образовательных учреждений – Ассоциированных школ республики, а также материал об основных направлениях деятельности структур, работающих в русле юнесковской проблематики.

Все эти мероприятия не проходят бесследно для их участников. Деятельность Ресурсного научно-образовательного Центра ЮНЕСКО Республики Башкортостан позволяет объединить человеческие ресурсы, интеллектуальный и духовный потенциал республики, способствует оптимизации диалога общечеловеческой и национальной культур, встраиванию региональной модели образования в российскую и мировую систему координат глобального образования, а в конечном итоге – способствует формированию гражданственности молодежи.

Литература

- [1] Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. М., 1996.
- [2] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.

Шкель Станислав Николаевич,
кандидат политических наук, доцент кафедры
«Политология, социология и связи с общественностью»
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»
e-mail: stas-polit@yandex.ru

ДЕМОКРАТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ВЛАСТИ

В статье проведен анализ социально-политических истоков утверждения современного политического режима в России. Обосновывается тезис, согласно которому современное состояние, специфика и проблемы российской демократии связаны с двумя факторами. Одним из них является состояние общественного сознания и массовые запросы на политический курс консервативного толка, что подразумевает определенную девальвацию либеральных ценностей и утверждение этатизма. Вторым фактором связан с политико-идеологическими воззрениями и представлениями о сущности демократии, доминирующими в среде российской политической элиты.

Ключевые слова: демократия, общественное сознание, политическая элита, политический режим.

Одной из актуальных проблем современной отечественной политологии является оценка уровня демократичности политической системы России, а также анализ специфики демократизации российского государства и общества. Современная модель российской политической системы не может быть адекватно осмыслена вне контекста истоков и социально-политических факторов ее становления. Важнейшими из них можно признать общественные ожидания, которые в определенной степени влияли на выработку политических проектов, создавае-

мых в кругу российской политической элиты. Очевидно, что эти два фактора были взаимосвязаны. Поэтому, анализируя сущность и характер современной модели российской демократии, представляется важным исследовать, с одной стороны, общественные запросы на предмет политического устройства страны, с другой – политические интересы элитарных групп, которые формулировали перспективный курс страны в виде политико-идеологических проектов.

Современная политическая система России является порожде-

нием новых стратегий и политических новаций, связанных с деятельностью второго российского Президента В. Путина. Он и его команда идеологов внесли определенные коррективы в демократический дискурс современной России. Несмотря на общую приверженность продолжения политического курса, заложенного Б. Ельциным, методы и подходы реформирования были провозглашены абсолютно другие. Многие из базовых ценностей «лихих девяностых» были подвергнуты ревизии и даже критике. Новшества не обошли стороной и понятие «демократия», которое стало наполняться совершенно особыми содержательными характеристиками. Прежде чем проанализировать сущность этих новаций, попробуем определить факторы и мотивы, лежащие в основе идеологических конструкций новой российской власти.

Как нам представляется, за выбором идейно-политической модели демократии, принятой на вооружение политической элитой России начала XXI века, лежали как объективные социально-политические условия и массовые настроения россиян того времени, так и субъективные характеристики личности самого В. Путина, его система ценностей и иерархия политических убеждений.

Если говорить о ценностных ориентациях россиян, то к 1999 году аналитики на основе результатов общественных опросов приходили к выводу, что «в 1990-е годы так и не завершилось формирова-

ние непротиворечивой системы ценностей, которую разделяли бы большинство россиян. Блоки старых и новых ценностей не только не образуют целостности, но и явно или неявно противостоят друг другу» [7, с.157]. В то же время четко обозначилась общая тенденция, связанная с деидеологизацией ценностных предпочтений. Если в начале 1990-х годов общественное мнение было сильно поляризовано по идеологической шкале «коммунизм – либерализм», то через десять лет радикальных реформ рядовой «среднестатистический» житель России предстает, прежде всего, как прагматик. Основная масса россиян перестала ставить во главу угла идеологию и идеологизированные ценности: ни либерально-демократические, ни консервативные, ни коммунистические, ни какие-то другие. Доминирующими ценностями и первоочередными задачами стали «стабильность» и «порядок». При этом их достижение тесно связывалось с усилением государства [7, с.157].

Демократия в массовом сознании перестала характеризоваться как важнейшая ценность. Так, отвечая в апреле 1998 года на вопрос, какая политическая система подходит России, более половины опрошенных предпочли демократии тоталитарную систему либо в ее советском виде, либо в ослабленной форме, характерной для позднего горбачевского периода. О симпатии к демократии западного типа заявили только 18,2% респонден-

тов. Большинство россиян разделяли точку зрения, согласно которой во имя наведения порядка в экономике и подавления преступности свободу индивида допустимо ограничивать [1, с.123-124]. Согласно данным Фонда «Общественное мнение», ценность демократии относилась к разряду тех, которые разделяют, а не интегрируют россияне. По отношению к демократии происходило социально-групповое размежевание, а значит, сплотить российское общество на этой основе было невозможно [7, с.156].

Исследователи общественного сознания россиян приходили к выводу, что «российское общество, его элита и основная масса граждан пребывают в состоянии неопределенности и выбора между различными возможностями ценностной эволюции. Среди них – русский и советский традиционализм, умеренный («просвещенно-патриотический») прагматизм, радикальный западнический либерализм и асоциальный индивидуализм. Опросы показывали, что большинство россиян (40-45%) склонялись к ценностям умеренного прагматизма. Значительную долю (от 30 до 40%) составляли сторонники советского традиционализма [7, с.158]. Западные ценности у большинства россиян не находили поддержки и опираться на них было бы политически нецелесообразно.

В. Путин, так же как и вся Россия, в 1999-2000 годах стоял перед указанным выбором. Очевидно,

что, формируя свое отношение к демократии, он не мог не учитывать общественные настроения и особенности социально-политической ситуации того периода. Первоначально он оказался в довольно сложном положении. Будучи «премьерником» Б. Ельцина, он не мог сразу отвергнуть идеологемы своего «патрона», главными из которых являлись «демократия, рынок и свобода слова». В то же время было очевидно, что создать долгосрочную электоральную поддержку на основе этой идеологической базы в создавшихся условиях было почти невозможно. 67% россиян считали, что эпоха Б. Ельцина принесла России больше плохого, чем хорошего. Лишь 15% опрошенных разделяли иную точку зрения [3].

Жизненный опыт и биография В. Путина также носили двойственный характер. Быстро поднявшись в России к верховной власти, он обладал послужным списком эпизодического характера, причем отсутствовала внятная взаимосвязь между отдельными видами его деятельности. С одной стороны, В. Путин имел долгий опыт работы в КГБ, что вряд ли можно признать хорошей «школой демократии». С другой стороны, будучи коренным жителем Санкт-Петербурга и довольно долгое время работая в Германии, он не мог не впитать европейский дух и прозападную ориентацию, что предполагает наличие демократических ценностей. В 1990 году В. Путин вернулся в Ленинград и, отклонив предложение работать в

центральной аппарате Главного управления внешней разведки, впервые занялся политической деятельностью. Он стал членом аппарата А. Собчака, занимавшего в то время пост председателя Ленинградского городского совета и имевшего репутацию одного из лидеров российского демократического движения. После избрания А. Собчака мэром Ленинграда В. Путин стал его советником и возглавил городской комитет по внешним экономическим связям. Советником мэра В. Путин был вплоть до 1996 года, когда А. Собчак проиграл выборы. В. Путин вместе с А. Кудриным тогда возглавлял избирательную кампанию А. Собчака. Данный проигрыш показал, что в роли менеджера избирательного процесса и в условиях публичной полемики В. Путин чувствует себя неуютно. Отказавшись от работы в администрации нового мэра Санкт-Петербурга, будущий Президент России предпочел научную карьеру и в 1996 году защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Однако уже осенью этого же года с подачи А. Кудрина, который к этому времени стал главой Кремлевского главного управления, В. Путин был приглашен в Москву на должность главы по связям с общественностью, а позже был назначен начальником Общего отдела Администрации Президента России. Проявив себя как крепкий администратор, В. Путин не остался незамеченным и довольно быстро стал расти по карьерной лестнице

Кремля. В 1998 году он получил пост начальника ФСБ, а к 1999 году его кандидатура оказалась вне конкуренции для Б. Ельцина в качестве своего «преемника» [8].

Биографии первых двух Президентов России – Б. Ельцина и В. Путина – имеют некоторые сходства, но имеют и существенные отличия, которые не могли не отразиться на их политических убеждениях и отношении к демократическим идеям. На Б. Ельцина не мог не повлиять романтический дух «оттепели» 1960-х годов, сформировавший в нем искреннюю идейность. И хотя он большую часть своей жизни был коммунистом, идею демократии, пусть и понимаемую им достаточно превратно, воспринял убежденно и со всей искренностью. С приходом к власти М. Горбачева Б. Ельцин стал «политическим изгоем», его обида выродилась в неистовый антикоммунизм, облаченный в демократическую риторику. Порвав с одной идеологией, Б. Ельцин стал радикальным сторонником другой. Для Б. Ельцина колоссальное значение имела идеология. Крайняя идеологизированность и неприятие оппонентов приводило к тоталитарности мышления и диктаторским замашкам. В то же время отдельные элементы демократических постулатов, в которые Б. Ельцин действительно верил, приводили к его самоограничению, поэтому классическим диктаторам Б. Ельцин все же не стал.

Период взросления В. Путина пришелся на более поздние 1970-е годы – эпоху «брежневского застоя» и советской стабильности со всеми достоинствами и недостатками этого времени. Поколение советских людей правления Л.И. Брежнева имело более прагматичные жизненные установки, несколько поверхностно и даже цинично воспринимало коммунистическую идеологию, но вместе с тем обладало куда мощным зарядом державного патриотизма и гордостью за величие своей страны. Биография В. Путина сформировала в нем сочетание двух, казалось бы, несочетаемых начал: неосоветизма и постсоветизма. В. Путин абсолютно безразличен к идеологии и прагматично синтезирует ценности как левых, так и правых идеологий. Контраст такого рода является не просто гранью путинской личности, но отражает характер унаследованной им системы. Эта идеологическая дихотомия, которая отчасти приемлет советские ценности, но пытается их эклектично вписать в постсоветские реалии, и есть идеологический почерк В. Путина. Какое место в этом идеологическом синтезе занимает демократия?

С приходом к власти В. Путин, вероятно, не имел собственной политической философии. Кроме того, возможно между Б. Ельциным и В. Путиным имелись определенные договоренности, которые касались, в том числе, и идеологической преемственности. Поэтому трактовка демократии в период правления В. Путина имела определенную динамику, она не оставалась

неизменной и постоянно корректировалась.

Первоначально демократию как идеологическую ценность, несмотря на ее девальвацию в шкале приоритетов россиян, на уровне риторики и программных ориентиров политическая элита во главе с В. Путиным сохранила. Однако демократия перестала быть приоритетной ценностью, а ее понимание оставалась в рамках холизма, нежели плюрализма и состязательности, свойственных либеральной модели. Об этом красноречиво говорит тактика избирательной борьбы, которую В. Путин предпочел в ходе президентских выборов 2000 года. Так, в ходе избирательной кампании он отказался обнародовать свою детальную программу и держался над схваткой, словно сам не был кандидатом. На встрече со студентами 8 февраля 2000 года он заявил, что не будет торопиться с публикацией предвыборной платформы, так как она тут же «попадет под удар». Он заметил, что как только она будет высказана публично, «на нее станут точить зубы и ее начнут рвать на куски» [4]. На своей единственной пресс-конференции в ночь выборов В. Путин объявил, что считает проведение избирательной кампании «абсолютно бесчестным делом», поскольку «всегда приходится обещать больше, чем твои соперники, чтобы обрести успех. А я не могу представить себя дающим обещания и знающим, что эти обещания не могут быть выполнены». Он на-

стаивал на том, что держался отстраненно именно потому, что это освобождает его «от необходимости вводить в заблуждение огромные массы людей», и гордился тем, что не низвел свою кандидатуру на уровень своих оппонентов [2]. Тем самым В. Путин отбросил в сторону предвыборный процесс как нечто недостойное честного лидера, что не могло не вызвать недоумения у представителей демократических партий.

Данный «антиполитический» подход к избирательной кампании, хотя и был, вероятно, вполне разумным с точки зрения общей стратегии борьбы, характеризовал специфические воззрения относительно демократии со стороны В. Путина. Очевидно, что данный подход отрицает политику как таковую в качестве способа нахождения баланса между устремлениями и интересами внутри общества. В данном случае демократия понимается как прямая связь между народом и лидером. Последний считается легитимным и демократичным не в силу победы на конкурентных и свободных выборах, а благодаря особой способности лидера выражать и реализовывать волю народа. При этом интересы общества рассматриваются в духе «соборности», то есть как единая воля, а не как совокупность разнородных элементов. В своем выступлении на пленарном заседании Государственной думы третьего созыва 18 января 2000 года В. Путин, обращаясь к депутатам, сказал: «В

1990 году был избран Съезд народных депутатов России, прообраз первого в нашей новейшей истории парламента. Идеологическая работа тогда разделила депутатов на два непримиримых лагеря и имела тяжелые последствия для страны. И все мы не вправе забывать, что депутаты – это представители народа, которые им избраны и перед ним ответственны. Пришло время вернуться к истокам, к тому, что точно определяет само слово «народный», «народный депутат» [9, с.10]. Нельзя не обратить внимание на то, что в данной фразе народ предстает как неделимое целое в единственном числе. А предназначение депутатов видится не в отстаивании интересов отдельных частей общества, а в согласованной реализации единой воли народа. Кто и как эту волю будет определять – не уточняется, но достаточно ясно, что ведущая роль в трансляции народной воли принадлежит Президенту и правительству. В том же выступлении В. Путин отметил: «Для нормальной работы нам нужна максимальная широкая опора в Государственной думе. И это не политическая, а сугубо прагматическая позиция» [9; с.10]. Очевидно, что данное понимание демократии являлось продолжением традиций коллективистской модели демократии, а не либеральной.

В. Путин поставил административную рациональность выше столкновения мнений и политического плюрализма, что неминуемо вело к антиинституционализму, так

как в ситуации, когда единая воля народа представлена харизматическим лидером, отсутствует необходимость задействовать политические институты. Сама демократия в данном случае перестает быть базовой ценностью. Поскольку лидер и без демократических процедур способен улавливать чаяния общества, более важным становятся административные механизмы, позволяющие лидеру эффективно реализовывать единую волю народа. Эта нацеленность на административные меры и недооценка демократических институтов саморегулирования отразилась уже в первых выступлениях и речах В. Путина. В своем единственном предвыборном обращении к избирателям, опубликованном в российских газетах 25 февраля 2000 года, В. Путин в самом абстрактном ключе провозгласил основные проблемы страны и свои важнейшие приоритеты на посту Президента России. Одной из главных проблем России было названо отсутствие точной информации о ресурсах и собственности государства. В. Путин указывал: «Пора четко понять, кто и чем в России владеет. Только тогда можно правильно рассчитать и собственные силы, и какие из планируемых задач действительно реалистичны... Новый директор, принимая дела, первым делом потребует себе бухгалтерский баланс. Россия – это тоже хозяйство, огромное, сложное и очень разнообразное» [9, с.10]. Были обозначены четыре основных приоритета бу-

дущего развития России, которые в целом также носили в большей степени прагматично-технократический, а не политико-идеологический характер. Это: борьба с бедностью, защита рынка и собственности от криминала и чиновничьего произвола, возрождение личного достоинства граждан и патриотизма, отстаивание национальных интересов во внешнеполитической деятельности. Прямых апелляций к ценностям демократии или какой-либо другой идеологии обращение не содержало. Напротив, явно демонстрировалась идеологическая изоляция и откровенный прагматизм. В заключении статьи В. Путин подчеркивал: «Убежден: основной чертой нового века станет не битва идеологий, а острая конкуренция за качество жизни, национальное богатство и прогресс. А прогресс – либо он есть, либо нет. Бедность народов не оправдать никакими отсылками к чистоте партийных принципов – «правых» или «левых» [9, с.22-27].

Таким образом, уже в первых выступлениях и речах В. Путина обозначилась смена некоторых акцентов в понимании демократии и ее места в шкале выдвинутых государственных приоритетов. Ценность демократии не подвергается сомнению, однако она становится вспомогательной в деле реализации главных задач, связанных с укреплением государства, наведения порядка и социально-политической стабильности.

Еще одной новацией В. Путина стал отказ от противопоставления демократии какой-либо идеологии. Если Б. Ельцин ценность демократии и рыночных свобод радикально противопоставлял коммунизму и плановой экономике и это противостояние стало основным лейтмотивом его политического лидерства, то В. Путин сразу заявил о своей внеидеологической позиции. Это со всей очевидностью проявилось уже в 2000 году, когда В. Путин выступил за сохранение музыки советского гимна. Показательно, что этот вопрос стал одним из первых, вызвавших разногласия Б. Ельцина со своим «преемником». Б. Ельцин тогда публично заявил: «Я категорически против возвращения Гимна СССР в качестве государственного. Такими вещами не шутят. У меня со старым гимном ассоциация только одна – власть партийных чиновников. Президент страны не должен слепо следовать за настроением людей, он, напротив, должен активно влиять на них» [5]. В свою очередь, аргументируя свою точку зрения и пытаясь примирить оппонентов, В. Путин заявил: «Хочу отметить, что и те, и другие, представители и той, и другой точек зрения, руководствуются, доказывая свою правоту одной и той же логикой. Одной и той же логикой. Потому что они предельно идеологизируют эти символы государства» [9, с.54].

В отличие от Б. Ельцина, для которого демократия так и осталась в большей мере идеологией, а следование ей, как ему представля-

лось, возможно даже нарушая демократический принцип большинства, В. Путин более осторожно относился к общественному мнению и всегда ссылался на него. Он указывал: «В последнее время особенно жаркие дискуссии шли вокруг гимна – бывшего советского гимна на музыку Александрова. Мы с вами знаем результаты опроса общественного мнения. Подавляющее большинство граждан России отдает предпочтение именно этой мелодии. Трудно не согласиться с логикой, согласно которой не любой вопрос может быть решен обыкновенным арифметическим большинством. Но не будем забывать, что в данном случае речь идет о большинстве народа. В конечном итоге для этого народа и предлагаются символы государства» [9, с.56]. Далее следовала весьма показательная фраза: «Допускаю, что мы с народом ошибаемся. Но я хочу обратиться к тем, кто не согласен с этим решением. Я прошу вас не драматизировать события, не возводить непреодолимых барьеров, не жечь мостов и не раскалывать общество в очередной раз» [9, с.57]. Эта фраза показательна в двух аспектах.

Во-первых, В. Путин открыто отождествляет себя с народом. Он говорит «мы с народом», что явно и явно обнажает его понимание демократии как прямое, не опосредованное никакими представительными учреждениями единение лидера с обществом. Такое единение допускается в силу того, что

народ понимается в большей мере как монолит, как коллективный индивид, а не как совокупность свободных индивидов. Это в очередной раз доказывает приверженность В. Путина к коллективистской, плебисцитарной модели демократии, а не либеральной с развитой конкуренцией и плюрализмом.

Во-вторых, эта фраза демонстрирует нацеленность В. Путина на компромисс и консенсус, а не на конфронтацию и борьбу. Это еще одна важная специфика лидерства В. Путина, которая отличает его от Б. Ельцина и которая существенным образом влияет на его понимание сути демократии. Обращаясь к новоизбранным депутатам в 2000 году, он говорил: «Еще раз подчеркну: мы не делили и не будем делить депутатский корпус на своих и чужих... Россия вступила в новую полосу своего развития. Нам вместе предстоит сделать многое. Поэтому политике борьбы и выяснения амбиции должен быть положен конец. Политика сотрудничества и взаимных ограничений – это единственно возможный и общий путь взаимодействия ветвей власти в современной России» [9, с.7-11]. Почти в каждом своем выступлении В. Путин подчеркивал свое намерение работать в единстве с разными политическими силами. На церемонии вступления в должность Президента России он говорил: «Обращаюсь и к тем, кто голосовал за других кандидатов. Убежден, что вы голосовали за наше общее будущее, за наши общие

цели, за лучшую жизнь, за процветающую и сильную Россию. У каждого из нас свой опыт, свои взгляды, но мы должны быть вместе, нам многое предстоит сделать сообща» [9, с.29].

С 2005 года можно отметить новые тенденции в политическом проектировании администрации Президента и лично В. Путина. Послание Президента Федеральному Собранию от 2005 года можно назвать этапным в процессе эволюции демократического концепта со стороны российской власти. Это Послание стало примечательным по нескольким причинам. Во-первых, оно знаменовало реабилитацию идеологии. Власть возвращалась на поле идеологического дискурса. Если весь свой первый президентский срок В. Путин намеренно дистанцировался от всех идеологий, то теперь он стал подчеркнута идеологизирован. В отличие от всех предыдущих Посланий Президент не стал подробно освещать социально-экономическую проблематику, сразу заявив, что об этом он скажет в «предстоящем Бюджетном послании». Основная часть Послания была посвящена политическим и идеологическим вопросам, которые В. Путин назвал крайне необходимыми для современной России.

Во-вторых, идеологическая речь В. Путина представляла собой дискуссию о российской демократии. Идеология, формулируемая властью, основывалась на демократическом концепте. Спустя несколько лет кос-

венного игнорирования этой тематики В. Путин как никогда громогласно и подробно осветил свое понимание роли демократии в современной и будущей России.

Причины столь резкого разворота к идеологии невозможно понять без учета международного контекста. 2003-2005 годы стали временем обострения отношений между Россией и Западом, что в открытой форме проявилось в виде полярных оценок так называемых «цветных революций» в Грузии и на Украине. Эти события показали, что идея демократии может очень эффективно использоваться в качестве «мягкой силы» как идеологический инструмент геополитического влияния. Обезвредив своих политических оппонентов внутри России в виде региональной и бизнес-элиты, политических партий и СМИ, российская власть столкнулась лицом к лицу с очень сильным противником в лице западных держав, критикующих Россию за отказ следовать универсальным демократическим ценностям. Конкуренция на постсоветском пространстве, так же как и политическая борьба внутри России, неразрывно стала связана с идеологической дискуссией о сущности российской демократии. Запад стал единственной силой, способной своей финансовой и идеологической помощью усилить конкурентов Кремля. Российская элита больше не могла игнорировать идеологическое поле политики, на котором, как показали события

«оранжевой революции», безоговорочно проигрывала. В Послании В. Путин открыто признал, что настало время раскрыть «глубинный смысл ценностей свободы и демократии». Он подчеркнул, что «идущие в России объективно непростые процессы все больше и больше становятся предметом активных идеологических дискуссий. И они связываются именно с разговорами о свободе и демократии» [9, с.271].

Основные тезисы Послания, касающиеся демократии, сводились к следующему. В. Путин начал с небольшого экскурса в российскую историю, показав, что весь ее ход свидетельствует о выборе народа в пользу свободы и демократии. Он также настаивает на главенстве в России европейских ценностей: «Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы и прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром». В. Путин подчеркивал: «Убежден, для современной России ценности демократии не менее важны, чем стремление к экономическому успеху или социальному благополучию людей» [9, с.273].

Далее В. Путин затрагивает тему самобытности российского пути, внося свой вклад в наметившуюся тенденцию национализации идеи демократии. Говоря о трудностях недавнего прошлого, он отмечает, что «надо было решить труднейшую задачу: как сохранить собст-

венные ценности, не растерять безусловных достижений и подтвердить жизнеспособность российской демократии. Мы должны были найти собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства» [9, с.273].

Центральной же идеей Послания, получившей вскоре самое активное развитие, являлась идея о самобытности российской модели демократии. В речи В. Путина впервые прозвучала идея об ее уникальности, независимости и суверенности. В. Путин заявил: «Россия – это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом – с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики – можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути» [9, с.281].

Все обозначенные идеи, представленные в Послании в тезисной форме, уже вскоре получили более развернутую аргументацию в выступлениях и статьях помощника и заместителя главы Администрации Президента В. Суркова. Его выступление перед активом партии «Единая Россия» в феврале 2006 года ознаменовало собой публичную презентацию новой идеологии рос-

сийской власти, получившей наименование «суверенной демократии».

Вплоть до 2007 года идеология Кремля предполагала, что существует принципиальная разница между моделями «управляемой» и «суверенной» демократии. В то же время отрицалось, что между российской моделью «суверенной демократии» и западной моделью либеральной демократии есть какая-либо разница. С. Марков в 2006 году заявлял, что «идеологические принципы концепции суверенной демократии – либерализм и патриотизм, движение к западной модели при сохранении России как великой державы... Россия стремится развивать демократию, которая базируется на классических демократических принципах: власть большинства при уважении прав меньшинств; свобода слова и СМИ, политическая конкуренция, власть закона» [10]. А. Мигранян подчеркивал, что «Россия понимает, что такое эффективная либеральная демократия с ее институтами и ценностями. Но Россия хочет прийти к этим ценностям и институтам суверенно, на собственной почве, собственными силами и по собственному решению... мы сами понимаем необходимость освоения Россией демократических институтов и ценностей, но будем суверенно, буквально суверенно, то есть без внешнего диктата и доминирования, развивать эти институты и ценности» [6]. В. Сурков, отвечая на вопрос о том, чем отличается суверенная демократия от того,

что существует в Европе, прямо говорил: «Да в том-то и дело, что ничем. Это те, кому выгодно, создают впечатление, что мы под суверенной демократией понимаем какую-то самоизоляцию и какую-то экзотическую русскую версию демократии. Да ничем эти паттерны не отличаются, просто ничем!» [11].

В дальнейшем, однако, в идеологии власти появились совершенно иные обертоны, указывающие на трансформацию мышления идеологов в сторону славянофильства и откровенного почвенничества. За новыми идеологическими постулатами кремлевских идеологов перспективы либеральной демократии как нормативной модели для России становились все менее заметными. Этот новый этап в идейной эволюции власти можно обозначить 2007 годом, когда В. Сурков выступил с публичной лекцией в Российской академии наук на тему «Русская политическая культура. Взгляд из утопии».

В этой речи представитель власти затрагивает тему особенностей русской политической культуры. Тема эта не являлась оригинальной в постсоветском политическом дискурсе, но выводы и общие положения В. Суркова в этом аспекте демонстрировали явный пересмотр идеологических позиций власти. До сих пор политическая культура и характеристики современного гражданского общества в России рассматривались идеологами Кремля как основная причина недоразвитости российской моде-

ли демократии. Мы уже указывали выше, что Г. Павловский оправдывал определенную «управляемость» демократии в России «темнотой», радикализмом или крайней пассивностью российских граждан. Постулировалось, что в этих условиях чрезмерная либерализация приводит к хаосу и анархии, ослаблению государства и искажению истинных принципов демократии. В противовес этому в рассматриваемом выступлении предпринята попытка опереться в развитии российской демократии на эту культуру, признать ее как данность и использовать в демократическом развитии. В. Сурков указывал, что «новый демократический порядок происходит из европейских цивилизаций. Но при этом из весьма специфической российской ее версии. Он жизнеспособен в той мере, в какой естественен, то есть национален. Если не отрицает русскую политическую культуру, а принадлежит ей и развивается не вопреки, а вместе с ней» [12, с.10]. Для понимания того, какая модификация демократии применима в России на практике, он считал необходимым определить «архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры», ее «фундаментальные категории и матричные структуры» [12, с.10].

Отвечая на вопрос о сущности русской культуры, В. Сурков обращается и обильно цитирует классиков русской философии, таких как И. Ильин, Н. Бердяев, Е. Трубецкой, а также обращается к наследию

И. Бродского. На основе их идей делался вывод, что «в основе нашей культуры – восприятие целого, а не манипулирование частностями; собирание, а не разделение». Названная фундаментальная данность, по мысли автора, наделяет российскую политическую практику как минимум тремя яркими особенностями, а именно: «Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов» [12, с.10].

Из указанных особенностей следовало оправдание политического курса В. Путина. Централизация государства, укрупнение партий и переход на пропорциональную избирательную систему, а также большие конституционные полномочия Президента трактуются как отражение холизма, свойственного российской политической культуре. Вполне естественным видится В. Сурковым и персонификация политических институтов. Он говорит: «Мне кажется, в нашей политической культуре личность и есть институт». Хотя допускается, что понятие центра власти, методы централизации и способы сохранения целостности могут меняться во времени и становиться нелинейными, более мягкими и сложными, тем не менее, Россия, подобно Франции, относится к разряду тех стран, где роль центральной власти неизменно велика. Поэтому делается вывод, что «неосторожная и

несвоевременная децентрализация всегда будут ослаблять российскую демократию. Порождать хаос и деградацию социальных институтов, структур демократической власти. Их будут в таких случаях подменять, как уже бывало, олигархические клики и вненациональные организации» [12, с.12].

Таким образом, после некоторых раздумий российская власть отвергла западную модель либеральной демократии с плюрализмом и политической состязательностью, опорой на институты и процедурные аспекты политической практики. Взамен этого была сформулирована модель суверенной демократии, которая получила свою конкретизацию посредством идеально-типических характеристик русской политической культуры, назвать которые истинно демократическими можно только весьма условно. Концепция суверенной демократии объявлялась наилучшей с точки зрения соответствия основам русской политической культуры, так как она оправдывает централизацию и предельно персонифицирована, поскольку «интерпретирует курс президента Путина» [12, с.12].

Тем не менее, было бы несправедливо не заметить в идеях В. Суркова некоторых либеральных посылов. Как следует из его выступления, «суверен-демократический проект предусматривает изменение социальной системы, придание российскому обществу большей гибкости, динамичности, восприимчивости к

позитивным переменам» [12, с.12]. В. Сурков призывает сделать Россию конкурентоспособной страной, что предусматривает переход к инновационной экономике и информационному обществу. Он указывает, что «мы можем и обязаны стать белыми воротничками в мировом разделении труда, занять важное место в глобальной иерархии». Для этого, по его мысли, необходимо «спроектировать политический курс таким образом, чтобы правящее большинство в собственных интересах способствовало росту влияния и активности передового меньшинства, а именно: предпринимателей, ученых, инженеров, гуманитариев, деятелей искусства, управляющих, нового поколения политиков, то есть творческого сословия страны». Далее в выступлении делается очень важное замечание: «Консолидация, централизация власти была необходима для сохранения суверенного государства и его разворота от олигархии к демократии. Но уже сегодня и тем более завтра она может быть оправдана лишь в той степени, в какой служит целям перехода России на следующую ступень, на качественно новый уровень цивилизации». Тем самым признается необходимость в будущей либерализации российской политической системы. В то же время отмечается, что «старая либеральная догма о высвобождении творческой энергии исключительно посредством механического расщепления, разделения, разложения социальных структур не окончательно верна. Что холистические подхо-

ды, методы социального синтеза, сохранения и соединения, свойственные русской политической культуре, также пригодны для выращивания демократии. Видно, что неизбежные усложнения и дифференциация общественных институтов уравниваются встречной силой собирания разделенного, интеграции сложного целого» [12, с.25-27].

Из сказанного можно сделать вывод, что в среде российской власти было четкое понимание необходимости модернизации российского общества, что предусматривало либерализацию социальных отношений. В далекой перспективе импульс этой либерализации должен коснуться и политической системы, однако, на современном этапе это считалось преждевременным и даже опасным. Именно поэтому идеологи старательно обходили тему политической конкуренции и плюрализма, противопоставляя этому идею единства лидера и народа, оставаясь на позициях коллективистской модели демократии.

Сегодня в среде политической элиты России демократия по-прежнему понимается по преимуществу не как конкурентный механизм и средство мирной ротации власти, а как власть, отражающая единую волю народа. Политический плюрализм и конкуренцию не рассматривают как наилучший способ определения воли большинства, и в этом смысле власть сохраняет взгляд на российское общество как недоразвитое, которое легко обмануть и которое неспособно само-

стоятельно сделать правильный выбор. Демократические процедуры в таком контексте рассматриваются как опасные, так как могут стать инструментом возвращения во власть олигархов или реваншистов, которые априори не могут учитывать народные интересы и потому не могут считаться демократическими силами. Политическая элита России сегодня имеет куда более четкие представления о механизмах либеральной демократии, но продолжает мыслить соборно, вероятно, потому, что ей так более выгодно. С сожалением можно признать, что властвующая элита продолжает использовать агрессивную риторику, называя критиков власти «пятой колонной» и «западными пособниками», возрождая советские традиции неприятия оппозиции как таковой.

Литература

- [1] Башкирова Е., Федоров Ю. Лабиринты посттоталитарного сознания // Pro et Contra. 1999. Т.4. № 2.
- [2] Беллин Л. Как государственное телевидение помогало Путинской кампании // Вестник российских выборов. 2000. № 5 (13).
- [3] Досрочная отставка Б. Ельцина: пресс-выпуск Левада-Центра от 19.01.2000г.: [Электронный документ]: Режим удаленного доступа: <http://www.levada.ru/press/2000011901.html>
- [4] Известия. 9 февраля 2000г.
- [5] Комсомольская правда. 8 декабря 2000г.
- [6] Мигранян А. Современные политические процессы в России // Современная Россия: Курс лекций / Под. ред. В.А. Никонова. М., 2008.
- [7] Пантин В., Лапкин В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Pro et Contra. 1999. Т.4. № 2.
- [8] Подробнее биографию В.В. Путина см.: Блоцкий О. Владимир Путин: история жизни. Кн.1. М., 2002.
- [9] Путин В.В. Избранные речи и выступления. М., 2008.
- [10] Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность: стенограмма выступлений в рамках круглого стола // Российская газета. 6 сентября 2006г.
- [11] Сурков В. Быть свободной нацией среди свободных наций // Сурков В. Тексты 97-07. М., 2008.
- [12] Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии // Сурков В. Тексты 97-07. М., 2008.

Гареева Ника Эдуардовна,

*аспирантка кафедры «Политология, социология и связи с общественностью» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет»
e-mail: nikaga@yandex.ru*

ТРАЕКТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В статье рассмотрен процесс становления и развития научных школ и теоретических направлений исследования постсоветских трансформаций в рамках российской политологии. Предложена классификация основных методологических парадигм исследования траекторий политических трансформаций в странах бывшего СССР. Выделены и обоснованы этапы развития современной российской политической мысли в контексте указанной проблематики.

Ключевые слова: *либерализация, постсоветское пространство, политические преобразования, политическая транзитология.*

Одной из наиболее серьезных аналитических проблем, породивших долговременную дискуссию в политологическом сообществе, стал вопрос о траекториях, стадиях и сущности политико-режимных трансформаций на постсоветском пространстве. Уже в самых первых работах, посвященных данной проблематике, обозначился раскол во мнениях ученых относительно возможности и целесообразности причислять политические трансформации в странах бывшего СССР к «третьей волне демократизации». При этом следует подчеркнуть, что указанный раскол, несмотря на существенную изолированность на начальном этапе друг от друга российской и зарубежной поли-

тологических школ, был в равной мере присущ обоим.

С началом перестройки и либерализации политического режима в СССР российские обществоведы, которые до сих пор изучали политические трансформации только в рамках марксистского подхода, стали вовлекаться в научные дискуссии о сущности постсоветских трансформаций. Уже скоро формационный подход стал дополняться зарубежными теоретическими разработками из области политической транзитологии. Однако долгое время существовали разительные методологические расхождения в осмыслении постсоветских трансформаций между

отечественной и зарубежной политической наукой. Если часть российских политологов с энтузиазмом восприняли наработки в этой области западных ученых и стали пытаться спроецировать их на российскую политическую реальность, то большинство было знакомо с ними только в русскоязычном пересказе и поэтому создавало аналитические модели посткоммунистических трансформаций самостоятельно.

Широкий общественный резонанс и научные диспуты о направленности российских политических преобразований были заложены в ряде публикаций А. Миграняна и И. Клямкина в период 1988-1989 годов [6, 7]. В этих работах авторы впервые сформулировали тезис, согласно которому политические трансформации в СССР следует рассматривать не как прямой переход к либеральной демократии, а как первоначальную трансформацию от коммунистического тоталитаризма в одну из форм авторитарного режима. При этом, ссылаясь на слабость гражданского общества и отсутствие демократической политической культуры, авторы считали формирование в СССР авторитарного режима не только возможной, но даже желательной траекторией политического развития, поскольку реалистический анализ ситуации, по их мнению, позволяет предположить, что только автократия во главе с сильным лидером способна провести радикальные рыночные преобразования. Последние и станут социально-

экономической основой для дальнейших, уже демократических реформ в политической сфере. Однако эти этапы не могут происходить одновременно, так как непопулярность рыночных реформ требует сильной власти, способной удерживать волну социального протеста, привести к дестабилизации политической системы и сворачиванию рыночных реформ. Поэтому успех рыночных преобразований возможен лишь при условии сильной, авторитарной власти. Демократизация же, по мысли авторов, до осуществления рыночных преобразований, нежелательна и невозможна. Поэтому о подлинной демократизации можно говорить лишь после построения основ рыночной экономической системы, что требует времени. Таким образом, политические трансформации в республиках СССР авторы рассматривали не столько как демократизацию, сколько как либерализацию. При этом в политической сфере трансформация означает не прямой переход к демократии, а изменение тоталитарного режима в одну из форм авторитаризма. В свою очередь, дальнейшая трансформация от авторитаризма к демократии носит более долговременный характер и должна быть обусловлена успехом в реформировании социально-экономической и культурной структуры общества.

Концептуальные положения А. Миграняна и И. Клямкина о неизбежности авторитарной фазы в процессе перехода от тоталита-

ризма к демократии вызвали волну критики в российском политологическом сообществе. Так, Л. Баткин и Г. Дилигенский выступили с тезисом о недооценке зрелости гражданского общества в постсоветских странах, а также о значимости демократии как самоценности для массового сознания и электорального поведения [2, 5]. Л. Шевцова поставила под сомнение тезис о возможности рассматривать авторитаризм в специфических посткоммунистических условиях как предпосылку для создания рынка и демократии. Она обратила внимание, что страны посткоммунистического мира, в отличие от Южной Кореи или других новых индустриальных стран, где экономическая модернизация была проведена в рамках диктаторских режимов, не имеют настоящего рынка. Исследовательница задавалась вопросом: «К чему может привести установление авторитарной власти (пусть оперирующей рыночными лозунгами и идеями в духе британских неоконсерваторов) в обществах, где сохраняется абсолютная монополия государственно-бюрократической собственности? Есть ли серьезные гарантии, что такая власть пойдет на ликвидацию этой монополии, особенно если учесть, что данная монополия в экономике как нельзя лучше обеспечивает монополию в политике? Ответ может быть только один: таких гарантий нет и быть не может» [11, с.86].

Таким образом, не отрицая возможности установления автори-

тарного режима в странах постсоветского пространства, Л. Шевцова считала ошибочным рассматривать авторитаризм как одну из промежуточных стадий демократизации. В специфических условиях посткоммунизма, по ее мнению, это означало совершенно иную траекторию политического развития, не имеющую ничего общего с демократизацией. Более того, эта исследовательница первой из российских политологов сформулировала тезис, согласно которому траектории постсоветских политикорежимных трансформаций имеют более сложную последовательность, чем стадии в цепочке тоталитаризм – авторитаризм – демократия. По ее мнению, сложность проблемы заключается в том, что на постсоветском пространстве возможны разные типы авторитаризма: «популистский авторитаризм, опирающийся на уравнительно ориентированные массы; либеральный авторитаризм, стремящийся к созданию рынка; национал-патриотический авторитаризм, использующий национальную идею для создания либо эгалитаристского, либо квазирыночного общества» [11, с.86]. Несмотря на идеологические различия, все вышеупомянутые типы авторитаризма, по мнению Л. Шевцовой, способны не столько создать основы для будущей демократизации, сколько осложнить этот процесс и даже перевести политическое развитие в сторону тупиковой ситуации.

Хотя концептуальные положения Л. Шевцовой о вариативности конечных результатов постсоветских политико-режимных трансформаций не были ею основательно обоснованы и методологически проработаны, они, тем не менее, оказались весьма проницательными и ценными, так как являлись одной из первых попыток преодоления доминирующих до сих пор в научной и публицистической литературе представлений о заранее обусловленном и четко детерминированном линейном политическом развитии постсоветских государств либо к авторитаризму (по А. Миграняну), либо к демократии (по мнению представителей транзитологии).

Подавляющее большинство исследователей продолжали рассматривать политические трансформации в странах постсоветского пространства, уделяя основное внимание противоборству тенденции авторитарного и демократического развития. Среди российских политологов в рамках рассматриваемого этапа наиболее разработанной можно признать концепцию вариантов постсоветских политических трансформаций Л.А. Гордона и Н.П. Плискевич [4]. Эти исследователи на примере России разработали схему направлений возможного развития постсоветских политико-режимных трансформаций, выделив пять гипотетических сценариев.

Два из них, обозначенных как «демократические и неокommунитарские утопии», они определи-

ли как маловероятные. Сценарий «демократической утопии», то есть продолжение романтической линии на одновременное расширение свобод, ослабление государственного регулирования и ускорение либерально-рыночных реформ в экономике, авторы считали исчерпанным, так как «высокий уровень политической свободы, воцарившейся в обществе, где еще не утвердились подлинно рыночная экономика, идейный плюрализм, демократические ценности, ведет к социальной анархии, в которой никакое созидание немыслимо». Исследователи признают, что этот курс был необходим и показал свою эффективность в деле разрушения старой коммунистической системы. Однако в новой ситуации «стремление и дальше двигаться, углубляя одновременно как демократические, так и рыночные реформы, оказывается опасной утопией». Не менее утопичным, по мнению авторов, является и сценарий «неокommунитарской утопии», то есть курс на реставрацию плановой экономики, что неминуемо ведет к антидемократическим тенденциям в политической сфере [4].

Наиболее возможные варианты развития в рассматриваемой концепции связаны с общей тенденцией на преодоление хаоса, восстановление государственности и общественного порядка. Как подчеркивают исследователи, «достижение такой стабилизации в нынешней ситуации (как и всегда на

выходе из разрушительных стадий революции) требует некоторого отступления от «хаотической свободы», сложившейся в период сокрушения прежних порядков. Сдвиг в этом направлении составляет общую черту всякого реалистического (нефантастического) варианта развития современной России» [4]. В то же время степень отступления к авторитарности может быть очень неодинаковой. Рост авторитарности может дать совершенно различные результаты при разной его интенсивности, долговременности и других внутренних и внешних факторах. На основе анализа всех этих обстоятельств Л.А. Гордон и Н.П. Плискевич выделяют в схематическом виде три, по их мнению, реально возможных направления постсоветских трансформаций. Это: национально-государственный социализм (неокоммунистический реализм); государственно-националистическая (фашистская) диктатура, то есть национально-авторитарная эволюция; ограниченная демократия (полудемократический реализм).

Первые два сценария развития очень схожи друг с другом, являются модификациями общей тенденции и отличаются лишь степенью свободы в экономической сфере. Сценарий «неокоммунистического реализма» характеризуется интенсивно-авторитарным и государственно-националистическим развитием в сочетании с отрицанием или жестким ограничением рынка. Сценарий «национально-авторитарной

эволюции» связан с сокращением демократии при сохранении основ рыночной экономики. Как указывают авторы, «именно присутствие таких «несоциалистических» элементов, равно как и общая несвязанность с идеологией и символами прежнего коммунистического режима, делает некоммунистический авторитаризм вполне вероятным» [4, с.100].

Близость друг к другу вариантов интенсивного авторитарного развития подчеркивает принципиальную противоположность им третьего варианта: «неинтенсивного, умеренного авторитаризма, своего рода полуавторитарной – полудемократической эволюции» [4]. Этот сценарий характеризуется тем, что отступления от демократии, которые неизбежны, тем не менее, не носят необратимый характер. Говоря о конкретных формах «полудемократии», Л.А. Гордон и Н.П. Плискевич указывают, что определенные ограничения демократии могут проявляться в виде чрезвычайных мер и наделения особыми полномочиями ряд силовых структур в целях противодействия преступности. Еще одна черта «полудемократии» – диспропорция в сфере разделения властей. Говоря о сложности формализации критериев «полудемократии» и внешней схожести этого режима с классическим авторитаризмом, авторы указывают на его явно специфические черты. Главной из них они называют то, что в условиях «полудемократии» многие из

демократических институтов функционально ослабляются, ограничиваются, но не ликвидируются вовсе. Как пишут исследователи: «Пожар в Рейхстаге и пожар в Белом Доме закончились противоположными результатами. Это как раз и показывает, сколь глубокими и значимыми могут быть различия между полным отказом от разделения властей и его ограничением, какая пропасть отделяет полный авторитаризм как преддверия тоталитаризма от полуавторитаризма – как вынужденного этапа в движении к демократии» [4, с.101].

Для тех политологов, которые были склонны рассматривать политические трансформации на постсоветском пространстве в категориях специфической версии демократизации, отдельной тематикой стал вопрос о стадиях этого процесса. В этой связи российские авторы предприняли попытки проекции западных теоретических моделей на политическое поле постсоветских государств. Так, рецензируя одну из книг испанских ученых, С.М. Хенкин обращает внимание на периодизацию переходных процессов в Испании, предложенную профессором Р. Котарело. Будучи изложена не на языке конкретно-исторических испанских реалий, а в виде общей модели, она, по мнению российского исследователя, могла служить идеально-типичным образцом, посредством которого можно обнаружить общее и особенное в политических трансформациях вне Испании, в том числе в

странах посткоммунистического мира [10, с.189]. Согласно этой модели, процесс перехода к демократии насчитывает шесть этапов: 1) кризис диктатуры; 2) рост легитимности демократических ценностей в общественном сознании; 3) смена правящих элит и государственной символики; 4) «первый консенсус: соглашение относительно прошлого», то есть отказ вчерашней оппозиции от «охоты на ведьм», национальное примирение между победителями и побежденными при «реалистическом» отношении к проблеме наказания лиц, виновных в преступлениях диктатуры; 5) «второй консенсус: установление временных норм для обсуждения, в атмосфере свободы, норм окончательных», то есть начало диалога между различными социально-политическими силами с целью определения «правил игры» в новой политической ситуации; 6) «третий консенсус: окончательное определение правил игры нового режима» [10, с.189].

Предлагая свою «схему трех консенсусов», Р. Котарело подчеркивает, что речь идет «об открытой, гибкой и динамичной схеме»: одни ее элементы в различных случаях продуктивны, а другие – нет. При этом ни на одном из шести этапов нельзя считать исключенной опасность поворота к реставрации авторитарного режима. По мнению С.М. Хенкина, приложение этой модели к анализу переходных ситуаций в странах Восточной Европы и бывшего СССР показывает, что о

полном соответствии в данном случае говорить не приходится. Например, уже «первый консенсус – соглашение относительно прошлого» не сложился во многих посткоммунистических обществах, оказывающихся в связи с этим расколотыми в идейно-политическом и психологическом плане. В России не достигнуто гражданское согласие и по другим важнейшим проблемам жизни и устройства общества, чему препятствуют: 1) разное понимание различными общественными силами целей переходного периода и приемлемых средств и методов их достижения; 2) инерция нетерпимости к инакомыслию, не просто унаследованная от тоталитарного прошлого, но являющаяся следствием (и фактором) глубокой расколотости самого общества [10, с.189].

Вне демократической парадигмы выделил стадии политической трансформации в России Д.В. Бадовский. На основе синтеза элитистских подходов и бюрократической концепции М. Вебера, а также тезиса Э. Мандела о разграничении «господствующей элиты» и «управляющей элиты», он склонен рассматривать постсоветские трансформации в логике межэлитной конкуренции. Согласно его модели в постсталинскую эпоху в СССР завершился процесс усиления бюрократического аппарата, что знаменовало собой разделение прежде монолитной советской номенклатуры на две элитные макрогруппы: аппаратную (управленческую) и

царствующую элиту высших партийных руководителей. В дальнейшем, по мере ослабления идеологической составляющей, происходит утрата коммунистической партией элитного статуса, в то время как «все ярче вырисовывается новый правящий класс – бюрократическая элита» [1, с.49]. Постсоветские политические трансформации, по Д.В. Бадовскому, определяются дальнейшим «освобождением» бюрократической элиты от господства партийной элиты, а также поиском элитных групп оптимальной модели для собственной адаптации в новых политических и экономических условиях [1, с.50].

На основе этих методологических установок автор выделяет четыре этапа постсоветских трансформаций, связанных с изменениями внутри правящего класса и поисками им новой формулы правления.

1. Первый этап, связанный с началом «горбачевской перестройки», характеризуется попытками *внутрисистемных изменений* и общей установкой на сохранение общественного строя. Однако этот процесс не удалось удержать в рамках этой стратегии, что привело к дезинтеграции прежней правящей элиты. Наиболее существенной на данном этапе становится «битва за аппарат», за бюрократическую элиту, контроль над которой в условиях номенклатурной системы и в период ее распада и трансформации является ключе-

вым механизмом политического господства.

2. Второй этап связан уже с *системными изменениями*. Ключевую роль в политическом развитии приобретают процессы, происходящие в России, вокруг нового руководства которой постепенно формируется контрэлита союзной власти. Бюрократическая элита в этой ситуации распалась на различные группы.

3. Третий этап связан с распадом консолидированной на основе негативного консенсуса российской элиты, которая с началом радикальных рыночных реформ стремительно фрагментируется.

4. Новый этап политических трансформаций характеризуется продолжающимися процессами перераспределения и приватизации собственности в условиях отсутствия единства политической элиты.

По мнению Д.В. Бадовского, ключевыми современными тенденциями в процессе консолидации нового правящего класса являются: 1) установление бюрократической элитой собственного аппаратного господства; 2) интеграция политических и экономических элитных группировок; 3) процессы регионализации элит.

Таким образом, сам вектор и стадии постсоветских трансформаций Д.В. Бадовский связывает не столько с процессом демократизации, сколько с сугубо внутриэлитными интересами. Итогом трансформации, по мысли исследовате-

ля, должна стать консолидация бюрократической элиты и минимизация межэлитной конкуренции. Как указывает автор, «последующее развитие должно быть направлено на постепенное складывание в России политической элиты нового типа, генезис которой был бы связан не с трансформациями внутри существующей элиты, но имел бы свое основание в системных социально-экономических изменениях, в формировании новой классовой структуры общества» [1, с.58].

Говоря о перспективах и конкретных формах консолидации бюрократической элиты, Д.В. Бадовский обращает внимание на региональный уровень, где к 1994 году явно обозначились подобные процессы в виде создания устойчивых политико-экономических группировок вокруг главы местной исполнительной власти. Подобного рода господство в виде пирамиды в регионах исследователь определяет как «партию власти». Исследователь также указывает, что оформление подобной «партии власти» логически должно иметь естественное продолжение на федеральном уровне. В этом смысле победа любой из фракций бюрократической элиты в рамках электорального процесса представляется автору как попытка нового издания номенклатурной системы в новых социально-экономических условиях [1, с.58].

С 1996 года можно говорить о все большей интеграции отечественных и зарубежных подходов к анализу постсоветских трансфор-

маций. Западные концепции стали более интенсивно браться на вооружение российскими исследователями, которые начали предпринимать попытки их обобщения, систематизации и адаптации к реалиям политических трансформаций в странах бывшего СССР. Например, О.Г. Харитонова предприняла систематизацию теорий политико-режимных трансформаций ведущих зарубежных транзитологов (Д. Растоу, Г.О' Доннела, Ф. Шмиттера, А. Пшеворского, С. Хантингтона, В. Банс) и предложила «синтетическую модель трансформации политического режима в демократию», которая фиксировала «интегральную логику» процесса демократизации [9].

Согласно этой модели идеальный тип перехода к демократии включает в себя четыре основные стадии: 1) либерализация политической жизни, предполагающая институционализацию гражданских свобод, контролируемое «приоткрытие» режима; 2) демонтаж наиболее нежизнеспособных институтов прежней политической системы; 3) демократизация, означающая установление норм, процедур и институтов нового демократического режима, основным критерием которой являются свободные выборы; 4) ресоциализация граждан в новую систему [9, с.73].

Обобщенная логика модели О.Г. Харитоновой включает в себя синтез двух схем, различия которых состоят в наличии или отсутствии консенсуса между реформаторами

и умеренными сторонниками старой системы (по А. Пшеворскому). Первая схема, которую О.Г. Харитонова условно обозначает как «кооперативную», обладает существенным потенциалом демократизма. Она предполагает, «во-первых, постепенную и последовательную либерализацию политического режима, во-вторых, аккуратный и контролируемый демонтаж ряда омертвелых институтов прежней системы при разумном воспроизведении сохранивших право на жизнь старых и конструировании новых демократических институтов и, в-третьих, ресоциализацию населения» [там же]. Оптимальность этой схемы обусловлена логикой компромисса как метода достижения группового решения при частично совпадающих и одновременно частично конфликтующих интересах участников политической трансформации.

Вторая схема определяется исследовательницей как «конкурентная» и характеризуется наличием авторитарных тенденций. Она включает: «во-первых, резкую либерализацию, во-вторых, распад прежней политической системы и, в-третьих, попытки внедрения новых демократических институтов любой ценой, нередко вопреки сопротивлению как сверху, так и снизу» [9, с.74]. Подобный пример трансформационного «радикализма» отличается ускоренной и часто поверхностной либерализацией и быстрым проведением демократических выборов, в результате кото-

рых старая элита отстраняется от власти. Вследствие непрочности новых институтов вероятны попытки реставрации недемократического режима, иногда даже в более жесткой форме.

По мнению О.Г. Харитоновой, выделение этих двух вариантов трансформации позволяет понять, что «возможность успешного перехода к демократии возрастает при наличии сильной элиты прежнего режима и сильной организованной оппозиции, которые стремятся достичь взаимовыгодного компромисса» [9, с.74-75].

Базовые модели транзитологической школы были взяты за основу при анализе российской трансформации Л. Шевцовой. По ее мнению, опыт России позволяет выделить в ходе постсоветских трансформаций несколько этапов: 1) этап номенклатурной либерализации (1991-1993гг.), когда имели место распад прежней номенклатуры и формирование на ее основе новых групп интересов; на этом этапе сохранялась поливариантность политического развития как в сторону демократии, так и в сторону авторитаризма или закрепления олигархического руководства; 2) этап становления «режима-гибрида» (1993-1995гг.), под которым понимается синтез авторитарных, демократических и олигархических тенденций; 3) этап консолидации гибридного режима (с 1996 года) [12, с.82].

В 1998 году российские ученые В.И. Пантин и В.В. Лапкин выдвину-

ли гипотезу, согласно которой линейно-поступательные модели политических трансформаций, сформулированные в рамках теории модернизации и транзитологической парадигмы, с точки зрения анализа политических переходов на постсоветском пространстве требуют переосмысления. По их мнению, эмпирический материал этих стран свидетельствует, что процессам политической модернизации присущи ускорения и замедления, своего рода «волны», специфическим образом их ритмизирующие в каждом конкретном случае. Исходя из концепции «волнообразного» характера политических преобразований в России, российские ученые оценивают современный этап трансформаций не как итог модернизационного процесса и не как отступление от его общей логики, а как «важную фазу одного из его циклов, за которой просматривается следующая ей в противофазе волна в качестве своеобразной реакции на нынешнее состояние и направленность эволюции общества» [8, с.41].

В истории России В.И. Пантин и В.В. Лапкин выделяют шесть циклов (волн) модернизации, каждая из которых включала в себя не только «активные фазы» реформ и контрреформ, но и промежуточные фазы перехода соответственно от реформ к контрреформам и наоборот. Последний шестой цикл реформ они связывают с горбачевской «перестройкой», положившей начало радикальному реформи-

ванию политической системы. При этом авторы отмечают, что современные политические преобразования «в условиях малопродуманных и необычайно тяжелых для населения «рыночных реформ» вновь способствовали заметному расколу общества, чреватому контрреформаторской реакцией» [8, с.44]. Поэтому, рассуждая о вероятных траекториях политического развития в будущем, авторы не склонны преувеличивать возможность демократической перспективы. В то же время наличие не только общественного, но и элитного раскола, по мысли исследователей, может иметь три гипотетические альтернативы. Политическая борьба может быть прекращена или введена в русло нормальной конкуренции либо путем выработки пакта о согласии между различными группами, либо путем использования верховной властью такой формы влияния, как принуждение их к ограниченному сотрудничеству под эгидой (полу-) авторитарного режима, либо, наконец, путем установления режима тоталитарного типа. Опираясь на факты истории, В.И. Пантин и В.В. Лапкин считают первый вариант менее реалистичным, чем последующие [8, с.50]. Тем не менее, эволюционная схема России и постсоветских стран представляется в концепции В.И. Пантина и В.В. Лапкина не как движение по замкнутому кругу, а как постепенный, волнообразный прогресс в деле модернизации.

На современном этапе российские ученые продолжают осмысли-

вать постсоветские траектории. При этом существенной тенденцией современного этапа можно назвать не просто интеграцию российской и зарубежной политологических школ, но и первые попытки генерации самостоятельных идей и теоретических положений со стороны отечественных исследователей.

Обобщая сказанное, можно заключить, что в целом весь спектр методологических подходов и теоретических моделей постсоветских политико-режимных трансформаций можно систематизировать в рамках хронологической классификации. Она включает в себя несколько этапов. *Первый этап (1985-1995гг.)* характеризовался полным отсутствием традиций взаимодействия российской и зарубежной политической науки. Российские и западные исследователи анализировали постсоветские политические реалии, основываясь на совершенно различных методологических основаниях, научной терминологии и характере научных дискуссий.

Еще одной особенностью данного этапа можно назвать идеологизированность и чрезмерную политизированность большинства работ российских политологов, посвященных постсоветским политико-режимным трансформациям. Связано это было с непосредственной вовлеченностью многих отечественных обществоведов в политический процесс в качестве научных консультантов или практических политиков. Как справедливо по этому поводу заметил В. Гельман, «зачастую это при-

водило к тому, что политические приоритеты в научных работах брали верх над решением собственно исследовательских задач (скажем, в ходе дискуссий о проектах конституционной реформы 1992-1993 годов позиции большинства авторов определялись их близостью к «командам» Президента или Верховного Совета России), а научным дискуссиям были присущи монологичность и высокая степень идеологизированности» [3, с.65].

Как еще одну особенность данного этапа можно обозначить господствующий оптимизм в большинстве научных работ относительно перспектив утверждения демократии в России и других странах постсоветского пространства. Кроме этого, в силу отсутствия достаточных эмпирических данных, на первом этапе ученые создавали в большей степени вероятностные, гипотетические теории политико-режимных трансформаций, основанные на дедуктивном анализе, нежели теории, эмпирически обоснованные.

Второй этап (1996-2000гг.) характеризовался появлением новых тенденций. Во-первых, происходило все большее дистанцирование ученых от политиков, что приводило к более высокому научному уровню исследований, увеличению количества работ, носивших явно академический, а не идеологический характер. Во-вторых, наметилась тенденция сближения западных и отечественных методологических школ в деле осмысления политико-режимных трансформаций в странах пост-

советского пространства. Все большее количество российских политологов стали использовать западные теоретические схемы и применять их для анализа постсоветских трансформаций. Западный политологический дискурс все чаще стал присутствовать в работах российских авторов. Стало возможно говорить о начале конвергенции методологических и теоретических подходов западных и российской школ политологии. В-третьих, после трагической развязки противостояния между ветвями российской власти в октябре 1993 года тон большинства ученых относительно демократических перспектив в России радикально поменялся. Доминирующим мнением политологического сообщества стала оценка российского и других политических режимов на постсоветском пространстве как авторитарных.

Наконец, *третий этап (2001-2010гг.)* характеризовался не только углублением тенденций предыдущего этапа, но и появлением качественных новшеств. В частности, российские политологи перешли от простой трансляции западных теорий к созданию на их базе собственных методологических положений, адаптированных к политическим реалиям постсоветского мира. Если говорить об общенаучной тенденции, то на данном этапе появление значительного массива эмпирических данных позволило политологам перейти от дедуктивных и гипотетических моделей к построению индуктивных теорий, обоснованных

фактологическим материалом. Еще одной тенденцией данного этапа стало появление все большего количества научных работ, применяющих компаративистские методы исследования. Причем если ранее постсоветские страны сравнивались со странами Южной, Восточной Европы или государствами Латинской Америки, то на современном этапе все более широкое распространение получает мнение, согласно которому более логичным и продуктивным следует признать сравнительный анализ стран постсоветского пространства друг с другом. Не менее значимой характеристикой современного этапа можно назвать смену научной парадигмы в анализе траекторий политико-режимных трансформаций в странах постсоветского пространства. Если ранее доминировали линейно-прогрессивные концепции, рассматривающие постсоветские трансформации во всех странах как движение во многом специфическое и своеобразное, но все же от авторитаризма к демократии, то на современном этапе все большее количество политологов начинают разделять мнение о нелинейности и поливариативности постсоветских трансформаций, исход которых далеко не предрешен и во многих случаях трудно предсказуем.

Литература

- [1] Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6.
- [2] Боткин Л. Мертвый хватает живого // Литературная газета. 20 сентября 1989.
- [3] Гельман В. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1986-1996) // Общественные науки и современность. 1997. № 3.
- [4] Гордон Л. А., Плискевич Н.П. Развилки и ловушки переходного времени // Полис. 1994. №№ 4-5.
- [5] Дилигенский Г. Кто боится демократии? // Новое время. 1989. № 38.
- [6] Мигранян А. Легко ли стать Европой? // Век XX и мир. 1988. № 12.
- [7] Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1989. № 7.
- [8] Мигранян А., Клямкин И. Нужна «железная рука»? // Литературная газета. 1989. 16 августа.
- [9] Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // Полис. 1998. № 2.
- [10] Харитоновна О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. 1996. № 5.
- [11] Хенкин С.М. «Три консенсуса» на пути к демократии // Полис. 1993. №3.
- [12] Шевцова Л.Ф. Восточная Европа: «момент истины» еще впереди // Полис. 1991. № 1.
- [13] Шевцова Л.Ф. Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. 1996. № 5.

Быковский Андрей Владимирович,
*аспирант кафедры «Политология, социология и философия»
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Башкирская академия государственной
службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»
e-mail: abykovsky@mail.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассмотрены основные теоретические подходы исследования неформальных групп в политике, выработанные в зарубежной и отечественной обществоведческой науке. Проведен критический и сравнительный анализ факторов возникновения и механизмов воспроизводства неформальных политических групп на основе теории элит, номенклатурной концепции, теории корпоративизма и концепции политического клиентизма.

Ключевые слова: *неформальная группа, корпоративизм, государственный монополизм, политический клиентизм.*

На современном этапе руководством России модернизация объявлена приоритетным направлением развития государства и общества. Политические и социальные аспекты модернизации тесно связаны с преодолением коррупции, теневых отношений в обществе и неформальных практик в политической сфере. Это актуализирует проблему исследования причин, факторов и механизмов воспроизводства неформальных групп в современной политике. В этой связи не менее важным представляется вопрос выработки адекватной методологии для анализа неформальных институтов и практик. В данной статье автор ставит своей задачей рассмотреть основ-

ные теоретические подходы исследования неформальных групп в политике, выработанные в зарубежной и отечественной обществоведческой науке.

Проблема коррупционных связей и неформальных групп в политике актуальна не только для России, но и почти для всех стран бывшего СССР. Несмотря на тот факт, что в рамках советского государства многие из традиционных социальных институтов были подвергнуты модернизации, тем не менее, архаичные формы неформальных социальных взаимодействий оказались на редкость живучими. Казалось бы, с исчезновением традиционных форм жизни, процессами всеобщего образова-

ния, индустриализации и урбанизации должны были исчезнуть и неформальные связи. Однако в действительности этого не произошло. В отличие от стран Европы, где модернизация существенно нивелировала родоплеменные связи, которые в свое время были достаточно прочными (например, в Шотландии или Норвегии), в странах постсоветского пространства, особенно в республиках Средней Азии, семейно-клановые отношения не исчезли из политической жизни. Напротив, именно в позднесоветский период они усилились, а на этапе постсоветского развития переживают своеобразный «ренессанс». В определенной степени это объясняется тем, что процесс модернизации в разных регионах СССР имел неодинаковую степень интенсивности.

Английский исследователь Э. Шац, поставивший вопрос «Почему же советское государство, обладавшее колоссальными возможностями принуждения и способностью трансформировать культурные идентичности и их политические проявления, потерпело здесь поражение?», видит ответ в двух причинах: во-первых, в природе советской политической экономики, во-вторых, в особенностях самих родоплеменных идентичностей [10, с.124].

По его мнению, в отличие от стран Запада, где модернизация сопровождалась развитием капитализма и рыночной конкуренцией, советская власть утвердила госу-

дарственный монополизм, который порождал перманентную нехватку товаров и услуг. На Западе, в условиях открытой конкурентной борьбы и свободного рынка, клановые сети оказались размытыми, так как становились несостоятельными в условиях прозрачных демократических отношений. В условиях же Советского Союза, несмотря на террор и коллективизацию, клановые сети ушли в тень, но в период «оттепели» и в особенности в эпоху «брежневского застоя» и всеобщего дефицита вновь возродились, так как стали играть для многих советских граждан важную социальную функцию в виде так называемого блата, то есть некоей сети знакомств, обеспечивающих неформальные каналы доступа к дефицитным благам. Таким образом, по мысли Э. Шаца, именно экономическая специфика советского социализма фактически стимулировала воспроизводство и укрепление семейно-родственных и клановых структур [10, с.125].

Известный исследователь элитных кланов в Туркмении Ш. Кадыров также считает, что советский строй эпохи Л. Брежнева был наиболее благоприятным для воспроизводства клановых отношений. Как он указывает: «Наиболее благоприятной для теневой деятельности клановых элит является обстановка, аналогичная брежневскому застою. По мнению норвежского исследователя У. Тейге, клановая жизнь расцветает в период экономического бума и затухает в период

кризисов. Под расцветом кланов ученый подразумевает рост их открытости и породнения кланов друг с другом, а под упадком – усиление закрытости клана, ориентацию патрона на связи преимущественно с родственниками, дробление клановых корпораций на «метагенетические семейства» [5, с.59-60].

К этому нужно добавить, что следует различать экономический расцвет в странах рыночной конкуренции и плановой экономики советского типа. Брежневское время не назовешь периодом экономического бума по росту ВВП, но с точки зрения развития теневой экономики это время было наиболее благоприятным. Значительная часть государственных ресурсов оседала в клановых структурах. Таким образом, фактически речь идет не о расцвете экономики, а о возможности формального или неформального участия в этой экономике обычных граждан, среди которых наиболее конкурентоспособными оказываются клановые группировки, из которых формируются новые элитные кланы.

Второе объяснение касается самих характеристик родовых связей. Именно родовые, а не этнические связи стали воспроизводиться наиболее широко. Это связано с тем, что такие связи не являются жесткими. Этнические границы четко разделяют «своих» от «чужих». Напротив, родовые связи имеют несколько уровней: от непосредственной семьи из 10 человек до жузов, в которые могут входить

миллионы. В ситуации, когда умножаются альтернативные сети доступа к дефицитным благам, эта многоуровневая иерархия родовых связей означает большую гибкость. В зависимости от ситуации можно апеллировать к солидарности разных уровней [10, с.126]. Не менее важен скрытый характер родовых связей. В отличие от этнической, партийной или профессиональной принадлежности родовые связи не являются публичными и не обозначены никакими внешними маркерами. Именно возможность пользоваться каналами родства скрытно обусловило реанимацию в советский период именно клановых отношений, а не каких-то иных.

Таким образом, родовые сети и клановые отношения, порожденные историческими особенностями их развития в рамках традиционного общества, с определенной мимикрией пережили этапы как имперской, так и советской модернизации. На современном этапе неформальные связи продолжают играть существенную роль в воспроизводстве политической элиты многих стран постсоветского пространства. Хотя в России родоплеменные отношения, в сравнении с новыми государствами Центральной Азии, в значительной степени оказались уничтоженными в ходе советской модернизации, неформальные группы в политике в постсоветский период также получили самое широкое развитие. Эти явления российские исследователи первоначально пытались объяснить

на основе *теории элит*.

В рамках элитистского подхода одной из первых теорий, объясняющих неформальные практики в российской политике, стала *номенклатурная концепция*. Согласно ей трансформация политического режима в России и других странах бывшего СССР после августа 1991 года рассматривалась как реализация «аппаратного» в отличие от «демократического», или «народного», сценария. Например, один из представителей этой концепции, О.Г. Мясников, указывал, что советская элита как единый слой образовалась при Н. Хрущеве. Впоследствии она разделилась на партийную и хозяйственную. Последняя, функцией которой было распределение и управление экономическими активами страны, постепенно начала выходить из-под контроля партийной элиты. Смысл событий августа 1991 года, по О.Г. Мясникову, – это победа хозяйственной элиты над партийной. Сравнивая политические процессы в России и на Украине, исследователь приходит к выводу, что бюрократия, освободившись от партийного и государственного контроля высших элит, стала самостоятельной силой, что приводит к коррупции и захвату государства [6, с.58]. Хозяйственная элита, которая в условиях трансформации конвертировала административный ресурс в экономический и стала основным слоем, пополняющим бизнес-элиты, тем не менее, вынуждена сохранять связи и влияние в госу-

дарственных органах власти. Происходит слияние бизнеса и власти, что в целом можно обозначить как «номенклатурный реванш» [6].

Таким образом, крушение либеральных иллюзий перестроенных лет, по мысли сторонников номенклатурной концепции, связано с трансформациями постсоветской элиты. Бюрократия, тесно связанная с бизнес-группировками и укрепившая свои позиции на волне демократической активности масс, в конечном итоге вовсе не заинтересована в консолидации демократии. Логика бюрократии – это политический монополизм и создание политических институтов «под себя» с одновременным ослаблением тех, кто создает ей конкуренцию. Поэтому бюрократия концентрируется в рамках исполнительной ветви власти, в то время как политические партии и парламентские фракции, лишённые властных полномочий, становятся прибежищем политических неудачников и маргиналов [6, с.58]. Постсоветские политические режимы в этом свете представляются консолидированными на основе союза «старой» и «новой» номенклатуры и закрепления их монопольного политического господства.

С методологической точки зрения наиболее уязвимым местом номенклатурной концепции является взгляд на постсоветскую элиту как на консолидированный, монолитный слой. Вскоре, однако, стало понятно, что расколы и межэлитная конкуренция в разных странах

постсоветского пространства имеют самые различные варианты и более сложную природу. Альтернативой номенклатурной концепции элит стал анализ взаимодействия неформальных групп в рамках теории *групп интересов и клиентизма* [4, с.71].

В российской политической науке один из первых, кто затронул вопрос о роли групп интересов в трансформации политического режима России, был С.П. Перегудов, который проблемы демократизации видел в неразвитости постсоветской партийной структуры. Как указывал исследователь: «Длительное господство партии-«авангарда» обусловило особые сложности на пути образования дееспособных партий обычного, «неавангардного» типа. В результате до сих пор новые российские партии не выполняют основного своего предназначения – формирование властных структур, призванных обеспечивать эффективное функционирование всего общественного организма» [8, с.121]. По мысли автора, естественной реакцией групп интересов на «вакуум партийности» является их стремление самим заполнить вакуум, приблизиться к политической власти и решить те задачи, которыми в принципе должны заниматься партии. На этом пути они сами неизбежно обретают черты партий, что наиболее ярко выражается в создании так называемых партий бизнеса. Особенностью данных образований является сочетание ими

функций партий и групп интересов. «Гибридный» характер объединений проявляется в том, что все они стремятся оказать прямое влияние на исполнительную власть и даже состав правительства [8, с.121]. Итогом этих процессов становится коммерциализация партийных структур, криминализация политики и преобладание в высшем руководстве частных и корпоративных интересов в ущерб интересам общества.

В своих последующих статьях С.П. Перегудов концептуализировал эти положения в более широком контексте. Особенности постсоветских трансформаций он связывал со сложностью реформирования сложившейся в советский период социально-экономической структуры посткоммунистических обществ. Доминирование государственной собственности, монополизм, плановый характер и другие специфические черты советской экономики обусловили формирование управленческой модели, которую исследователь, вслед за А. Зудиным и И. Семененко, определяет как «бюрократический корпоративизм» [7, с.80]. Реформы М.С. Горбачева и в особенности рыночные преобразования постсоветского времени привели к разрушению этой модели. Российское реформаторское правительство во главе с Е. Гайдаром поставило своей целью трансформировать модель бюрократического корпоративизма тоталитарного государства и заменить ее моделью либерального неокорпоративизма государства

демократического [7]. Это делалось посредством радикальной либерализации экономики с одновременным ужесточением монетарного контроля. Расчет был на то, что получив полную свободу от контроля сверху и будучи поставленными в жесткие финансовые условия, предприятия, акционерные общества и другие хозяйственные субъекты, стремясь удержаться на плаву, постараются повысить эффективность своей деятельности и довольно быстро создадут нормальную рыночную среду. Те же, кто не сможет приспособиться к ситуации, будет либо закрыт, либо репрофилирован.

Однако специфика монополизма промышленных структур, особенно тех из них, от которых в решающей степени зависит функционирование народного хозяйства и поддержание систем жизнеобеспечения населения, а также те, которые вследствие своего масштаба и уникальности не могут быть брошены на произвол судьбы без риска вызвать серьезные социальные потрясения, привели устремления правительства к краху. Либерализация экономики привела к фрагментации и конкуренции различных групп интересов. Однако методами конкуренции стали отнюдь не оптимизация производственной деятельности, а практика прямого давления и лоббирования своих интересов через правительство. Как указывает исследователь, «в результате правительство и исполнительная власть в целом становятся объектом столь мощного

давления корпоративных интересов, что лишаются возможности должным образом выполнять функции органа, выражающего и отстаивающего общенациональный интерес» [7, с.74].

Такую модель взаимодействия между государством и группами интересов ученый определяет как «специфическую форму либерально-бюрократического корпоративизма» [7, с.73], которая отличается «гибридными» характеристиками, то есть несет в себе наследие «бюрократического корпоративизма» тоталитарной эпохи, но, вместе с тем, уже включает в себя ключевые рыночные механизмы.

Схожие процессы отмечали исследователи и в других странах постсоветского пространства. Например, украинский ученый В.В. Фесенко, анализируя становление новых политических элит на Украине, указывал, что «постсоветской политической реальности характерен не только идейно-политический, но и бюрократический плюрализм. Президентская команда, правительство, высший представительный орган выступают как политические корпорации, имеющие четко оформленные групповые интересы. Более того, противоречия между этими корпорациями зачастую политически более значимы, чем различия между противоположными идеологическими лагерями» [9, с.93].

Выход из создавшейся ситуации С.П. Перегудов видит в «развитии различных форм институционального представительства орга-

низованных интересов в системе исполнительной и законодательной властей» [8, с.123]. Другими словами, автор видит причины слабости демократии постсоветских обществ в неразвитости демократических институтов, а также в том, что при отсутствии институциональных процедур взаимодействия между властью и обществом наиболее сильные игроки в виде бизнес-структур монополизуют каналы представительства и приводят к ситуации, в которой интересы частных корпораций доминируют в выработке политического курса, в то время как интересы широких слоев населения совсем не представлены и абсолютно не учитываются.

К несколько иным выводам относительно факторов, стимулирующих становление неформальных групп в российской политике, пришел российский исследователь М.Н. Афанасьев, рассматривающий эту проблему в рамках *клиентистского подхода*. Согласно его точке зрения, с распадом КПСС в постсоветских обществах «номенклатурный квазикорпоративизм» оказался единственной моделью политического структурирования общества, воспроизводимой в виде персональных клиентел. К ним исследователь относит личные «команды» отдельных политических лидеров, большинство политических партий, органы власти, предприятия и т. д. Все они в условиях постсоветских реалий функционируют на основе неформально-личных связей по принципу «патрон-

клиент» [2, с.122]. Как указывает ученый: «Реальными структурными единицами, образующими ткань властвующей элиты, являются клиентелы или, как сегодня принято говорить, «команды», положение которых всецело зависит от влиятельности и популярности их лидеров. В условиях маргинализации, быстрой смены привычных ролей и статусов отношения личной зависимости и покровительства остаются устойчивой матрицей социального поведения, карьерных кульбитов и паразитических личных метаморфоз» [1, с.59].

Н.М. Афанасьев указывает, что «в условиях статусной, материальной, правовой необеспеченности большинства граждан частные патронаты, вырастающие из ячеек номенклатуры либо маргинального происхождения, выполняют роль частных союзов защиты и покровительства. Поскольку официальные власти не обеспечивают общественного порядка и личной безопасности граждан, происходит их замещение в этой роли клиентарными и частно-корпоративными структурами. Последние отчасти компенсируют «дефицит государства», но компенсируют они его, присваивая функции публичной власти: охранные, судебно-арбитражные, карательные, военные, тем самым усугубляя государственную дезорганизацию. Таким образом, мы наблюдаем двуединый процесс приватизации постноменклатурных, формально государственных институтов и превращения клиен-

тарно организованных частных и частно-корпоративных интересов в действительную и даже единственно действенную социальную власть» [3, с.299].

На основе большого количества эмпирических данных, доказывающих широкое распространение в постсоветской России клиентарных связей и отношений, М.Н. Афанасьев приходит к выводу, что «коренная ущербность российской демократии и главное препятствие ее развитию лежат не в институциональной сфере. В становлении и функционировании новых государственных учреждений излишне большую, а зачастую и определяющую роль играют личные отношения, персональные и групповые неофициальные связи. Значение этих факторов столь велико, что они наложили свою печать не только, скажем, на деятельность парламента, президентской администрации и правительства, которые уже принято рассматривать как естественную арену закулисного торга, но даже на процесс конституирующий государство как Республику – разработку и принятие Конституции. В этих условиях не стоит уповать на то, что те или иные изменения структуры государственной власти обеспечат действенность и устойчивость российской демократии» [3, с.267]. Резюмируя, автор делает два заключения: во-первых, неукорененность российской демократии; основная причина неудач многих реформаторских начинаний кроется в устой-

чивых, спонтанно воспроизводимых образцах социального поведения российских граждан; во-вторых, осмысление характера и результатов функционирования новых политических институтов; поиск путей их совершенствования требует исследования обычной практики и концептуализации стереотипов политического поведения [3, с.268].

На основе анализа вышеуказанных концепций можно сделать вывод о том, что современные проблемы, связанные с широким распространением теневых отношений и неформальных групп в политике во многом есть результат советского наследия, породившего специфические формы неформальных связей и законсервировавшего многие из архаичных, традиционных социальных сетей кланового характера. Не менее важной причиной распространения в современной политике неформальных групп является сама логика постсоветского развития, неразвитость рыночных отношений в их цивилизованном облике, государственный монополизм, слабость правовых институтов и т. п. Представляется, что осознание и глубокое научное осмысление указанных факторов является одним из важнейших шагов на пути к преодолению данных государственных и социальных проблем.

Литература:

- [1] Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования

- правлящих региональных элит // Полис. 1994. № 6.
- [2] Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. № 1.
- [3] Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М., 2000.
- [4] Гельман В. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1986-1996) // Общественные науки и современность. 1997. № 3.
- [5] Кадыров Ш. Элитные кланы. Штрихи к портретам. М., 2009.
- [6] Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Полис. 1993. № 1.
- [7] Перегудов С.П. Организованные интересы и государство: смена парадигм // Полис. 1994. № 2.
- [8] Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт запада и проблемы России // Полис. 1993. № 4.
- [9] Фесенко В.В. Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // Полис. 1995. № 6.
- [10] Шац Э. Роль государства и устойчивость родовых связей в Казахстане // Казахстан и Россия: общество и государство. М., 2004.

Сафин Фаиль Габдуллович,

*доктор исторических наук, заведующий отделом этнополитологии
Института этнологических исследований Уфимского научного центра
Российской академии наук
e-mail: failsafin@mail.ru*

Баймухаметова Гюзель Рахимьяновна,

*кандидат исторических наук, ведущий специалист Территориального
органа Федеральной службы государственной статистики
по Республике Башкортостан
e-mail: bajjmukhametva@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Изменения в социально-экономических отношениях во многом предопределяют специфику этностратификации и особенности национальной жизни.

В основе социальной структуры общества лежит группировка населения по источникам средств существования. Формирование новых экономических отношений привело к изменениям на рынке труда – появлению такой категории населения, как безработные (при переписи в последний раз безработица изучалась в 1926г.). Различные этнические группы в разной степени вовлечены в рыночные отношения, что отражается на их социально-экономическом статусе, находит отражение в их этническом сознании и поведении.

Ключевые слова: *этностратификация, социальная структура, рынок труда, безработица, социально-экономический статус, этническое сознание и поведение.*

Понятие «социальная структура» отражает дифференцированность общества, его разделенность на социальные группы. Причем оно отражает социально-профессиональную и социально-функциональную структуру, в которой выделялись многообразные группы «исполнителей» и специальная группа «руководителей», что было исключи-

тельно важно для понимания характера и направления социальных процессов, переживавшихся народами страны [3, с.105]. Неравенство в уровне экономического, социального, политического, культурного развития этносов обуславливается многообразными естественно-природными и историческими факторами. Для отражения такого рода

неравенства используется понятие этнической стратификации. Сущность этнической стратификации заключается в том, что по показателям развития этносы находятся на разных уровнях. То есть этническая стратификация характеризует разное социально-экономическое, политическое и культурное развитие этносов, как следствие – разное их положение в социальной иерархии. «Достижение одинаково высокого уровня развития этносов – сложный и длительный процесс» [10, с.45].

При этом, как отмечают исследователи, «...социальные различия складываются в систему социальной стратификации тогда, когда группы людей начинают иерархически выстраиваться соответственно некоторой шкале неравенства, что может выражаться в различии доходов, состояний, власти, престижа, возраста, этнической принадлежности или посредством какой-нибудь характеристики» [1, с.322]. Социолог Н.А. Аитов рассматривает социальную структуру общества в широком смысле, выделяет социально-классовую, социально-демографическую, социально-территориальную и социально-этническую структуру. По его мнению, нации СНГ «...пока еще не достигли полного социального равенства, между ними существуют различия в уровне доходов, в характере и сферах занятости, в уровне образования и культуры, в степени ассимилированности к другим нациям» [2, с.8-13].

Наряду с существенными переменами в традиционной соци-

ально-профессиональной структуре сегодня на постсоветском пространстве происходят глубокие изменения, связанные с развитием новых имущественных отношений. С «капитализацией» в структуре общества как в России, так и в других государствах, образовавшихся на территории СССР, начала выделяться достаточно влиятельная прослойка предпринимателей, связанных, прежде всего, со сферой обслуживания и финансами. Естественно, без внимания к этой группе, играющей в настоящее время существенную роль не только в экономической, но и политической жизни общества, невозможно понять складывающуюся социальную политику нашего общества.

Все указанные процессы уже стали предметом этносоциологических исследований, поскольку изменения в социально-экономических отношениях во многом предопределяют специфику стратификации наций и особенности национальной жизни.

Элементами концепции человеческого развития, заложенной в постсоветский период, явились продуктивность, равенство возможностей, устойчивость, расширение возможностей [13, с.84]. Внутри каждого этноса, элементов его социальной стратификации одна и та же информация может весьма различно использоваться в развитии собственного потенциала [12, с.85].

Отношения занятости, связанные с обеспечением рабочими местами граждан, обуславливают

ся экономическими, демографическими и социальными процессами. Экономическое содержание занятости выражается в эффективности общественного производства, социальное – в формировании и развитии личности работника, демографическое отражает взаимодействие занятости с возрастными характеристиками работников [11, с.143].

В основе социальной структуры общества лежит группировка населения по источникам средств существования. При решении вопроса регулирования числа детей в семье не последнюю роль играют ее доходы.

Перепись 2002г. показала, что основной источник средств к существованию – доход от трудовой деятельности (см. табл. 1).

Результаты переписи содержат данные о занятом населении по положению в занятости. Основное население республики (96% женщин и 94% мужчин, занятых в экономике) является задействованным на той или иной работе по найму, работая на предприятиях, в организациях и учреждениях различных форм собственности или в подчинении у частного нанимателя. И лишь 4% женщин и 6% мужчин предпочитают работать частными предпринимателями, в производственной артели или семейным подрядом. Из числа тех, кто работает на себя, 34% мужчин имеют возможность привлекать наемных работников, 56% предпочитают

трудиться индивидуально. Возможно, мужчины более предприимчивы или женщины меньше доверяют другим, но в этом аспекте женские показатели несколько отличаются: лишь 28% предпринимательниц нанимают себе работников, а 62% предпочитают трудиться сами, без наемных работников. И 10% как мужчин, так и женщин не указывают или затрудняются определить свое положение в занятости.

Говоря о занятости, нелишне вспомнить об образовании, ведь чем выше уровень образования, тем выше уровень занятости. В 1989г. среди работающего населения имели профессиональное образование 574 человека из тысячи. Перепись 2002г. показала, что среди занятого населения нашей республики 810 человек из тысячи имеет образование по какой-либо профессии или специальности. В группе лиц с высшим профессиональным образованием в возрасте от 25 до 59 лет уровень занятости составил 87%, со средним профессиональным образованием – 79%, с начальным профессиональным – 74%.

Свыше 62 млн. жителей страны (43%) назвали источником средств к существованию доход от трудовой деятельности (в 1989г. – 77 млн. чел., или 52%). У более 48 млн. чел. этот доход был единственным источником средств к существованию. По Республике Башкортостан доход от трудовой деятельности явился источником к

**Таблица 1. Население по источникам средств к существованию
(по данным переписи населения 2002г.), тыс. чел. ***

	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Башкортостан
Все население	145164	31155	4104
Всего указали источников средств к существованию, тыс.	186341	41774	5681
в том числе:			
доход от трудовой дея- тельности (кроме работы в личном подсобном хозяйстве)	62166	13627	1709
личное подсобное хо- зяйство	18204	5495	928
стипендию	3330	681	102
пенсию (кроме пенсии по инвалидности)	31921	6976	874
пенсию по инвалидности	4711	974	99
пособие (кроме пособия по безработице)	16634	3644	472
пособие по безработице	1172	190	24
другой вид государст- венного обеспечения	1975	440	46
сбережения	350	64	9
доход от сдачи внаем или в аренду имущества	225	28	3
на иждивении отдель- ных лиц	43460	9305	1362
иной источник средств к существованию	2192	349	52
Не указавшие источник средств к существованию	1503	78	3

Источник: Население Республики Башкортостан
(по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Уфа, 2006.

существованию для 1,7 млн. граждан (41,6%).

После переписи населения 1926г. впервые была получена численность лиц, получающих пенсию по инвалидности. Этот источник назвали 4,7 млн. чел. россиян и 99 тыс. жителей Башкортостана; остальные виды пенсий (по старости, по случаю потери кормильца, социальную) получают в России около 32 млн. чел., в Башкортостане – 874 тыс. чел.

Численность лиц, получающих пособие (кроме пособия по безработице), составила по РФ 16,6 млн. чел., подавляющее большинство из них дети (средний возраст указавших данный источник – 11,9 лет). Это пособия на детей в возрасте до 16 лет; детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов; детей одиноких матерей; женщин, получающих пособия в период отпуска по уходу за ребенком до полутора лет, и другие.

При переписи 2 млн. чел., или 1,4% (против 1,3 млн. чел., или 0,9%, в 1989г.), указали источником доходов другой вид государственного обеспечения. Это люди, полностью или частично находящиеся на обеспечении государства: воспитанники детских домов, учащиеся школ-интернатов; лица, живущие в домах-интернатах для престарелых и инвалидов; лица, находящиеся в местах заключения и т. п. учреждениях.

Перепись показала наличие у россиян таких видов источников, как сбережения (0,4 млн. чел.),

включая доход от ценных бумаг и доход от сдачи внаем или в аренду имущества (0,2 млн. чел.); при прошлых переписях эти средства учитывались в иных видах источников.

Почти треть населения (43,5 млн. чел.) является иждивенцами отдельных лиц. В Башкортостане доля иждивенцев от количества всего населения составила 33%. Подавляющая часть иждивенцев (свыше 80%) – дети до 16 лет и молодежь до 25 лет, не занятые в общественном производстве. Значительных отличий в структуре указанных источников средств к существованию среди мужчин и женщин не отмечается.

При переписи 2002г. население могло указать все имеющиеся у него источники средств к существованию в отличие от переписи 1989г., когда выяснялось не более двух источников. Итоги переписи показали повышение удельного веса населения, имеющего не один источник средств к существованию [14, с.67]. На 1000 человек населения соответствующей национальности только один источник средств к существованию указали 729 русских, 517 башкир, 664 татар. Обращает на себя внимание тот факт, что два и более источника средств к существованию у башкир и татар указали соответственно 481 и 336 чел., у русских – 243 чел. Одним из источников средств к существованию является доход от трудовой деятельности; из 1708 тыс. чел. его указали 33,5% русских, 27,2% башкир, 25,2% татар, прочих национальностей – 10,0%.

Тем не менее, доход от личного подсобного хозяйства указали 23,8% русских, 42,5% башкир, 22,3% татар, 11,4% – прочие.

Формирование новых экономических отношений привело к изменениям на рынке труда – появлению такой категории населения, как безработные (при переписи в последний раз безработица изучалась в 1926г.). В 2002г. пособие по безработице получали 1,2 млн. чел. Средний возраст получающих пособие по безработице – 36,6 лет. В Башкортостане пособием по безработице пользуются 24 тыс. чел. В 2002г. пособие по безработице получало 0,7% русских, по 0,5% – башкиры и татары.

Степень социальной развитости того или иного этноса, наличие передовых социальных групп, прогрессивных форм занятости, культурного и образовательного развития и т. д. задают системную завершенность этносоциального развития народов и играют особенно важную роль в сравнительном значении [6, с.76]. В проекте программы «Народы Башкортостана» авторами подчеркивается, что «во все времена истории сословная или социально-классовая структура общества находилась в определенном соотношении с экономическим, политическим строем, уровнем культуры в государстве. Соотношение различных социальных групп в структуре общества, их численность, консолидированность отражают особенности в развитии общества в целом, степень его зрелости, показы-

вают место данного общества на шкале цивилизации» [7, с.77].

При анализе социально-классового аспекта этносоциальной стратификации народов Башкортостана необходимо исходить из того, что ещё до радикальной экономической реформы, предполагающей переход страны на рельсы рыночной экономики, в республике сформировались существенные этнические различия по преимущественным сферам занятости и распределению населения по отраслям народного хозяйства [6, с.77]. Это было вызвано, прежде всего, тем, что, во-первых, в силу исторических причин различные народы находились на разных этапах капитализации, во-вторых, различия, наблюдающиеся в сферах приложения труда, были детерминированы степенью урбанизации, вовлечения в промышленное производство, объемом и характером общинного и государственного регулирования хозяйственной деятельности (см. табл. 2).

Русское население было преимущественно занято в промышленности и очень мало в сельском хозяйстве, причем наибольшая концентрация русских отмечалась в ведущих наукоемких отраслях промышленности, требующих высокой квалификации работников: в машиностроении, химии, нефтехимии и нефтепереработки в целом. Высок был процент занятости русских на предприятиях машиностроения, транспорта и связи.

Таблица 2. Распределение населения отдельных национальностей Республики Башкортостан по социальным группам по переписи населения 1989г., в %*

Социальные группы (городские и сельские жители)	Удельный вес (в % к общей численности населения)					
	башкиры	русские	украинцы	марийцы	татары	чуваши
Рабочие	53,6	63,4	55,3	50,6	54,3	52,5
Служащие	21,4	30,8	36,1	12,8	24,6	16,3
Колхозники	24,9	5,7	8,3	36,4	21,0	31,0

* Источник: Распределение населения Башкирской ССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1989г.). Уфа, 1991.

Башкиры в основном работали в сельском и лесном хозяйстве, строительстве, добывающей и обрабатывающей промышленности. Высок был процент занятости башкир в народном образовании, торговле и общественном питании, а также в системе управления.

Жители Республики Башкортостан татарской национальности занимают промежуточное положение между башкирами и русскими. Это связано с тем, что довольно значительная их часть оставалась занятой в сельскохозяйственном производстве, в то же время большие группы татарского населения, особенно проживающего в городах, было занято в ведущих промышленных отраслях республики, в том числе машиностроении, химии и нефтехимии. Татары, количество которых превышало

среднереспубликанский уровень, были заняты в системе жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранении и социальном обеспечении, кредитовании и госстрахе, в торговле, общепите и материально-техническом снабжении. В последнем случае татарское население Башкортостана демонстрировало наивысшие показатели (см. табл. 3).

По характеру выполняемой работы башкирки-горожанки относительно русских и татарских женщин были больше представлены в тех сферах, где используется физический труд (59,3%), и отставали по доле работниц умственного труда (40,4%).

Равенство общественного положения этносов означает, что они занимают примерно одинаковое положение в жизненно важных областях общественной практики, об-

Таблица 3. Распределение занятого населения Республики Башкортостан отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства (в % к численности занятых данной национальностью по данным переписи населения 1989г.)*

	Все население	в том числе		
		русские	башкиры	татары
Отрасли народного хозяйства, в том числе:	100	100	100	100
Промышленность	33,5	42,3	24,1	30,2
Сельское хозяйство	18,9	8,0	30,8	21,8
Лесное хозяйство	0,9	0,6	1,5	0,7
Транспорт	6,0	7,2	4,4	5,8
Связь	1,1	1,2	1,0	1,1
Строительство	8,7	9,0	8,0	8,8
Торговля и общепит	5,9	5,7	5,3	6,9
Материально-техническое снабжение и сбыт	0,7	0,8	0,5	0,7
Заготовки	0,3	0,3	0,4	0,4
Другие отрасли материального производства	0,8	0,9	0,6	0,7
Жилищно-коммунальное хозяйство	3,2	3,6	2,6	3,3
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	4,5	4,5	4,5	4,6
Народное образование	8,4	7,9	9,8	8,1
Культура и искусство	1,2	1,1	1,5	1,1
Наука и научное обслуживание	1,9	2,7	1,2	1,6
Кредит и научное обслуживание	0,5	0,5	0,5	0,6
Управление	2,6	2,7	2,4	2,7

* Распределение населения Башкирской ССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1989г.). Уфа, 1991.

ладают равными возможностями для утверждения и совершенствования социальных и этнических качеств, удовлетворения личностных и национальных потребностей своих представителей.

Интегральным показателем, по которому можно судить об общественном положении этноса, выступает уровень его социального развития. Под «социальным развитием» подразумевается процесс прогрессивного изменения, сопровождающийся улучшением общественного положения людей, главным образом, в силу улучшений условий труда, роста благосостояния, более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей, совершенствования отношений между различными социальными и этническими группами, оздоровления социальной среды [8, с.35].

Исследуя этносоциальные аспекты, член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев отмечал, что динамичность народам, нациям придают их социальные параметры (социально-экономические, социально-политические), с которыми собственно этнические признаки находятся в постоянном взаимодействии и глубокой взаимосвязи. Индикатором этих взаимодействий и важнейшим показателем состояния этноса на том или ином этапе исторического развития является его внутренняя социально-классовая структура, функции и уровень активности тех или иных социальных групп в жизни этноса. Особенности социально-классовой структуры эт-

носа, характер деятельности тех или иных групп могут содействовать сплоченности, более плотной консолидации этнической общности или, напротив, способствовать ее разбалансированности и даже разрушению [9, с.9].

Стартовые позиции разных этносов в условиях рыночной экономики оказались различными. Показатели уровня доходов, социального статуса, уровня и качества жизни, образования, урбанизированности башкирского населения оказались гораздо ниже аналогичных показателей двух других крупнейших этносов республики – русских и татар [5, с.27].

Для более детального анализа сложившейся ситуации нужно рассмотреть период, начиная с 1960-х годов, когда начался сильный рост городского населения в республике. Титульное население республики пока остается менее урбанизированным, чем русское и татарское население. Запоздывание в урбанизации башкир привело к отставанию в доле, например, занятых в интеллектуальной сфере (русские – 34,2%, татары – 30,4%, башкиры – 27,8%).

По мнению некоторых аналитиков, среди наиболее многочисленных трех этнических групп (русских, башкир, татар) Республики Башкортостан башкиры занимают самую низкую ступень в стратификационной структуре. Изучение распределения населения каждой национальной группы по признакам занятости важно для дальнейшего совершенствования прово-

димой в республике культурной, национальной политики, экономического развития городов и районов. Знание проблем этносоциальной стратификации должно учитываться в реализации государственной национальной политики с целью устранить пока имеющееся социально-культурное неравенство этнических групп в Республике Башкортостан. Указанные процессы в особенности должны касаться деятельности башкир, проживающих в крупных городах республики.

Можно согласиться с мнением ряда авторов о том, что в республике сложилась своеобразная «специализация» отдельных этнических групп по видам их профилирующей деятельности. Есть определенные виды деятельности, в которых та или иная этническая группа добивается наибольших результатов. Для башкирского населения наиболее успешными остаются сельскохозяйственные занятия, управленческая деятельность, сфера культуры и искусства, а также промышленность, особенно добывающая и перерабатывающая. «Точки пересечения» видов успешной деятельности башкир и русских, башкир и татар совпадают только по базовым отраслям – промышленности и сельскому хозяйству [4, с.312].

Совершенствование межнациональных отношений в Башкортостане предполагает выяснение и разрешение проблем, имеющих место в социальной сфере. Социальная сфера включает в себя явления, связанные с социально-

классовой структурой общества, со всем, что касается труда, его содержательности, условий, оплаты, привлекательности, условий жизни и благосостояния людей, возможностей формирования и удовлетворения их материальных и духовных потребностей, особенностей становления и развития как личности.

Таким образом, особенности постперестроечной трансформации этносоциальной структуры населения в республике обусловлены влиянием как объективных условий и факторов, так и субъективной деятельности государства и других социальных институтов. На динамику социально-экономического изменения в социально-экономическом и национально-культурном неравенстве большое влияние оказывают процессы перехода к рыночной экономике. Различные этнические группы в разной степени вовлечены в рыночные отношения, что отражается на их социально-экономическом статусе, находит отражение в их этническом сознании и поведении.

Литература

- [1] Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / пер. с англ. М., 1999.
- [2] Аитов Н.А. Социальная структура населения стран СНГ. Уфа, 1995.
- [3] Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М., 1999.

- [4] Валиахметов Р.М. Основные индикаторы социально-экономического и социально-культурного неравенства этнических групп Башкортостана // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002.
- [5] Валиахметов Р.М. Адаптивность этносов к рыночной экономике в современных условиях // Ватандаш. 2005. № 4.
- [6] Галлямов Р.Р., Зайнетдинова Л.Ф. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденция развития. Уфа, 2004.
- [7] Государственная программа «Народы Башкортостана». Уфа, 1998.
- [8] Ирнараров Р.Р. Равенство этносов в Республике Башкортостан. Уфа, 1997.
- [9] Кузеев Р.Г. Межнациональные отношения: история, теория, пути демократического обновления. Уфа, 1990.
- [10] Латыпова Ф.Б., Леготин Э.В., Чернов П.Н. Современный Башкортостан: экономика, социальные отношения, политическая система и духовная жизнь. Уфа, 2005.
- [11] Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.
- [12] Севастьянов А.В. Информационный обмен и развитие человеческого потенциала (историко-социокультурный аспект на примере Южного Урала) // Взаимосвязь концепции развития человеческого потенциала и концепции устойчивого развития: Материалы научного симпозиума. Уфа, 2002.
- [13] Старухина О.Н. Социальное государство и концепция человеческого развития // Взаимосвязь концепции развития человеческого потенциала и концепции устойчивого развития: Материалы научного симпозиума. Уфа, 2002.
- [14] Телятников Н.Б. Народы Саратовского Поволжья: современная демография // Вопросы статистики. 2007. № 4.

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Верещагин Александр Сергеевич,

*доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
«История и культурология» Государственного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Уфимский государственный нефтяной технический университет»
e-mail: alexvr05@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ КОРПУСА ИСТОЧНИКОВ В ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются тенденции изменения подхода историков к формированию источниковой базы исследований, в частности, по проблемам изучения Гражданской войны на Урале. Обозначаются основные причины повышенного внимания историков к антропологическому подходу.

Ключевые слова: историография, Гражданская война, политизация, социальная история.

Термин «историография» обладает определенной двусмысленностью и может означать или искусство написания истории, или литературу по истории [1, с.6]. Для «написания» истории, по мнению Ю.Л. Троицкого, свойственно то, что «текст историка в определенной степени «сам себя пишет», то есть обладает некоторым потенциалом саморазвития, может быть, некоторой способностью смыслопорождения» [2, с.105]. Анализ литературы по той или иной исторической проблеме (историография), в свою очередь, претендует на роль саморефлексии исторической науки, даже возведенной в степень [3, с.20].

Исследователи, как правило, выделяют три обстоятельства, ко-

торые приводят к созданию историографических исследований. Во-первых, это появление новых комплексов историографических источников. Во-вторых, переосмысление с новых позиций традиционных комплексов историографических источников. В-третьих, постановка новых исследовательских задач перед самой исторической наукой [4, с.22].

Можно согласиться с мнением В.М. Рынкова, что историографическое исследование должно давать ответ на три ключевых вопроса: какие проблемы исследованы достаточно полно для современного уровня исторической науки и имеющегося корпуса источников, какие проблемы ставились, но не освещены или освещены недоста-

точно полно и их анализ следует продолжить; какие проблемы не ставились вовсе и ожидают своего изучения [5]. Ко всем трем вопросам следует добавить существенный в российских условиях вопрос: почему? Почему полно исследовались одни и незначительно или вовсе не исследовались другие проблемы? Только ли с доступностью тех или иных источников это было связано?

Утрата монополярной позиции коммунистической идеологии в исторических исследованиях с начала 90-х гг. XX в., распространение многообразных исследовательских подходов привело к утверждению, что «развитие исторических исследований в настоящий период происходит в условиях научного плюрализма. Каждый историограф выбирает себе соответствующую его представлениям методологическую основу, с позиций которой он оценивает исторические сочинения» [4, с.20]. Положение о существующем плюрализме в исследовательской практике позволило произвольно структурировать источники в историографических исследованиях и дало возможность, до известной степени, рассматривать литературу во фрагментарном плане (в первую очередь с точки зрения ее ценности или доступности для историографа).

Естественным в этой связи становится положение, при котором историографы разрабатывают собственные авторские модели, развивают свои аналитические подходы для анализа исторической лите-

ратуры. Екатеринбургский исследователь В.Д. Камынин предлагает отталкиваться от определения «проблемная историография» (появление ее он относит ко второй половине 1950-х гг.), в которой, по его мнению, «на основе ценностного подхода можно выделить в предшествующей историографической традиции то, что имеет значение для современного этапа развития научных знаний (фактический материал, идеи, постановку проблемы и др.)» [6]. Однако многовариантным и дискуссионным остается вопрос: что вкладывать в понятие «ценностный подход», возможно ли в настоящее время наполнить его реальным содержанием, которое разделялось бы основной частью российского исторического сообщества.

В ходе перехода от моноидеологии к плюрализму (от советской к современному российскому направлению отечественной историографии) существенно поменялось отношение к формированию и структуре источниковой базы.

Вопросы, задаваемые советскими историками источникам, носили ярко выраженный политический характер: Кто развязал Гражданскую войну? Какова роль иностранной военной интервенции? Как партия организовала массы на защиту завоеваний Октября? Почему в этой войне победили большевики? Эти и подобные вопросы относились к политическому ряду, и были обращены, в первую очередь, к источникам политической

сферы первых лет существования нового государства. По своему происхождению это были законодательные документы, делопроизводственная документация партии, советских органов власти, в них доминирующим являлся государственно-институциональный подход с его специфическим «языком власти».

В целом утвердившийся в советской историографии анализ только политически видимой части исторического процесса привел к тому, что в основу исследования периода Гражданской войны была положена в основном делопроизводственная партийная и советская документация, дополненная обильными цитатами из ленинских работ.

Делопроизводительная документация классифицировалась в советском источниковедении в зависимости от тех функций, которые выполняли документы в управлении: 1) организационная (нормативная) документация: положения, уставы, правила, статуты; 2) распорядительная: протоколы и стенограммы заседаний коллегиальных и коллективных органов, конференций, съездов; решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, поручения, предписания, текущая переписка; 3) плановая: планы работ, проекты и т. д.; 4) учетная: анкеты, журналы и книги учета, реестры, счета, балансы; 5) контрольная: материалы ревизий, проверок; 6) отчетная документация [7, с.398-407].

Из комплексов взаимосвязанных документов составлялась система документов. В них отражались уже не отдельные факты, а последовательность фактов в их многочисленных связях во времени и пространстве. В учебнике по источниковедению истории СССР такая позиция получила свое подтверждение. «Принцип историзма требует брать партийные документы не только во взаимосвязи с той обстановкой, потребностями которой они порождены, не только в зависимости от той принципиальной позиции, которую занимает партия на этом этапе в политике, но и в рассмотрении каждого анализируемого источника как одного из звеньев в едином процессе развития взглядов Коммунистической партии (курсив автора – А.В.), ее теории, идеологии и политики на основе обобщения новой общественной практики, нового исторического опыта» [7, с.369]. Таким образом, цитируемый источник регионального уровня должен был быть соотнесен с документальным рядом центральных органов, и по последним следовало выверять его правильность [8].

По образному выражению А.К. Соколова, большинство материалов, которые поступали в архивы, представляли собой «заботу государства о самом себе», о своей истории, а не истории общества [9, с.73-74]. Еще Карамзин, как заметил Ю.С. Пивоваров, сводил русскую историю к истории русской власти [10], и можно продолжить,

что власть через подобранный документальный ряд создавала себе непогрешимо позитивный образ.

Логика изложения исторического материала по делопроизводственной документации центральных органов партии и советского правительства в советском направлении отечественной историографии привела к тому, что с 1930-х гг. региональная историческая наука оказалась в подчиненном положении: структурирование делопроизводственной документации в архивах, помимо целого ряда других причин, вело к централизованному изложению материала, любые локальные факты необходимо было рассматривать в тесной взаимосвязи с решениями центральных органов и давать им оценку исходя из общепартийных установок. Косвенным подтверждением служит тот факт, что в начале 1990-х гг., когда стало возможным изучать антибольшевистское движение с его документальной ориентацией на несколько центров «новых» государственных образований, а не только на исторический центр власти российского государства, произошел взрыв публикаторской активности.

В 1990-е гг. одним из упреков в адрес советской историографии являлось то, что историки почти любой партийный или советский документ воспринимали как закон, указание или распоряжение, полностью выполняемое, реализовавшееся на практике. Одним из объяснений подобной ситуации может являться то, что в первые

годы советской власти произошло слияние управления с законодательством, соединение законодательной и исполнительной работ. Историки, используя вышеуказанный структурный ряд, по-видимому, оказывались в своеобразной методологической ловушке.

Крушение КПСС, развал Советского Союза разрушили привычный для большинства населения образ непогрешимой власти, с последней был сорван покров сакральности. Источниковая база исследований по Гражданской войне стала стремительно меняться. В целях более полного воссоздания картины трагедии Гражданской войны особое внимание стало уделяться «красному террору» и «белому движению», чему способствовало рассекречивание документов, открытие ранее недоступных фондов. Поворот от советской методики изложения материала в историографических исследованиях к другим методологическим версиям привел к появлению «тоталитарного», «национального» и др. подходов. После относительно короткого методологического замешательства все чаще стали говорить о приоритете антропологического подхода. С начала XXI в. ясно обозначился антропологический «поворот» в исторических исследованиях периода Гражданской войны.

О.С. Поршнева следующим образом характеризует антропологический подход: «Человек как действующее лицо истории, социальный актер, носитель определенной

политической культуры, менталитета, массовое сознание эпохи революции, поведенческие практики различных слоев населения – эти и другие проблемы антропологически-ориентированной истории стали рассматриваться как ключевые для понимания феномена революционного кризиса, особенностей функционирования власти в революционную эпоху и ее взаимодействия с различными политическими и социальными силами, механизмов созревания и протекания революционных процессов» [11, с.1]. По мнению исследователя, «основным направлением переосмысления проблем Гражданской войны в постсоветской историографии стало перенесение центра тяжести в ее изучении с политической и военной истории на социальную и культурную» [12, с.127].

Если в позитивистской историографии принято отдавать приоритет документально выверенному факту, то часть сторонников социально-антропологического подхода предлагает диаметрально иное отношение к источникам. В частности, В.П. Булдаков отмечает: «В данной работе (речь идет о нашумевшей «Красной смуте» – А.В.) на передний план выступают эмоции, иллюзии, поверья, страсти» [13, с.9]. В противном случае, по мнению автора, невозможно будет понять историю современной России, которая «в полном смысле слова больна своей историей, точнее, страхом ее подлинного, то есть

социально-антропологического переосмысления» [14, с.16].

А.К. Соколов предлагает более взвешенное отношение к формированию и использованию источниковой базы в контексте социальной истории. По его мнению: «Для социальной истории необходимо привлечение новых источников, иное прочтение тех, которые считаются основополагающими, изменение способов работы с ними. Совершенно иное значение приобретают, в частности, источники личного происхождения: мемуары, дневники, письма и т. д., которые раньше рассматривались как «второстепенные» и «субъективные». Для социальной истории то, что исходит непосредственно от человека, от его действий, поступков, мыслей и чувств, обладает несомненным преимуществом, например, перед законами, нормативно-распорядительными документами, перед официальной трактовкой тех или иных событий в печати» [9, с.73].

Все это в полной мере относится к фундаментальной книге И.В. Нарского, в которой наряду с официальной документацией привлекаются материалы местных газет и источники личного происхождения, что, по его мнению, позволяет изучить культурные коды, систему представлений и ценностей «маленького человека». По признанию автора, исходя из цели исследования («будни населения Урала в 1917-1922 гг.»), наиболее надежным и информативным источником для изучения истории

повседневности являются конфиденциальные документы, посвященные настроениям и условиям жизни населения в первую очередь материалы чрезвычайных политических органов советской власти [15, с.27-30].

В работе В.Л. Телицына, посвященной изучению крестьянских выступлений в годы Гражданской войны, наибольшее внимание уделяется военным документам. Автор объясняет это тем, что «в архивах структур РККА отложилось самое большое число свидетельств крестьянского сопротивления (отслеживавшихся военными информаторами) и реакции силовых структур на него» [16, с.12].

Несмотря на то что в историографии Гражданской войны произошла существенная корректировка источниковой базы, преждевременно говорить о создании «целого пласта литературы о Гражданской войне», в частности, на Урале, с позиции антропологического подхода [17].

Наблюдаемые в последнее время изменения в структуре источниковой базы (например, отказ от делопроизводственной документации победившей стороны) характеризуются стремлением на основе нетрадиционных для позитивистской методологии источниковой базы по-новому осмыслить историю Гражданской войны в России. Однако полностью выстраивать исследование на нетрадиционных источниках (слухах, сплетнях, частушках, анекдотах) в целях

воссоздания целостной картины хотя бы умонастроения обывателей той поры – явление экзотичное, чаще подобный фактический материал служит подспорьем при выстраивании повествования по недоступной ранее конфиденциальной информации в первую очередь из советского делопроизводственного ряда.

Литература

- [1] Бобкова М.С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». М., 2008.
- [2] Троицкий Ю.Л. Что такое «правда Истории»? (Самопорождение смысла в историографическом тексте) // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1.
- [3] См.: Муравьев В.А. История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований) // *Рубеж истории: проблемы методологии и историографии исторических исследований*. Тюмень, 1999; Рышков В.М. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования гражданской войны на востоке России // <http://history/ns.ru>
- [4] Камынин В.Д. Некоторые итоги историографического изучения истории Гражданской войны на Урале // *Гражданская война как феномен мировой истории. Материалы научной конференции*. Екатеринбург, 2008.

- [5] Рынков В.М. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования гражданской войны на востоке России // <http://history/ns.ru>
- [6] Камынин В.Д. «Проблемная историография» в 1990-е – первые годы XXI века: исследовательский опыт и перспективы развития // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006.
- [7] Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981.
- [8] При этом следует согласиться с первой частью рассуждений авторов, что «умолчание какой-то части документа, интерпретирование одной из его сторон, абстрагирование документа из исторической связи, в которой он только и может быть правильно понят, – эти и другие приемы широко используются для преднамеренной фальсификации документов Коммунистической партии нашими идейными противниками» (см.: Источниковедение истории СССР. С. 372).
- [9] Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999.
- [10] Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006.
- [11] Поршнева О.С. Антропологический подход в изучении Февральской революции 1917г.: достижения и перспективы // Февральская революция 1917 года в России: история и современность. Екатеринбург, 2007.
- [12] Поршнева О.С. Гражданская война в России в человеческом измерении: некоторые итоги изучения // Гражданская война как феномен мировой истории. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 2008.
- [13] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- [14] Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.
- [15] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.
- [16] Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»?... Феномен крестьянского бунтарства: 1917-1921 гг. М., 2003.
- [17] Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003.

Матвеева Любовь Дмитриевна,
доктор исторических наук, профессор кафедры
«Туризм и гостеприимство»
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уфимская государственная академия экономики и сервиса»
e-mail: mld062@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ

В условиях глобализации одним из важных ресурсов поступательного и динамичного развития современного общества становится реализация концепции самобытности народа, его языка и культуры, национальных особенностей и традиций, отраженных в региональной (местной) истории. Статья посвящена исследованию современной историографией национального и государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье. Автор статьи подчеркивает, что процесс глобализации непосредственно влияет на предмет и теоретические и методологические основания исследований современных российских историков.

Ключевые слова: историография, социально-политическая ситуация, большевики, тоталитарная система, государственная национальная политика.

В современных условиях глобализации, усиления интеграционных процессов и планетарной «унификации» сохранение национальной самобытности, культуры и языка, местных особенностей и традиций приобретает актуальность как важнейший ресурс устойчивого развития и благополучия общества. В связи с этим очевидна и бесспорна необходимость всестороннего объективного изучения предшествующего опыта решения национальных проблем, в частности, истории национально-государ-

ственного строительства в послереволюционной России, которая может и должна быть использована при определении основ современной государственной национальной политики. Переход от традиций советской историографии с ее жестким формационным подходом к иным научным направлениям происходит болезненно и зеркально отражает социально-политическую ситуацию, сложившуюся в стране. Своеобразной «болезнью роста» явился переход в первой половине 1990-х гг. от апологии

коммунизма к антикоммунизму. Политические мероприятия большевиков объяснялись чаще всего как прелюдия набирающей силу тоталитарной системы, как вехи ее становления.

Большая часть историков строила свои исследования по принципу «от противного». В исторических трудах отчетливо прослеживаются тенденции, во-первых, доказать незаконность и нелегитимность установления советской власти, дискредитировать ее лидеров; во-вторых, «задним числом» показать неразумность и абсурдность действий большевиков в области политики, экономики, культуры, национальных отношений; в-третьих, разоблачить преступления и злоупотребления; в-четвертых, показать, сколько возможностей было упущено на пути более разумного общественного устройства. Общая направленность подобных исследований сводится к описанию создания советской тоталитарной системы.

Развал СССР, резкое обострение межнациональных отношений в самой Российской Федерации подтолкнули многих исследователей к всестороннему изучению проблем национально-государственного строительства. В центре внимания все чаще оказываются бывшие автономные республики.

Основное внимание исследователей приковано к начальному этапу становления национально-государственных автономий, который пришелся на период Граждан-

ской войны, когда в стремлении обеспечить социальную опору и белые, и красные с разной степенью успеха использовали национальные интересы.

Плодотворным для осмысления проблемы национально-государственного строительства в послереволюционной России в последнее время стало и «вмешательство» профессиональных этнологов. Междисциплинарные новации, предметом изучения которых оказалась политизированная этничность, позволяет историкам по-новому взглянуть на предназначение и задачи национальной государственности в целом. Один из крупных современных этнологов, В.А. Тишков, анализируя «гигантский социальный эксперимент так называемого национально-государственного строительства», обратил внимание на природу самой этничности, которая «носит очень часто подвижный и множественный характер, особенно в среде этнически смешанного населения». Именно этим объясняется, по его мнению, трудность ведения работы по национальному размежеванию и созданию национальных образований. В его интерпретации, основанной на социально-культурной антропологии, Россия – СССР были полем реализации утопической большевистской доктрины этнического национализма. Подчинив национальный вопрос главной идее – созданию социально-однородных «социалистических наций» трудящихся, Коммунисти-

ческая партия на всем протяжении своей истории удерживает советские национальности между политической репрессий и престижа.

Большое влияние на современную историографическую ситуацию оказывают теоретические и конкретно-исторические исследования зарубежных авторов. Следует отметить, что с начала 90-х гг. оценки западной литературы в отечественной историографии кардинально изменились. Как отмечал удмуртский историк К.И. Куликов, «в трудах многих ученых Запада с достоверностью до пятилетия предсказывались кризисные явления в национальных отношениях в СССР, к которым пришло наше общество в конце 1980-х гг. Зарубежные авторы... детально анализировали все аспекты национального вопроса в СССР, включая проблемы государственного строительства, влияния командно-административной системы на национальные отношения, создания неравноправной иерархии наций, слияния наций и их ассимиляции, репрессии национальных кадров и т. д.». При этом ряд исследователей указывают, что «нет оснований безоговорочного восприятия трудов западных авторов, которые, в силу причин объективного характера, страдают узостью источниковой базы, слабым, совершенно поверхностным представлением об особенностях социально-экономического и общественно-политического положения» народов Востока России (в частности – башкир).

По мнению И.В. Павловой, трудности изучения проблем национально-государственного строительства в послереволюционной России связаны, прежде всего, с тем, что до сих пор в историографии отсутствуют адекватные понятия (социальные, экономические, политические), в которых бы раскрывалось своеобразие исторического процесса в России, поэтому и отечественные, и зарубежные исследователи вынуждены применять понятийный аппарат, выработанный в европейской культуре. В результате изучаемая ими действительность неизбежно «рассыпается»: подавляющее большинство советских историков не имело представления о своей истории, отличного от официального, а взгляды западных историков, в буквальном смысле охваченных стихией документа, оказались также ангажированными, правда, уже собственными априорными конструкциями истории России 1930-х гг.

В конце XX – начале XXI вв. в региональной историографии происходит смещение исследовательских акцентов в основном в направлении научного поиска, характерного для западной советологии предшествующего времени: в центре внимания оказываются процессы формирования административно-командных методов руководства в области национальной политики, репрессии в отношении национальной интеллигенции, переосмысления политики коллективизации, «коренизации», «выдви-

женчества». Появились новые монографические исследования национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье.

Дискуссионной в современной исторической литературе остается точка зрения о роли и значении договорных отношений между центром и автономиями. Часть историков (К.И. Куликов, Д.Х. Яндулин и др.), рассматривая факт заключения договора между ВЦИК и Башкревкомом 23 марта 1919г. как прецедент, считают, что подобными договорами и должны регулироваться отношения между центром и автономными образованиями. Другие (Д.Л. Златопольский, В.Ю. Войтович) отмечают, что «договорной федерации» никогда не было и не могло быть, так как основным правовым документом федерации является ее Конституция, а не договор; последний носит разрушительный характер для федерации.

Изучение отечественными историками советской национальной государственности в Среднем Поволжье и Приуралье демонстрирует приверженность основным закономерностям историографического жанра и свидетельствует о некоторых его особенностях. Обращает на себя внимание по-прежнему слабый интерес региональной историографии к вопросам теоретического характера, за исключением тех обязательных штампов, которые сопровождали работу по национально-государственному строительству. Более того,

в ее развитии практически не просматриваются те особенности, которые отличали бы региональное понимание проблемы от общероссийского. Имея в виду, что все автономии Урало-Поволжского региона являются многонациональными, необходимо изучить вопрос о том, как учитывались и реально обеспечивались права проживающих на территории национальных меньшинств.

Многие исследователи признают перспективность и плодотворность новых подходов, но, к сожалению, редко используют их на практике. По-прежнему в центре внимания находятся, как правило, действия вождей, партийных и государственных лидеров, властные институты и учреждения, язык официальных документов.

В настоящее время фактологическая канва истории национально-государственного строительства вырисовывается достаточно интенсивно. В то же время ощущается нехватка всесторонних историографических исследований, необходимых для объективной оценки развития научных знаний по данной проблематике.

Литература

- [1] Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. Генезис. Екатеринбург, 1996.
- [2] Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5.

- [3] Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917-1930-е гг.) // Россия в XX веке: реформы и революции. М., 2002. Т.1. См. также: Наше Отечество: опыт политической истории. В 2-х т.т. М., 1991; Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов // Государство и право. 1993. №1; Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. Кн.1-3. М., 1992-1993; Булдаков В.П., Мау В.А., Ципко А.С. Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? Прерывность и непрерывность в отечественной истории XX в. М., 1993; Самоопределение и автономия народов России: исторический опыт и уроки: Материалы Всероссийской научной конференции. Йошкар-Ола, 1995 и др.
- [4] Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994.
- [5] Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX веке: проблемы национальных отношений. М., 1999.
- [6] Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект). М., 1999.
- [7] Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937гг. Ижевск, 1993.
- [8] Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение. Уфа, 2000.
- [9] Куликов К.И. Удмуртская автономия: Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990. См. также: Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937гг.; Никонов А.В. Национальный вопрос и экономические реалии: размышления исследователя. Чебоксары, 1992; Касимов С.Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа. Уфа. 1997; Россия в XX веке: проблемы национальных отношений. М., 1999; Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999; Кульшарипов М.М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-1920гг.); Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917-1921гг.). Уфа, 2000; Султанов Ф.М. Татарское национальное движение: история и современность. Казань, 2000; Яндурин Д.Х. Национально-государственное строительство в автономиях Урало-Поволжья. Уфа, 2001 и др.
- [10] Златопольский Д.Л. Проблемы отечественной государственности // Вестник МГУ. Серия II. Право. 1998. № 6.

[11] Войтович В.Ю. Историография проблемы становления национальной государственности в Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 2002. № 4.

[12] Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917-1930-е гг.) // Россия в XX веке: реформы и революции. Т.1 М, 2002.

Алябьева Мария Андреевна,

*аспирантка кафедры «Туризм и гостеприимство» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уфимская государственная академия экономики и сервиса»
e-mail: alumaria08@rambler.ru*

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ОХРАНЫ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БАШКОРТОСТАНА В 80-х – 90-х ГОДАХ XX ВЕКА И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В условиях глобализации и международной экономической интеграции сохранение природного и культурного наследия становится одним из важных факторов сохранения человеческой цивилизации. В статье с точки зрения историографии рассматриваются научные подходы к сохранности и профилактике мер по охране памятников природы и культуры Российской Федерации.

Ключевые слова: *историография, природное и культурное наследие, государственная экологическая политика.*

Мировое сообщество все более настойчиво и целеустремленно объединяет усилия для построения достойного будущего в условиях научно-технического прогресса, информационной революции, требующих экологизации отношений, а также пропаганды и развития традиционных общечеловеческих ценностей, важнейшими из которых является сохранение природного и культурного наследия.

В 1972 году Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры приняла Конвенцию об охране Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. Россия, тогда в составе Советского Союза, наряду с другими странами подписала ее. В центре внимания Конвенции находятся проблемы сохранения архи-

тектуры, природных памятников и других достопримечательностей, достойных заботы мировой общественности за их художественную, историческую и научную ценность.

В России, присоединившейся к этому документу в 1988 году, за 22 года проделана огромная работа в данном направлении. В составе самого престижного реестра международно признанного достояния человечества – Списка Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО – находится уже 23 российских объекта. Эти события в области охраны природы и культуры в последние годы нашли отражение в многочисленных трудах ученых, юристов, архитекторов, реставраторов, экологов и других специалистов самых разных сфер деятельности. Проводимые кон-

грессы, форумы, конференции, семинары и публикуемые по их итогам материалы показывают стремление каждого региона доказать, что именно его наследие является уникальным и достойным международного признания.

Однако до сих пор положение многих памятников природы, истории и культуры не только местного, но и мирового значения можно назвать критическим. Не удается остановить процесс дальнейшей деградации природных систем, крайне медленными темпами ведутся реставрационные работы, накапливаются до опасного уровня экологические проблемы, нередко нарушается природоохранное законодательство. Остаются нереализованными планы музейного и туристского освоения, которые в зарубежных странах создают основу использования наследия.

Принятие экстренных и неординарных решений в условиях этих и других, пока еще неразрешенных, проблем в сфере охраны и восстановления уникальных памятников природы и культуры диктует необходимость не только в выработке новых методов работы с ними, но и в обращении к прошлому опыту, проведению всестороннего анализа его положительных и отрицательных последствий для судьбы каждого памятника природы и культуры в Республике Башкортостан.

С присоединением СССР к Конвенции об охране Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО [1] в 1988 году и в ре-

зультате проведения политики гласности в конце 80-х – начале 90-х годов появляются исследования по вопросам культурной и экологической политики, в которых затрагиваются совершенно новые проблемы.

Большой вклад в изучение этих проблем вносят материалы проводимых во многих городах нашей страны научных конференций. Значительная часть публикуемых сборников посвящена проблемам охраны культурного и природного наследия страны; взаимовлиянию историко-культурных традиций России и других стран. Международный опыт сохранения природного и культурного наследия тщательно изучается, поскольку он необходим для определения того круга проблем, которым в современных условиях следует уделить главное внимание.

В 1992 году создается ведущее научное учреждение страны по разработке концепции охраны и использования культурно-исторического и природного наследия – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. На базе НИИ были разработаны программы возрождения национального достояния, включающие развернутую систему мероприятий по выявлению, восстановлению, изучению, сохранению и использованию культурного и природного наследия.

К примеру, в одном из сборников научных трудов 1994 года [2]

анализируются конкретные организационные, законодательные, управленческие меры, используемые в разных странах для охраны наследия. Так, статьи Н.В. Максаковского, С.И. Мурашкиной и Р.А. Мнацаканян посвящены различным аспектам опыта Великобритании, М.Е. Кулешовой – опыту США; в материалах А.Э. Каримова и А.Д. Сорокина, Ю.Л. Мазурова и А.К. Фомченкова рассматриваются информационные и управленческие аспекты опыта Германии. Международно-правовой практике в сфере охраны наследия посвящены статьи А.Д. Аки и С.В. Гусева. Важную тему роли средств массовой информации в сохранении культурного наследия коренных народов освещает статья П.А. Алейникова. Материал М.М. Поздеева посвящен обзору концепций культурного ландшафта в зарубежной географии.

На данном этапе авторы не ставили перед собой задачу формирования целостных концепций и системной оценки зарубежного опыта. Материалы, скорее, отражают спектр деятельности института по природному и культурному наследию, его опыт изучения и анализа информации о практике охраны наследия за рубежом.

Во времена «Перестройки» в условиях бурного роста и активной реконструкции городов и других населенных мест, развития индустриального домостроения все большую остроту приобретали проблемы градостроительной охраны историко-культурного наследия. В их

решении Н.Д. Недович и А.С. Щенков выделяют актуальные и на сегодняшний день проблемы: юридические гарантии сохранения памятников при реконструкции исторических городов и выявление самого предмета охраны; уровень общественного и профессионального осознания ценности наследия; научные исследования и проектная практика в исторических городах и селах; хозяйственно-экономические условия сохранения исторической среды.

Эти и другие аспекты градостроительной охраны памятников рассматриваются и иллюстрируются примерами из практики в статьях других авторов (С.К. Регамэ, Г.П. Боренко, Е.Е. Водзинский).

Научные статьи и сборники трудов архитекторов градостроителей, реставраторов, сотрудников научно-исследовательских организаций и работников охраны памятников истории и культуры дают ответы на теоретические и методические вопросы комплексной охраны и реставрации ансамблей и историко-культурных заповедников [3]. Исследуются возможные пути сохранения и преемственного использования ценного историко-культурного наследия в процессе реконструкции городов и других населенных пунктов.

Книга журналиста Тамары Князевой «Я прихожу к тебе, ручей!» [4] посвящена проблеме бережного отношения к культурному наследию. Встречи с интересными людьми, воспоминания о посеще-

ниях памятников архитектуры, городов и сел средней полосы России, размышления о преемственности поколений – таково содержание вошедших в книгу лирических очерков. Герои их – исследователи народной жизни, энтузиасты, краеведы.

Охрана памятников истории и культуры находится в прямой зависимости от условий ее пропаганды. В соответствии с этой позицией во времена перестройки как основополагающий действовал тезис об обеспечении эффективной пропаганды – единстве слова и дела. В условиях развития демократизации и гласности проводится анализ современного на тот момент состояния памятников, определяются основные проблемы и пути совершенствования этой работы (Л.П. Кузнецова, Н.М. Тарашев) [5]. В ряде статей (В.А. Петербуржцев, Ш.Н. Ташпулатов, М.О. Кравинска и другие) особое внимание уделяется проблемам совершенствования работы республиканских обществ охраны памятников истории и культуры в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры», решений февральского Пленума ЦК КПСС (1988г.) по усилению коммунистического воспитания молодежи.

В историографии по проблеме политики России и Башкортостана в области охраны природного и культурного наследия предпринята попытка исторического или философ-

ско-социологического осмысления культуры и культурной политики (В. Библер, Л. Буева, Б. Ерасов, Н. Злобин, Э. Ильенков, С. Иконникова, М. Каган, Л. Коган, А. Моль, Э. Соколов, Э. Орлова, В. Розин, Ю. Фохт-Бабушкин, В. Чурбанов, А. Шендрик, Т. Элиот и др.). При всем различии взглядов и теорий эти авторы обратили внимание политиков и практиков на важность охраны природного и культурного достояния как на важнейший инструмент управления государством.

Особое значение для исследования проблем сохранения культурного и природного наследия имеют положения общеметодологического характера, разработанные А.И. Арнольдовым, Ю.А. Лукиным, Т.И. Снигиревой, К.М. Долговым, Е.Г. Комаровым, Г.Г. Дамадян, Ю.С. Борисовым, Ю.М. Шор, В.П. Козловским [6].

Рекомендации местным органам по созданию историко-культурных и природных территорий как наиболее действенной меры сохранения и использования наследия, по разработке региональных программ развития культуры содержатся и в Постановлении Правительства Российской Федерации «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ» [7].

На современном этапе заслуживают внимания публикации по региональным аспектам теории и практики сохранения наследия [8]. Отличительной особенностью этих работ являются конкретность, обос-

нование тесной связи явлений и факторов, предопределяющих развитие и функционирование объектов культуры и природы. Сходные проблемы возникают во многих областях России. Актуальной задачей стала разработка конкретных предложений, научной программы, определяющей перспективы развития культуры, социальной сферы и хозяйства региона в современных условиях. Разработанные материалы включают концептуальную модель будущего развития территории, экономические расчеты и обоснование перспективных показателей по основным элементам социально-культурной и хозяйственной сфер, методические положения, способствующие выявлению и использованию историко-культурного и природного потенциала, рекомендации по принятию организационно-управленческих решений, статуса регионов.

Особое положение складывается на территориях, обладающих богатым потенциалом культурного и природного наследия (памятниками истории и культуры, уникальными природными ландшафтами), такой территорией, безусловно, является и Республика Башкортостан. В условиях рыночной экономики существует угроза реализации в данных местностях ряда хозяйственных проектов, дающих быструю прибыль на первом этапе, но имеющих губительные последствия для сохранности исторических и природных богатств.

Территориальный подход к решению проблем сохранения и

использования национального наследия заявлен в ряде Законов Республики Башкортостан [9], Постановлений [10] и Распоряжений [11] Правительства и Кабинета Министров Республики Башкортостан по созданию особо ценных историко-культурных и природных территорий, а также участия республики в ряде международных проектов, таких как, например, создание взаимосвязанной системы особо охраняемых природных территорий в Республике Башкортостан [12]. Идея экологической сети была разработана совместно с одной из влиятельнейших природоохранительных организаций мира – Всемирным фондом дикой природы, что нашло отражение во множестве его публикаций [13].

Серия статей об отдельных историко-культурных и природных объектах Республики Башкортостан является результатом научно-исследовательских изысканий специалистов различного профиля – историков, филологов, архитекторов. Объектом их исследования стали ценные историко-мемориальные памятники, архитектурные здания, коллекции музеев, заповедники, памятники природы и многое другое. Так, в тематическом сборнике «Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов» [14], подготовленном коллективом авторов, занимающихся вопросами теории и практики государственной экологической политики, излагаются основные аспекты концепции уни-

кальных территорий как особо ценных функциональных элементов природного и культурного наследия. Анализируются принципиальные проблемы их выявления, идентификации, сохранения и использования.

Сборник международной конференции «Консервация памятников культуры. Прошлое. Настоящее. Будущее», состоявшейся в октябре 1997 года в Санкт-Петербурге [15], открывает раздел истории, охватывающий различные периоды становления служб консервации в учреждениях культуры России и за ее пределами.

Все большее место в деле обеспечения охраны памятников культуры занимают общие вопросы сохранности и профилактические меры. Несмотря на существующие сложности, на современном этапе представлены результаты научных исследований, как правило, имеющие своей целью реализацию на практике. Интересны работы реставраторов, знакомящих специалистов с новыми, часто оригинальными методами и технологиями реставрации. «Понятийный аппарат, – как отмечает Н.В. Михайлова, – играет важную роль и в научной разработке, и в практической деятельности в сфере государственной правовой охраны историко-культурного наследия России...».

Глан И.В. в своей книге «Этот исчезающий вещный мир» [16] ставит неожиданные вопросы: памятник ли простая тарелка-радио, ремесленный сапожный инструмент,

старые паровозы и трамваи? Требуют ли уважительного к себе отношения остатки демидовских заводов на Урале, «падающая» Невьянская башня, тайны которой не разгаданы и по сей день, квартал старого университета и даже маршруты путешествий знаменитых русских землепроходцев? В увлекательной форме рассказывая о малоизвестных страницах отечественной науки и техники, автор задается вопросом: что же хранить, что ценить? К сожалению, четкого ответа на этот вопрос все еще нет, и сегодня пропадает и уничтожается многое, о чем будем жалеть завтра.

В целом, изучение историографии показывает, что вопросы опыта в области охраны природного и культурного наследия Башкортостана остаются практически неизученными. Общую картину на данном этапе можно проследить с помощью конкретизации опыта сохранения наследия в целом по России. История природоохранных мероприятий и институтов культуры в стране и республике, история политики Башкортостана в этой области до сих пор не являются предметом специального анализа.

Литература

- [1] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, ЮНЕСКО. Париж, 1972.
- [2] Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы. М., 1994.

- [3] Комплексная охрана и реставрация ансамблей и историко-культурных заповедников. Сборник научных трудов. М., 1989.
- [4] Князева Т.А. Я прихожу к тебе, ручей! М., 1989.
- [5] Проблемы совершенствования охраны и пропаганды памятников истории и культуры на современном этапе. М., 1989.
- [6] Деревянко А.П. Изучение культурного и исторического наследия Сибири: истоки и перспективы // Советская культура: 70 лет развития. М., 1987. См. также: Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988; Рыбаков Б.А. История и перестройка. М., 1989; Санцевич А.В. Методика исторического исследования. Киев, 1990; Романов В.Н. Историческое развитие культуры: Проблемы типологии. М., 1991.
- [7] Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1992 года «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ».
- [8] Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия. М., 1994.
- [9] Закон Республики Башкортостан от 7 ноября 2005 года №224-з «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Республики Башкортостан»; Закон Республики Башкортостан от 31 июля 1995 №5-з «Об особо охраняемых природных территориях в Республике Башкортостан».
- [10] Постановление Кабинета министров Республики Башкортостан от 1 октября 2002г. №293 «О резервировании земель под особо охраняемые природные территории РБ»; Постановление Правительства от 28 января 2008г. №13 «Об утверждении положений о государственных природных зоологических заказниках республиканского значения»; Постановление Правительства от 7 июля 2009г. №259 «О памятниках природы республиканского значения» и др.
- [11] Распоряжение Кабинета министров Республики Башкортостан от 29 января 1997г. №74-р «Об утверждении Целевой программы создания и развития сети особо охраняемых природных территорий в Республике Башкортостан на 1997-2000 гг.».
- [12] Данилина Н.Р., Степаницкий В.Б., Ясвин В.А. Концепция развития систем охраняемых природных территорий в Российской Федерации. Проект. М., 2003.
- [13] Подольский В.И., Романов А.И., Шаретдинов Э.Ф. Экологическая сеть Республики Башкортостан: правовые проблемы, пути решения. Сравнительный анализ федерального и

- республиканского законодательства. Всемирный фонд дикой природы (WWF). Уфа, 2002.
- [14] Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. М., 1994.
- [15] Теория и практика сохранения памятников культуры. Сборник научных трудов. Выпуск 19. С.-П., 1998.
- [16] Глан И.В. Этот исчезающий вещный мир. М., 1990.

Анашкина Светлана Вячеславовна,
аспирантка кафедры «Политическая история»
факультета государственного управления Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
e-mail: saxum@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

В последние два десятилетия появилась возможность деидеологизированного исследования Государственной думы начала XX века в целом и фракций, её составляющих, в частности. В этой связи интерес к фракции кадетов, одной из наиболее серьезных и конструктивных в идейно-политическом отношении противников революционного лагеря, возрастает с особой силой. На сегодняшний день истории кадетской партии посвящено огромное количество литературы как научного, так и публицистического содержания, сотни статей, десятки монографий и научных исследований. Каждая из работ заслуживает отдельного внимания. Но при более подробном их рассмотрении обнаруживается, что лишь в небольшом количестве трудов фундаментально затрагиваются вопросы фракционной деятельности Партии народной свободы. Анализу работ советских исследователей, занимавшихся данной проблемой, посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: кадет, парламент, фракция, законопроект, избирательная кампания, историография, Государственная дума.

Одной из главных функций историографического исследования, как правило, является изучение историографических источников. Цель звучит лаконично и просто: выявить и проанализировать степень изученности проблемы, показать уровень прироста научных знаний, выделить слабо и не до конца исследованные вопросы. Кроме того, в функциональные обязанности историографии входит синтез данных об организации научных исследо-

ваний, что подразумевает совокупность теоретико-методологических, организационных, источниковедческих основ, на которых базировалась историческая наука в каждый конкретный период своего развития.

Известно, что на всём протяжении периода истории Государственной думы начала XX века прослеживается тенденция к укреплению и усилению ролевых функций думских партийных фракций, кото-

рые занимались разработкой не только законопроектов, но и выполняли важные коммуникативные и агитационно-пропагандистские функции. Думские фракции всегда активно занимались партийной работой, используя парламентский иммунитет и легальные возможности общения с избирателями. Ярким тому подтверждением является деятельность в Государственной думе парламентской фракции партии кадетов. Внимание к фракции именно этой политической партии обусловлено и тем, что существенную роль в определении линии Государственной думы, на протяжении первых двух созывов, играли именно либералы. Кадеты же в этом процессе всегда занимали определенно знаковое место: они всегда имели решающее влияние на выработку позиции I и II дум по вопросам развития Российского государства. В то же время некоторая утрата ими в Государственной думе третьего созыва центрального положения ещё не говорит о бездейственности позиции этой партии в ней. На всём протяжении работы Государственной думы третьего созыва фракция кадетов оставалась полноценной оппозиционной фракцией.

Исследования историографии фракции кадетов с очевидностью свидетельствуют о том, что сегодня остаются открытыми важнейшие вопросы, среди которых главными являются следующие: как происходил процесс накопления исторических знаний о фракции кадетов в разные периоды изучения их дея-

тельности, удалось ли исследователям создать достоверную картину истории управления ЦК партии непосредственно фракцией в Думе, каковы наиболее важные аспекты законодательной работы кадетов? Имеющиеся к настоящему времени историографические публикации частично позволяют ответить на эти вопросы. Наличие дискуссионных точек зрения на процесс изучения истории партии кадетов, его этапов и особенностей убеждает в необходимости и перспективности дальнейшей разработки заявленной проблематики.

Рассмотрение и детальное изучение историографии думской фракции кадетов позволит не только обобщить уже накопленный советскими исследователями опыт, но и выявить основные закономерности, тенденции, положения, выводы, методические приемы, применяемые в разработке историографии крупной политической партии России первой четверти XX в., а также наметить пути по дальнейшей ее разработке.

Полную историографию рассматриваемой проблемы условно можно разделить на три этапа:

I этап: 1905-1917 годы – дореволюционный период (размышления и заключения непосредственных участников событий);

II этап: 1917-1993 годы – советский период, при котором данная проблема разрабатывалась недостаточно, а порой совсем не исследовалась (например, середина 30-х гг. – конец 50-х гг.) или же пре-

подносилась в свете поражений кадетской партии в политической борьбе с революционными силами;

III этап: начиная с 1993г. – по настоящее время – новая волна исследований, связанная с расширением возможностей для работы с архивными документами и материалами.

Из приведенной схемы хорошо видно, что хронологически наиболее объемным является советский период изучения парламентского аспекта деятельности Партии народной свободы. Он же наиболее весомый и по количеству опубликованных трудов.

Общеизвестно и закономерно, что историографию советского периода отличает наличие некоторых «пробелов» в исследовательских трудах ученых по причине главенства Советской власти на протяжении семидесяти с лишним лет. К сожалению, весь послереволюционный период вплоть до 90-х годов прошлого века парламентская деятельность рассматривалась с классовых позиций, а законотворческая работа думских либеральных фракций освещалась в контексте их поражения в политической борьбе с революционными силами. Становится очевидным, что парламентская деятельность кадетской партии не превратилась в отдельную тему изучения для отечественных исследователей. Они не ставили перед собой конкретной задачи её глубокого анализа, рассматривая, в соответствии с тематикой своих работ, лишь отдельные аспекты. Всё

же в некоторых трудах частично освещен интересующий нас вопрос. Отражены такие факторы, влиявшие на фракционную деятельность кадетской партии, как распределение политических сил в палате, характеристика состава партийных фракций, думская тактика ряда политических партий и др.

Одной из первых в постреволюционной России появляется работа Долгорукова П.Д. «Национальная политика и Партия народной свободы» [1]. В работе на основе использования как печатных, так и архивных свидетельств были предприняты первые попытки освещения некоторых сторон деятельности фракции кадетов в III Думе. Чуть позже выходит написанная в интересном ключе, но тенденциозная по содержанию, работа С. Томсинского «Борьба классов и партий в I Государственной думе» [2]. А несколькими месяцами ранее публикуется труд С.А. Слепкова «Классовые противоречия в первой Государственной думе», где автор на конкретном материале дал общую характеристику политического поведения кадетов в I Думе в контексте «классовых противоречий» между различными партиями [3]. Обе последние работы написаны с критических по отношению к политическим противникам большевиков позиций.

Организация собственной фракции и управление ею Партией народной свободы отражены в труде В. Стального «Кадеты (Конституционно-демократическая Пар-

тия народной свободы)», в котором рассмотрена их работа в Государственной думе первых трех созывов [4]. Автор очень подробно рассказывает о партии кадетов со времени её основания до 1917 года. Основное внимание сосредоточено на парламентском аспекте деятельности Партии народной свободы, а её тактику автор нарекает «тактикой одурачивания масс» [4, с.15]. А затем уточняет: «...Но массу дурачили потому, что это была сила, на которую можно было опереться...»

[4, с.16]. Тактика конституционно-демократической партии в каждой из трех дум рассматривается Стальным отдельно; кроме того, обособленной главой в работе вынесена деятельность кадетской фракции в период Февральской революции.

В 1931г. Граве Б.Б. публикует свой труд «Кадеты в 1905-1907гг.» [5]. Работа интересна и примечательна тем, что в ней впервые были опубликованы материалы ЦК партии кадетов, дававшие представление о значимости приоритета думского аспекта в деятельности этой политической партии, высоко оценены внутрипартийные дебаты, споры и дискуссии на пленарных заседаниях ЦК партии.

В 40-е и 50-е годы проблема кадетов в российском парламенте разрабатывалась менее активно. Наиболее интересными в этом отношении были работы Л.В. Завадской [6] и А.И. Нильве [7]. В них рассматривалась аграрная пробле-

ма в I Думе в целом и программа кадетов по этому вопросу – в частности, а в контексте аграрных программ практически всех политических сил II Думы уделялось достаточно внимания земельным законопроектам кадетов, сравнивались два варианта аграрной программы, которые они защищали с трибун I и II Государственных дум. Также в данный период по интересующей нас теме было выпущено несколько статей и диссертационных исследований. Основная их масса посвящена истории образования Думы, проблемам проведения избирательных кампаний, внутренней организации законодательной работы, фракционной деятельности партий и, в частности, интересующей нас Партии народной свободы. Наиболее интересными и знаковыми в этом отношении являются работы Д.Д. Зорина [8] и С.Л. Ронина [9]. А благодаря работам И.И. Фурманова [10] и В.В. Комина [11] думские процессы получили не только чисто идеологическое, но и научное осмысление, хотя и не свободное от господствующих догм.

Определенное внимание анализу законодательной деятельности депутатов ГД (в т. ч. и из состава интересующей нас кадетской фракции) уделяется в работе Ф.И. Калинычева [12]. Он рассматривает содержание правительственных деклараций, внесенных в I и II Думы, и реакцию на них различных думских фракций.

В числе первых советских работ, посвященных I Думе и деятельности в ней партийных фракций, С.М. Си-

дельников дал развернутую картину её формирования и состава, основных этапов работы, а также ряд других характеристик. В монографии детально освещена тактика либеральных партий, особенно партии кадетов, на выборах и в самой Думе. Автор проанализировал результаты избирательной кампании, позицию кадетской фракции при обсуждении многих острых политических и социально-экономических вопросов, а также некоторые законопроекты Партии народной свободы [13].

В начале 70-х годов появляются отдельные диссертационные исследования и статьи, в которых предпринимается попытка рассмотреть историю отдельных либеральных партий, формирования их парламентской деятельности и основных направлений фракционной законотворческой работы [14].

Из работ, опубликованных в 70-е гг., несомненный интерес представляют исследования В.В. Корнева [15] и А.В. Островского [16]. В.В. Корнев на широком фактическом материале изучал стратегию и тактику кадетов в первых двух Думах, обосновывая идею «краха» кадетского конституционализма в 1906 и 1907гг. А.В. Островский разрабатывал проблему взаимоотношений П.А. Столыпина и кадетов в период II Думы, выяснял причины неудачи их попыток достигнуть соглашения в переговорах, проанализировал широкий спектр вопросов, связанных с третьеиюньскими событиями 1907г.

Анализ распределения политических сил в нижней палате, ха-

рактеристика состава фракций и их деятельности в Думе затрагиваются В.И. Старцевым в исследовании, посвященном взаимоотношению царизма со слоями буржуазии и деятельности их политических партий [17].

Программа и тактика, выработанные российскими либералами накануне революции 1905-1907гг., в том числе и в области законотворчества, анализируются в монографии К.Ф. Шацилло [18]. Весьма ценными представляются сделанные им выводы относительно реализации отечественными либеральными силами своих программных установок в парламентской деятельности.

Видное место в советской историографии занимает освещение деятельности кадетов в I и II Думах в трудах Е.Д. Черменского. В своих монографиях он рассмотрел ряд важных аспектов предвыборной кампании кадетской партии в I Думу, тактику фракции на пленарных заседаниях и особенно участие кадетов в прениях по аграрному вопросу [19]. Также он рассматривает итоги избирательных кампаний в I и II Думе в работе «I и II Государственные думы» [20]. Его же монография «IV Государственная дума и свержение царизма в России» освещает последний период функционирования российского парламента в рамках третьеиюньской политической системы [21]. Автор говорит в целом о деятельности думских фракций. К сожалению Партия народной свободы и её парла-

ментская работа опять не получают заслуженного полного освещения и должного рассмотрения.

Отдельные аспекты думского законотворчества российских либеральных фракций нашли отражение в работах, вышедших из-под пера Н.Г. Думовой [22].

Своей фундаментальностью отличаются труды В.В. Шелохаева, где впервые нашло отражение концептуальное положение о неразрывной связи теоретических и программных установок российского либерализма с его практической парламентской законотворческой деятельностью [23]. Освещение деятельности кадетов в I и II Государственных думах на многочисленном архивном материале органично вписано в историю кадетской партии в период российской революции 1905-1907гг. В исследовании подробно изучены стратегия и тактика партии, некоторые вопросы взаимоотношений ЦК и фракций, участие кадетов в работе пленарных заседаний Дум и часть их законопроектов, борьба Партии народной свободы с социал-демократами и трудовиками на думской трибуне.

Большим вкладом в разработку ряда принципиальных вопросов данной тематики являются работы В.А. Кувшинова. Так, его монография «Кадеты в России и за рубежом (1905-1943гг.)» посвящена партии кадетов, в идеологии, в программе и политике которой наиболее органично и полно сочетаются идеи российского и западного либера-

лизма. Автор уделяет особое внимание освещению некоторых слабо исследованных сюжетов и, прежде всего, связи кадетской партии с западным либерализмом, а также эволюции программных и политических взглядов кадетов как до Октября 1917 года, так и в эмиграции [24]. В другой работе – «Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов» автор рассматривает исторический опыт борьбы большевиков против прямого и главного врага пролетарской революции – партии кадетов. Помимо такой важной стороны деятельности РСДРП(б), как разоблачение антидемократического, контрреволюционного характера идеологии и тактики кадетов, рассматривается и дается подробная характеристика кадетской партии, ставшей после свержения самодержавия правящей, а также освещается закономерный провал её попыток приспособиться к новым условиям борьбы [25].

В этот же период в научных журналах и сборниках выходят статьи ряда авторов, которые, рассматривая работу Государственной думы всех созывов, упоминали о фракционной работе кадетской партии [26].

Несомненно, важную роль в изучении Партии народной свободы и в понимании менталитета тогдашней элиты играют воспоминания её членов и современников, написанные в эмиграции [27].

С начала 90-х годов XX века наступает новый период в изуче-

нии кадетской партии в целом и её парламентской работы в частности, считающийся уже современной историографией. Важной чертой данного этапа стало расширение источниковой базы изучения проблем парламентской деятельности фракций в Государственной думе. Исследователи получили доступ к мемуарам тех участников отечественного либерального движения (и не только его), кто по разным причинам на долгие годы оказался вычеркнутым из отечественной истории. Новое, лишенное прежнего тенденциозного подхода прочтение дореволюционных исследований и публицистики также предоставило в руки отечественных исследователей богатый материал о парламентской и законотворческой деятельности кадетской партии и их думской фракции, что открывает перед исследователями широкое поле для рассмотрения интересующей их проблемы.

В заключении нашего исследования хотелось бы еще раз отметить, что историография важна тем, что она предоставляет возможность оценить общее состояние исторической науки, показать степень решения актуальных вопросов, концептуального осмысления проблемы, акцентировать внимание на упущениях и ошибках.

На сегодняшний день отечественными исследователями проделана значительная работа по изучению темы, связанной с парламентской деятельностью кадетов в Государственной думе начала XX

века: рассмотрены тактика кадетской фракции, деятельность партии и её взаимоотношение с политическими противниками, способы агитационной борьбы и пропаганды, предвыборные кампании в Думу. Но до сих пор, на наш взгляд, не до конца по достоинству оценен сам принцип руководства собственной фракцией в Думе кадетской партией. При всем многообразии накопленного фактического материала о партии кадетов, совсем немного информации о тактике кадетской фракции в Думе в условиях нестабильной политической обстановки в стране в целом и внутри парламента в частности, способах парламентской борьбы; слабо рассмотрены причины смены тактики в условиях издаваемого избирательного закона и меняющегося на протяжении работы всей Думы процентного соотношения сил противоборствующих в ней блоков. Таким образом, в настоящее время возникла потребность в расширении представлений современников о работе кадетской фракции в Государственной думе начала прошлого века, а также о различных аспектах их функционирования.

Обобщая опыт развития науки о прошлом, историография способствует ее поступательному движению. Поэтому даже работы, обращенные к изучению исторической мысли в прошедшие периоды, прямо или косвенно связаны с решением задач настоящего дня. Историографу партии конституционных демократов необходимо пока-

зять подходы к ее изучению, все-сторонне проанализировать ход событий, указав на различные методы изучения уже известных источников. В этой связи обращение к истории кадетской партии как носительнице идеалов переустройства России на либеральных началах, с получением думских мандатов получившей доступ к государственному управлению, представляется чрезвычайно актуальным, поскольку в российской исторической науке вопрос о возможности либеральной альтернативы в России ставится уже не первое десятилетие. Вследствие этого глубокое знакомство с работами советских историков по данному вопросу должно иметь несомненную ценность для развития современной исторической науки.

Литература

- [1] Долгоруков П.Д. Национальная политика и Партия народной свободы. Ростов-на-Дону, 1919.
- [2] Томсинский С. Борьба классов и партий в I Государственной думе. Ростов-на-Дону, Краснодар, 1924.
- [3] Слепков С.А. Классовые противоречия в первой Государственной думе. М., 1923.
- [4] Стальной В. Кадеты. Конституционно-демократическая Партия народной свободы. Харьков, 1930.
- [5] Граве Б.Б. Кадеты в 1905-1907гг. М.-Л., 1931.
- [6] Завадская Л.В. Аграрный вопрос в первой Государственной Думе и борьба большевиков за крестьянство // Большевики во главе первой русской революции 1905-1907гг. М., 1956.
- [7] Нильве А.И. Борьба классов и партий по аграрному вопросу во второй Государственной думе. Дис. ... к.и.н. Одесса, 1955.
- [8] Зорин Д.Д. Борьба большевиков в 1905г. за изоляцию либеральной буржуазии в связи с реакционной Булыгинской Думой // Научные записки ЛФЭИ. Вып.8. 1955.
- [9] Ронин С.Л. Выборы в Государственную думу царской России. М., 1940.
- [10] Фурманов И.И. I Государственная дума. Дис. ... д.и.н. М., 1950.
- [11] Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской Социалистической Революции (1900-1917гг.). М., 1965.
- [12] Калинычев Ф.И. Государственная дума в России: сборник докладов и материалов. М., 1957.
- [13] Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.
- [14] Шелохаев В.В. Программа кадетов в первой русской революции. Автореф. дисс. ... д-ра и.н. М., 1971. См. также: Шелохаев В.В. Провал деятельности кадетов в массах в 1906-1907гг. // Исторические записки. Т.95. М., 1975; Шевырин В.М. Партия мирного обновления в избирательной кампании во II Государст-

- венную думу // Вестник МГУ. Сер.9. История. 1972. №5.; Шевырин В.М. История партии мирного обновления (1906-1907гг.). Автореф. дисс. ... д-ра и.н. М., 1973.
- [15] Корнев В.В. Борьба В.И. Ленина и большевиков против стратегии и тактики кадетской партии в период Государственной думы I и II созыва (1906-1907гг.). Дис. ... к.и.н. М., 1976.
- [16] Островский А.В. Третьеиюньский государственный переворот. Дис. ... к.и.н. Л., 1977.
- [17] Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917гг. Л., 1977.
- [18] Шацилло К.Ф. Русский либерализм и самодержавие в 1905-1917гг. Л., 1977.
- [19] Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907гг. М., 1939.
- [20] Черменский Е.Д. I и II Государственные думы. Историкографический очерк // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978.
- [21] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
- [22] Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. См. также: Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993; Думова Н.Г. Из истории кадетской партии в 1917 году. Исторические записки. 1972. №90.
- [23] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия русской буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907гг. М., 1983. См. также: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историческая проблема // Вопросы истории. 1998. №4; Шелохаев В.В. Кадеты или искусство компромисса // Полис. 1993. №1.
- [24] Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943гг.). М., 1997.
- [25] Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917г.). М., 1982.
- [26] Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // Вопросы истории. 1991. №12. См. также: Зорина Е.В. Деятельность фракции кадетской партии в III Государственной думе // Представительная власть. 1996. №2; Зырянов П.Н. Как работала Государственная дума // Политическое образование. 1989. №15; Скрипилев Е. Деятельность и внутренний распорядок Государственной думы // Социалистическая законность. 1990. №8; Колесниченко Д. Вторая Государственная дума // Народный депутат. М., 1990. № 12; Дякин В. Третья Государственная дума // Народный депутат. 1990. №16; Дякин В. Четвертая Государственная дума // Народный депутат. 1990. № 18.

- [27] Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881-1914. Прага. 1929. См. также: Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Париж, 1938; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. London, 1991; Маклаков В.А. Из прошлого. Современные записки. Париж, 1929; Милюков П.Н. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954; Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж, 1927; Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания / Под ред. А.А. Кизеветтера. Берлин, 1934; Тыркова А.В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952; Тыркова А.В. То, чего больше не будет. Париж, 1954; Мансыров С.П. Мои воспоминания о Государственной думе (1912-1917). Берлин, 1922.

Матвеева Любовь Дмитриевна,
доктор исторических наук, профессор кафедры
«Туризм и гостеприимство»
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уфимская государственная академия экономики и сервиса»
e-mail: mld062@mail.ru

Алябьева Мария Андреевна,
аспирантка кафедры «Туризм и гостеприимство»
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уфимская государственная академия экономики и сервиса»
e-mail: alumaria08@rambler.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Статья посвящена решению первостепенной задачи археологии Республики Башкортостан – сохранению для будущих поколений археологического наследия, представляющего естественно-научную и культурно-историческую ценность.

Ключевые слова: археология, курган, раскопки, археологический памятник, могильник, экспедиция.

Сведения XVI, XVII – первой половины XVIII веков об археологических открытиях на территории Башкирии не очень достоверны, но по косвенным данным можно полагать, что уже в то время были обнаружены интересные археологические памятники и находки. «Не случайно царь Алексей Михайлович в 1669 году интересовался тем, что в Башкирии «...русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду...». К началу XVIII века относится сообщение голланд-

ца Дорта о том, что он длительное время находился в Башкирии и случайно нашел здесь «древние могилы с драгоценностями» [1].

«В 1782 году при строительстве домов уфимского наместника был вскрыт большой курган, где кроме мелких вещей, оружия и костяков нашли конский «Прибор» из чистого золота, который был отослан императрице Екатерине II. За этой сенсационной находкой последовали другие не менее удивительные, в ряду которых можно упомянуть тот факт, что в 1827 году

при строительстве новых улиц в Уфе было вскрыто много курганов, в которых находились золотые, серебряные, медные, железные вещи, оружие, конские «приборы», остатки гробов и каменных склепов. В то время при ведении земляных работ и позднее при добычии камня для мощения улиц было разрыто много археологических памятников, могильников, погибших для истории...» [2].

Таким образом, специальных работ с целью поиска древностей в Башкирии до последней трети XIX века проведено не было. При этом находки очень плохо учитывались и часть их затерялась. Хотя еще в 1718 году царем Петром I был издан указ, в котором говорилось об обязательной сдаче в царскую Кунсткамеру всех найденных древних предметов: «... ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи..., необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, такожь бы приносили, за что давана будет довольная дача» [1].

Инструкции центральной власти в провинциальной Башкирии выполнялись плохо. Описаний и чертежей находок не делалось, о найденных вещах в лучшем случае сообщалось, что они отосланы в Петербург. Дальнейшая их судьба неизвестна. В других областях страны положение с древностями было не намного лучше. Группы бугровщиков орудовали в южно-сибирских степях. Грабители курганов, «артели» которых в начале

XVIII века промышляли по всему югу Сибири, менее чем за четверть века опустошили все древние захоронения на данной территории.

Чтобы скрыть следы преступлений, они переплавляли золотые, серебряные произведения древнего искусства в слитки и сбывали их купцам. В XIX веке в Екатеринбурге в антикварной лавке можно было купить древние вещи. Разворачивается массовый поиск скифских и античных древностей в Северном Причерноморье, недавно присоединенном к России.

В это же время зарождается русская археологическая наука. Первые археологические изыскания стали проводиться в Башкирском крае Московским археологическим обществом, возникшим в 1864 году, которое поручило жителю Уфы Р.Г. Игнатьеву изучить историю, этнографию и фольклор коренного населения Оренбургского края и уделить особенное внимание древним и средневековым периодам. Исследователь хотел активизировать местную интеллигенцию и поднять научную работу на должный уровень. Но на деле, по словам Р.Г. Игнатьева, дело обстояло так: «Большинство современного нам общества и теперь еще относится холодно к своим древностям, а современная нам Россия хотя и желает, но еще не может хвалиться многими деятелями по археологии» [1].

Большинство работ в дореволюционное время носило эпизодический характер и ограничива-

лось раскопками отдельных памятников. Исключения составляют работы московских археологов В.В. Гольмстена и Д.Н. Эдинга. Раскопки В.В. Гольмстена были подлинно научными: на памятнике вскрывались более или менее значительные площади, составлялись чертежи, планы, подробно описывались находки.

Раскопки и фиксация древностей в дореволюционное время велись от случая к случаю, так как исследователи совершенно не имели на это средств, проводили их по собственной инициативе крайне хаотично. Охраны памятников археологии не существовало. Любой помещик, на чьей земле находились древности, распоряжался ими по своему усмотрению.

Дореволюционный период был временем сбора, накопления и частичных публикаций материалов по археологии, причем редкие исследователи стремились к широким историческим обобщениям.

С приходом Советской власти в стране возникла острая необходимость в охране памятников старины, разрушаемых в основном в результате быстро развернувшегося строительства.

Масштабы строительства, отсутствие квалифицированных кадров осложняли организацию в Башкирии охраны и учета памятников археологии. Известные археологические памятники разрушались и во время всевозможных земляных работ, и самостоятельными раскопками.

В 1926 году строители начали разрушение валов и рвов Уфимской крепости, построенной в XVII веке. Автор книги «Тайны Уфимских холмов» 1986 года М.Ф. Обыденнов утверждал, что ко времени написания книги от этих сооружений не осталось и следа [1].

Начало советского периода в развитии археологической науки ознаменовано указом Советского правительства от 18 апреля 1919 года об образовании Российской Академии истории материальной культуры, впоследствии – Институт археологии Академии наук СССР. Указ был подписан В.И. Лениным. Советское законодательство, исходя из ленинского указания по вопросам культурного наследия, взяло под охрану наряду с другими памятниками истории и культуры и археологические памятники.

«В июле 1924 года в СССР было принято постановление ВЦИК и Совнаркома, которым исполнительным комитетам на местах вменялось в обязанность следить за тем, чтобы «городища, курганы, могильники и прочие места, представляющие историческую ценность, не распахивались, не раскапывались в каких-либо хозяйственных целях, а в окрестности памятников оставалась бы неприкосновенной охранный полоса от одной сажени и более, в зависимости от размера и значения памятника». Но уже десять лет спустя, в 1934 году, было принято другое постановление, согласно которому эти запретительные меры стали считать уста-

ревшими и неприменимыми вследствие огромного размаха хозяйственного строительства» [3].

В конце 30-х годов XX века в Башкирии производились лишь эпизодические раскопки отдельных археологических объектов и осуществлялся археологический контроль за всеми земляными и строительными работами в черте города Уфа, благодаря чему были спасены уникальные по своему значению и богатству погребения эпохи раннего средневековья, найденные при строительстве здания Башкирского медицинского института.

В годы Великой Отечественной войны, когда в Уфу была эвакуирована Украинская академия наук, ее сотрудниками-археологами была предпринята попытка первого обобщения археологических материалов, собранных на территории Башкортостана, и составлена новая археологическая карта республики (так называемая «картотека Б.А. Кошневского»)» [4].

Еще в декрете ВЦИКа и Совнаркома от 7 января 1924 года «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», декрете СНК от 19 февраля 1924 года «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» содержалась мысль о необходимости специальной археологической службы, обеспечивающей наблюдение, надзор в зонах строительных работ. В последующих законодательных документах это положение совершенствовалось, найдя, наконец,

свое логическое завершение в принятом в октябре 1976 года Законе СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и Постановлении Совета Министров СССР об утверждении «Положения об охране и использовании памятников истории и культуры». По словам М.Ф. Обыденного, в то время «советское законодательство в деле охраны археологических памятников в зоне строительства по праву было признано одним из самых совершенных в мире» [1].

Движение в защиту исторического наследия началось в 60-е годы. В 1966 году было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, которое целенаправленно стало заниматься паспортизацией памятников и передало их под охрану государства. Башкирское республиканское отделение общества открылось в 1968 году.

С 1960-х по 1980-е годы регулярно проводились охранные обследования памятников археологии уфимскими археологами, работающими в различных организациях: секторе археологии и музее археологии Института истории, языка и литературы БФА СССР, историческом факультете Башкирского государственного университета и педагогическом институте, Башкирском краеведческом музее, археологической секции Башкирского республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Восьмидесятые годы XX века считаются временем расцвета археологических работ на новостройках. В стране и республике ежегодно действовали новостроечные экспедиции, по их результатам проводились общероссийские конференции, печатались многочисленные труды. Хоздоговорные работы способствовали возникновению при университетах и музеях коллективов археологов, специализирующихся на охранных работах. Начался процесс формирования специалистов в области управления и сохранения археологического наследия. Охранные работы стали новым источником финансирования научных исследований. Например, В.В. Овсянникова описывает следующий случай: «В 1989 году в связи со строительством садового кооператива в деревне Шипово возникла угроза разрушения Шиповского могильника из-за самовольного захвата земельных участков. Этот процесс удалось предотвратить благодаря тому, что ИИЯЛ УНЦ РАН была организована археологическая экспедиция для проведения охранных раскопок» [5]. В последние двадцать лет подавляющее большинство археологического материала как в России, так и в Республике Башкортостан было получено при проведении именно охранных раскопок.

В то же время объем работ на новостройках резко сократился. Сокращение целенаправленной археологической деятельности развивается одновременно с резким

увеличением числа разрушаемых памятников.

Помимо «традиционных» причин в последние годы значительную роль играют новые факторы. Среди них – резкая интенсификация использования и массовая приватизация земли, проведение которой должно быть невозможным без выделения земель историко-культурного назначения. Эти процессы происходят на фоне ослабления структур власти в центре и на местах, что влечет безнаказанность при порче и уничтожении памятников археологии. Вновь создаются благоприятные условия для профессиональных грабителей археологических памятников. В результате в стране активно функционирует «черный» рынок археологических находок, во многом ориентированный на зарубежье. Понимание важности сохранения физического состояния археологических памятников способствовало развитию методов дистанционного, неразрушаемого исследования памятников. Республика в этом направлении не отстает от России и мира и отрабатывает методики дистанционного зондирования, создаются электронные карты с использованием систем спутникового позиционирования, электронные базы и банки данных, широко используются статистическая обработка материалов, компьютерная графика и другие технологии.

Сегодня государственную политику в области сохранения недвижимых археологических памят-

ников Башкортостана осуществляет Главное управление государственной охраны и использования недвижимых объектов культурного наследия. В его ведении Реестр недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан, который является составной частью единой информационной системы России.

В силу своего географического расположения, многообразия исторического, культурного, экономического и политического развития региона с глубокой древности и до сегодняшнего дня Республика Башкортостан относится к числу субъектов Российской Федерации, наиболее насыщенных объектами культурного наследия, в том числе уникальными, имеющими всемирное значение, например, пещера Шульган-Таш (Капова) в Бурзянском районе с палеолитической настенной росписью [6].

На территории Республики Башкортостан к настоящему времени выявлено более 3500 недвижимых объектов культурного наследия. 1161 из них поставлен на государственную охрану, в том числе 572 памятника археологии. 31 памятник археологии включен в список недвижимых памятников федерального (общероссийского) наследия [7].

Сотрудниками Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Башкортостан разработаны планы проектов по защите памятников от разрушительного воздействия вре-

мени и губительной деятельности цивилизации.

Республика поддерживает интенсивные международные связи в области охраны и использования историко-культурного наследия.

В фондах 86 башкирских музеев хранится более 612 тысяч экспонатов, представляющих естественно-научную и культурно-историческую ценность. На базе музеев, в школах проводится лекционно-просветительская работа, посвященная юбилейным и историческим событиям и датам. В 2008 году музейные учреждения посетили 475,1 тысяч человек, общее число проведенных мероприятий увеличилось на 3%. Государственными и муниципальными музеями проведены 2263 лекции, 1601 мероприятие, организовано 1026 выставок.

Проведены охранные археологические исследования городища Уфа-II (Имэн-Кала), мониторинг памятников археологии в муниципальных районах (Гафурийский, Архангельский, Аургазинский, Кармаскалинский районы) и других объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) [8].

Первостепенной задачей археологии Республики Башкортостан в настоящее время является сохранение археологического наследия для будущих поколений исследователей.

Литература:

- [1] Обыденнов М.Ф. Тайна Уфимских холмов. Уфа, 1986.

- [2] Ищериков П.Ф. Очерки истории из колонизации Башкирии. Уфа, 1933
- [3] <http://bashinform.ru/news/122694/>
- [4] Коишевский Б.А. Картотека сведений об археологических памятниках Башкирии. 1945 // Архив ИА РАН.
- [5] Овсянников В.В. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье / В.В. Овсянников, Н.С. Савельев, И.М. Акбулатов, В.Н. Васильев. Уфа, 2007.
- [6] Атлас туристических ресурсов Республики Башкортостан. Уфа, 2007.
- [7] <http://heritage-rb.narod.ru/annot.html>
- [8] Доклад о социально-экономическом положении в Башкортостане в 2008 году // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа, 2009.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Сайфуллина Лейла Факиловна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры «История и культурология»
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уфимский государственный нефтяной технический университет»
e-mail: sleila.83@mail.ru

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА БАШКИРИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В данной статье рассматривается правящая элита Башкирии конца XVI – первой половины XIX вв. Выделены основные этапы эволюции национальной элиты башкирского общества в составе Российского государства. Показан процесс постепенного ограничения начальной самостоятельности социальных верхов и формирование верной Российской империи правительству элиты в крае. Более подробно в статье дана характеристика кантонных начальников как социальных верхов башкирского общества первой половины XIX века.

Ключевые слова: Башкортостан, история, правящая элита, инкорпорация, кантонный начальник.

Ни одно из обществ не развивается как общество равных, всякое общество имеет свою социальную стратификацию, состоящую из немногочисленных верхов и рядового населения. При изучении уровня развития общества в целом, кроме исследований наиболее многочисленных слоев населения (крестьянства, промышленных рабочих, городских жителей), наибольшее внимание необходимо уделять исследованию социальной элиты, которая управляла и принимала ре-

шения, имевшие последствия для всего населения.

В историографии Башкортостана социальным верхам башкирского общества не уделялось достаточного внимания. В период господства марксистско-ленинской идеологии в большей степени изучались рядовые массы общества. Это происходило в соответствии с господствующей идеологией страны того времени, по которой общественный прогресс и смена исторической формации могли произойти благодаря развитию рабочего класса. Если же соци-

альные верхи и становились объектом исследований, то в основном их рассматривали с критических позиций.

В противовес марксизму в западной исторической науке сложилась другая точка зрения. В конце XIX века итальянские социологи В. Парето и Г. Моска начали заниматься проблемой власти и ее субъекта. Парето ввел в научный оборот термин «элита», а Моска в 1881г. сформулировал теорию правящего класса, которая основывается на вполне очевидном постулате: «Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей – класс, который правит, и класс, которым правят [1, с.25]. Позже Фернан Бродель при изучении социальных иерархий в работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII веков» также писал, что «не существует общества без каркаса, без структуры, ... любое общество – это разнообразие, множественность, оно делится наперекор самому себе, и разделение есть, вероятно, самое его существо» [2, с.264-265].

Башкирское общество также не являлось исключением. К моменту перехода основной части башкирских племен под власть московского царя в крае существовала достаточно сложная родоплеменная верхушка, в различной степени интегрированная в управленческие структуры Казанского ханства и Но-

гайской Орды. Некоторые военные предводители у башкир имели юридически оформленные привилегии, данные им казанскими ханами и ногайскими мурзами. Имеются сведения, что в XV веке казанские ханы жаловали местным башкирским феодалам за службу ярлык на тарханство. Например, во время сражения русских войск с татарским отрядом на территории Башкирии в 1468г. русские взяли в плен «Князева сына тарханова» Тулазея. Предполагается, что он был башкирским тарханом, возглавлявшим отряд и оказавшим хану вассальную помощь [3, с.18].

В дальнейшем, после 1552 года, именно уже существовавшая башкирская родоплеменная верхушка инициировала и организовала процесс добровольного признания сюзеренитета московского царя. Например, в родословной бурзянского рода говорится о том, что после взятия Казани «четверо из четырех родов, от усеганов – князь Бикбав, от кипчаков – сын Меши, князь Каракуджак, от бурджанов – князь Ильчикей-бий, от тамьянов – князь Шагали Шакман... пошли в город Казань... Иван Грозный принял на добровольную верную службу башкирский народ и взял его под свое покровительство» [4, с.150].

После вхождения Башкирии в состав российского государства русские цари также продолжали давать башкирам за службу ярлык на тарханство, таким образом поставив этот институт на пользу своим интересам.

Кроме привилегированных башкир существовал и административно-управленческий аппарат края, состоящий из местного коренного населения. Со второй половины XVI по 1736г. башкирскими волостями управляли старосты и сотники. На должности старост и сотников попадали, как правило, наиболее влиятельные и богатые башкиры, в том числе и тарханы. С течением времени институт старост и сотников стал наследственным. Старосты обладали некоторыми судебными функциями в пределах управляемых ими территорий, отвечали за своевременную уплату податей и исполнение повинностей в пользу казны, распределяли между общинниками участки пастбищ и других земельных угодий [5, с.28].

Для конца XVI – начала XVIII вв. было характерно то, что управление внутренней жизнью башкирских племен осуществлялось практически автономно местными элитами при минимальном вмешательстве российской власти. Башкирская родоплеменная верхушка за этот период времени окрепла и даже успешно отражала притязания ногайцев, калмыков и казахов. Например, известно, что в 1734 году башкиры разбили Средний Жуз киргиз-кайсацкой орды Шемяки-хана, после чего последние решили войти в состав русского государства [3, с.39].

В связи с частыми восстаниями в Башкирии (1662-1664, 1681-1684, 1704-1711, 1735-1736гг.), направленными против политики прави-

тельства в этом крае, где в большинстве случаев в роли руководителей и вдохновителей восстаний выступали старосты и сотники, по указу императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 года институт старост заменили на институт старшин. «В жилищах башкирских, от коих воровство было: в каждой волости, вместо волостных старост, определить выборных старшин, по два или три человека и быть им с переменою погодно, на которых всякое преступление и неисправу взыскивать» [6, с.147].

Изначально институт старшин ввелся в волостях, где происходили восстания, и старосты поддерживали повстанческий лагерь, позже же он распространился по всей территории края. Таким образом, более свободные и независимые башкирские старосты были частью превращены, частью заменены на верных российскому правительству и назначаемых губернатором старшин. Старшины были подчинены местным воеводам и их канцеляриям и стали промежуточным звеном в управлении башкирским населением. В 1743 году первый Оренбургский губернатор Иван Неплюев ввел среди башкир и мишарей пограничную службу казачьего типа и окончательно определил статус старшин. Кроме волостных старшин появились также походные старшины, сотники. Старшины и их помощники во второй половине XVIII века были наиболее многочисленным классом высших слоев башкирского населения. Общая численность старшин-

ской верхушки составляла 1400-1500 человек [7, с.185].

В руках старшин находилась административная и полицейская власть в волостях, они распределяли общинные земли, отвечали за своевременную выплату налогов и несение натуральных повинностей общинниками. Конечно, формально положение старшин и массы общинников были равны, но фактически старшины, используя свое экономическое положение, власть, данную им сверху, держали в зависимости рядовых общинников, пытаясь использовать их с целью собственного обогащения.

Правительство всячески поддерживало особое положение старшин в волости как их опору в проведении правительственной политики в крае. За «подданническую верность» старшины награждались ценными вещами и деньгами, которые они использовали для утверждения своего престижа. Благоклонное отношение властей к влиятельным и лояльным старшинам можно продемонстрировать на примере старшины Каратабынской волости Ногайской дороги Кидряса Муллакаева. Участник Семилетней войны и карательных операций против башкирских повстанцев в 1735-1740гг., образованный человек, информатор Рычкова при написании его работ, Кидряс Муллакаев имел несколько похвальных указов Сената, был награжден саблей и ценными подарками [7, с.188].

Интересы башкирских старшин с течением времени все больше и больше развивались в направлении сближения и срастания с интересами русских помещиков, заводчиков и администрации. Но были случаи, когда интересы старшин совпадали с чаяниями рядовых башкир, например, при насильственном захвате земель, национальном гнете, религиозных притеснениях и т. п. В таких случаях старшины становились руководителями и вдохновителями выступлений башкирского народа. Так, например, было в период восстания 1773-1775гг. под предводительством Е. Пугачева. По подсчетам С. Таймасова, в этом восстании приняли участие 192 башкирских старшины. Из них выступали на стороне повстанцев – 158, на стороне правительства – 13, переходили из одного лагеря в другой – 11, а о 10 старшинах сведений о деятельности не имеется [8, с.183].

Таким образом, с введением института старшин царское правительство идет на постепенную отмену автономной власти местной башкирской элиты и к назначаемости этой должности. Кроме этого, фактически уничтожается бывшая военная аристократия – тарханы. По указу от 16 марта 1745 года со всех башкир и мишарей сняли ясак и заменили этот налог обязательной покупкой военной соли [9, с.48]. Этим актом правительство уравнило в правах рядовых общинников и тарханов. Хотя в реликтовой форме тарханство просуществовало до 1845 года, следует при-

знать, что как социальный слой на правовой основе оно исчезло уже в 50-60-е гг. XVIII века.

После подавления восстания башкир 1773-1775 годов царское правительство решает окончательно усмирить население края, в особенности башкир, не раз выступавших против политики правительства, что привело к введению кантонной системы управления в крае, где из башкир во главе вновь образованных административных единиц стали кантонные начальники.

Эта реформа принципиально изменила ситуацию внутри местной элиты. В период кантонной системы управления в крае резко сокращается вертикальная мобильность среди правящего слоя. Представители рядовых общинников фактически полностью утрачивают властные полномочия. Административно-управленческий аппарат в кантонах приближается по своим правам и функциям к провинциальному чиновничеству и теперь всецело зависит от верховной власти. Роль рядовых общинников башкир в избрании кантонных начальников во многом становится формальной.

Чиновники кантонного управления также комплектовались из представителей наиболее богатых, влиятельных и верных царскому правительству башкир и мишарей. Например, начальник седьмого кантона Ишали Якупов был сыном помощника старшины Минея Султукова из деревни Тавларово – Якупа Маметова. В восстании 1773-

1775 годов. Якупов был сторонником правительства, участвовал в обороне Уфы. После подавления восстания он был награжден серебряной медалью [8, с.214]. Начальник пятого кантона Абдюк Чептаряков участвовал в Польском походе 1771-1773 годов и за заслуги был награжден генерал-майором князем Урусовым званием походного старшины и саблей. В апреле 1774 года Абдюк Чептаряков был на службе карателей при подавлении восстания [8, с.220-221].

В соответствии с положением кантонные начальники избирались внутри кантонов с последующим утверждением их военным губернатором Оренбургского края. До 1834г. кантонные начальники подчинялись непосредственно военному губернатору, а позднее – командующему Башкиро-мещерякским войском. В обязанности кантонных начальников входило: обеспечение очередного набора на линейно-сторожевую службу, наблюдение за выполнением государственных, земских и других повинностей, за продажей и сдачей в аренду башкирских земель, за занятиями жителей кантона земледелием с правом наказания ленивых и отбора у них на время до исправления угодий с передачей нерадивых работников хорошим хозяевам. Управляющие кантонами были обязаны наблюдать за населением, а также имели право разбирать ссоры и назначать наказания в мелких гражданских спорах. В период отсутствия командиро-

ванных башкир и мишарей на службу кантонные начальники были обязаны следить за тем, чтобы хозяйству командированных была оказана помощь, особенно во время жатвы и сенокоса. Также кантонные начальники давали отпуск принадлежащим кантону людям в масштабах губернии [10, с.154-156].

Достаточно большие полномочия кантонных начальников нередко приводили управляющих к злоупотреблению своим положением в целях личной наживы. По данным Б.С. Давлетбаева, жалобы башкир и припущенников в 1800-1820гг., вызванные злоупотреблением кантонной верхушки из башкир и мишарей, составляет 67% от общего количества жалобных грамот данного периода [11, с.43].

Войсковая верхушка башкирского общества своевольно пользовалась землями и угодьями. Например, башкиры 16 кантона деревни Иванеево жаловались на кантонного начальника, своевольно завладевшего рыбными ловлями в озере Бельтах [12, л.1]. Также встречалось много случаев незаконных денежных сборов, вымогательства и внеочередной отправки на службу. Например, башкир 5 кантона Абдулгалимов в 1860 году подал жалобу на зауряд-сотника Бикчурина, который незаконно направлял его на службу, а за освобождение от нее требовал в 1854 году 10 рублей, в 1858 – 3 рубля, в 1860 – 10 рублей серебром [13, л.2]. Были случаи и незаконного отбора имущества, ограбления, использования в качестве

работника. В 1814 году житель деревни Тянчино Губайдулла Юмагузин жаловался на старшину Хусаинова, муллу Ахтяма, походного старшину Бикенеева и сотника Кадайгулова, что у него и его жены несправедливо отобрали имущество и дом [14, л.1-2].

Царское законодательство первой половины XIX века в своем отношении к жалобам народа относилось крайне противоречиво. С одной стороны, принятие ими жалоб выполняло функции громоотвода в отношении народного недовольства. Этим самым у рядовой массы была надежда на справедливость, и они не шли открыто на восстание. С другой стороны, расследовать дела и способствовать тому, чтобы виновные были наказаны, противоречило царской политике, т. к. злоупотребляли властью в большей степени или русская администрация в крае, помещики, горнозаводчики, или башкирская верхушка, то есть все те, кто являлся проводником царской политики в крае. Поэтому выходили указы о принятии строгих мер наказания за подачу «недельных» и «незаконных» просьб. Например, указом от 30 марта 1806 года требовалось, чтобы прошения были написаны на гербовой бумаге с указанием на ней имени просителя и написавшего, при этом предупреждалось о привлечении к законному ответу за «ябеднические» просьбы [11, с.43].

Таким образом, если до конца XVIII в. башкирский народ выступал как единое целое и восстания баш-

кир в большинстве случаев организовывались социальными верхами общества, то после введения кантонной системы управления общество расколосось и войсковая верхушка была противопоставлена рядовому населению. Чиновники кантонного управления строго следили за порядком на своих территориях. За это Российское правительство предоставляло им множество прав и привилегий, награждало орденами, медалями и ценными подарками. Например, управляющий 6 башкирским кантоном Хасан Бишев «за смирение башкирского народа» при восстании 1835 года был награжден деньгами в 300 рублей [15, л.2об]. Кантонный начальник 11 башкирского кантона Мухаметрахим Султанов за усердие по службе был Высочайше награжден золотой медалью на Аннинской ленте в 1827г., а в 1831г. – бриллиантовым перстнем [16, л.2об]. Многие из башкирского и мишарского чиновничества за хорошую службу и заслуги перед Отечеством получали дворянские звания. Нередко дворяне из башкир имели в собственности крестьян, в частности, у управляющего 11 кантоном Мухаметрахима Султанова было 12 крестьян [17, л.3], а у Мухаметсадыка Султанова – 93 души мужского пола [18, л.11об]. Большие земельные угодья были у кантонных начальников Мухаметгарея Кайбышева [19, л.3-4], Курменкея и Шагингарея Нагайбаковых [20, л.2], Лукмана и Абдулфазыла Ибрагимова [21, л.1об] и др.

Дети башкирских чиновников в первой половине XIX века получили возможность обучаться в училищах, гимназиях и университетах, что было, несомненно, положительным моментом в истории народа. Именно из этих кругов вышли просветители и ученые башкирского народа, такие как Альмухамет Куватов, Мирсалих Бикчурин, Мухаметсалим Уметбаев. По сей день многие из потомков управляющих кантонами первой половины XIX века продолжают играть большую роль в общественной жизни, культуре и науке не только Республики Башкортостан, но и страны в целом.

Таким образом, если изначально, со второй половины XVI века, башкирская национальная элита была практически полностью автономна и самостоятельна, то с течением времени и изменением политической ситуации в России и Башкирии правительство постепенно ограничило их самостоятельность и сформировало верную, полностью зависимую от правительства социальную верхушку. Окончательно это им удалось сделать с введением кантонной системы управления, в результате чего Россия получила верно служащую ее интересам национальную элиту, которая даже не помышляла о восстаниях, бунтах и не шла наперекор политике правительства.

Литература

- [1] Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005.
- [2] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII веков. Т.2. Игры обмена. М., 2006.
- [3] Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006.
- [4] Булгаков Р.М. Башкирские родословные. Уфа, 2002.
- [5] Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII веков. Свердловск, 1991.
- [6] Гумеров Ф.Х. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях. Уфа, 1999.
- [7] Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1999.
- [8] Таймасов С.У. Восстание 1773-1774гг. в Башкортостане. Уфа, 2000.
- [9] Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864.
- [10] Свод законов Российской империи. Т.2. Ч.2. Особенные губернские учреждения. СПб., 1857.
- [11] Давлетбаев Б.С. Жалобы башкир и припущенников как форма антифеодального протеста // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX века. Уфа, 1992.
- [12] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 11678.
- [13] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10805.
- [14] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д.1532.
- [15] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4672.
- [16] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14607.
- [17] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4022.
- [18] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15088.
- [19] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3592.
- [20] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3724.
- [21] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д.15098.

Бондаренко Анастасия Геннадьевна,
*аспирантка кафедры «Политология, социология и связи
с общественностью» Государственного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Уфимский государственный нефтяной технический университет»
e-mail: gbondar@yandex.ru*

ИДЕОЛОГИЯ КАК «ЛОЖНОЕ СОЗНАНИЕ»

Статья посвящена анализу трактовки понятия идеологии как «ложного сознания». Ложность идеологии была исследована в логическом и онтологическом аспектах. Автор утверждает, что с логической точки зрения ложность идеологии выражается в неоправданном расширении объема понятия с одновременным увеличением количества признаков, входящих в его содержание. С онтологической точки зрения ложность идеологии состоит в отрыве особого типа сознания от своего бытийного основания, что приводит к превращению особой реальности в «сверхреальность». Ставится вопрос о том, любое ли ложное сознание следует трактовать как идеологию?

Ключевые слова: идеология, сознание, ложное сознание, действительное сознание, сверхреальность, бытие, тоталитаризм.

Трактовка идеологии как «ложного сознания» со времени правления Наполеона, пренебрежительно отзывавшегося о деятельности так называемых «идеологов» вкупе с их «духовным отцом» Де Трэси, утвердилась не только в философской, политологической (и иного рода научной литературе), но и в массовом сознании. Причем если в философии и науке такое толкование идеологии выступает либо как тезис, истинность которого обосновывается с позиции того или иного философского учения, либо как аксиома, позволяющая осуществлять демаркацию между «научным» и «псев-

донаучным», то в массовом сознании демократического общества оно обретает уже статус стереотипа, оправдывающего иррационально-негативное отношение к «идеологической деятельности» субъектов, позиционирующих себя в «общественном мнении» в **образе** элиты, образе, несовместимом (опять же в полном соответствии с другим стереотипом, владеющим умами «людей массы» и выраженным формулой: «демократия есть полное и всеобщее равенство индивидов») с идеалом свободной деятельности индивидов как активности, опосредуемой индивидуальным сознанием и регулируе-

мой нормами, сформулированными на базе конвенции и консенсуса в определенном роде коммуникациях. Заметим, что этот стереотип либеральные демократы предлагают в качестве основополагающего принципа конструирования современного, «деидеологизированного» (и потому «гуманистического»), политического мира, а также в качестве критерия разделения политических режимов на «современные» политические режимы и «несовременные».

«Современные политические режимы можно определить следующим образом: они принадлежат к миру равенства. Они порождены современной политической философией, приведшей к установлению основополагающего принципа изначального равенства между людьми. В отличие от предшествующих современные режимы отвергают идею, в соответствии с которой кто-то по причине своего превосходства или своего рождения обладает естественным правом управлять другими. Современная легитимность основана на правовом равенстве, она демократична» [1, с.181].

С этой точки зрения принципиальная «ложность» (то есть ложность, заключенная в самой сущности) идеологии как таковой состоит в том, что она обусловлена иррациональным стремлением определенных (частных) субъектов политики (классов, нации, политических партий, общества, общественных движений) позиционировать **свои**

(частные) интересы, мировоззрение и идеалы в качестве **универсальных** интересов, мировоззрения и идеалов с целью утверждения в обществе **тотальной** власти (политической, экономической, духовной), власти немногих над всеми. Достижению данной цели, как утверждается, и призвана служить идеология как система «концептуально оформленных идей и представлений» [2, II, с.81], сознательно ориентированная на ложное представление в сознании людей частного в образе всеобще-абсолютного.

Такого рода представление ложно, прежде всего, с логической точки зрения, ибо логически ложным является неоправданное расширение любой нашей (частной) мысли, идеи, сопровождающееся объявлением признаков, входящих в содержание менее общего понятия, признаками, образующими в своей совокупности содержание понятия предельно общего.

«Что следует понимать под идеологией? В общеупотребимом языке это понятие не имеет четких очертаний, поскольку стремится объять слишком многое: политические доктрины, религию, философию. Доведенное до предела, всякое утверждение, не являющееся чисто фактическим, становится «идеологическим». Этот термин объединяет в себе разноплановые утверждения, каковыми выступают, например, необдуманное мнение или вывод философских исследований, он стирает существенные раз-

личия, в частности, между религией и политической теорией» [1, с.182].

Конечно, можно прибегнуть к логике, которая будет обосновывать «объективную диалектику развития» идеологии, отражаемую путем одновременного расширения объема понятия идеологии и «обогащения» его содержания. Однако такая логика, в свою очередь, будет носить сугубо идеологический характер, преследуя иррационально обусловленную цель – оправдать **экспансию** идеологии, ее проникновение во все сферы духовно-практической деятельности людей для решения задачи целенаправленного подведения данного многообразия под единый (единственный) «знаменатель» интересов, идей и мировоззрения частной группы лиц.

Обратим внимание на то, что вышеназванная задача будет считаться решенной, когда с определенного момента своей экспансии идеология как бы «исчезает». Этот «феномен исчезновения идеологии», видимо, должен свидетельствовать о том, что идеология уже утвердилась во всех сферах и формах человеческой деятельности и стала ее единственным (одним и тем же) **внутренним основанием**, то есть обрела статус собственно **сознания**, изнутри одинаково обуславливающего взгляды людей на мир, общество, человека, их (людей) поведение, характер коммуникаций, общения, их ценности и критерии оценок, в том числе критерии оценки деятельности политических институтов.

С этой точки зрения можно сказать, что все усилия идеологов изначально устремлены на тотальное «замещение» **действительного сознания** людей идеологией.

Рассматривая идеологию с позиции, утверждающей неразрывную связь сознания с бытием, трактующей многообразие человеческого сознания как следствие многообразия бытия человека, можно охарактеризовать ложность идеологии, сказав, что идеология есть сознание, утратившее **свою** действительность, **свое** бытие: **действительное сознание** есть сознание, «сопряженное» со **своим** (особенным) бытием человека. В таком сопряжении сознания и бытия являет себя то, что называется «реальным» («реальностью»). Многообразие реального (реальности) есть, следовательно, многообразие результатов «сопряжений» бытия и сознания.

Выдвинем гипотезу: уровень самоопределения идеологии как «ложного сознания» не есть уровень бытия, но есть уровень реального. Ложность идеологии с этой точки зрения состоит в том, что **она изначально «сопрягает» сознание не с бытием как таковым, но с реальным (реальностями)**. Отсюда, в частности, следует ложность утверждения о тождестве идеологии и философии: действительная философия никогда не покидает пространство бытия как такового и, следовательно, никогда не покидает пространство разума, «тождественного» бытию. Попытки идеоло-

гов использовать авторитет философии обусловлены стремлением отождествить некую, особую, реальность с бытием, придать ей статус бытия, причем бытия универсального. Такая «реальность-бытие» на практике может «доказывать» свою универсальность единственно путем «идеологической революции» [3], то есть путем постепенного «поглощения», «снятия» в себе всего многообразия реального, его подчинения. Очевидно, что сама реальность будет сопротивляться такому насилию. А насилие, причем тотальное, беспредельное, насилие **над людьми**, неизбежно, ибо иначе невозможно заставить все многообразие реального, являющегося результатом «сопряжений» многообразных бытия и сознания, «признать» власть «реальности-бытия» как власть «сверхреальности» (Анри Безансон), идеологически заявленной как власть «высших людей», то есть людей, которые, будучи консолидированными идеологией в некую единую группу (класс), призваны (по воле идеологии) выполнять статусную роль – роль «людей реальности-бытия».

Та реальность, которой отведена роль «сверхреальности», также сопротивляется диктату идеологии, отказываясь принять и признать этот статус, ибо такая позиция на деле требует от «высших людей» отказа от своей действительности, своего бытия и «сопряженного» с ним своего сознания. Так, например, действительный проле-

тариат имеет мало общего с «идеологическим («сознательным») пролетариатом», исполнителем миссии «гробовщика капитализма».

«Идеологические революции трудны для понимания, поскольку действующие в них люди мыслят и говорят в рамках иного мыслительного универсума – универсума идеологии. Робеспьер и Ленин действовали в соответствии со своими теориями, они говорят, что делают, но они говорят словами, изменяющими смысл и искажающими природу реального. Их дискурс одновременно разоблачает и скрывает, он разоблачает логику их действий, он скрывает отказ от реальности. Идеология искажает реальность и одновременно нападает на нее: именно эта борьба между идеологией и реальностью или этот подрыв реальности идеологией и составляет динамику идеологических революций, ту самую динамику, которая была прервана 9 Термидора, а в Советском Союзе привела к «реальному социализму» [1, с.192].

Сопротивление реальности идеологии обуславливает «тоталитарную динамику» экспансии идеологии. «В основных своих чертах, – пишет Ф. Бенетон в этой связи, – тоталитарная динамика представляет собой результат не обдуманного предприятия, которое совпадает с идеологическим проектом, но процесс, посредством которого идеология, столкнувшись с реальностью, имеющей несчастье ее разоблачать, актуализирует свои тоталитарные возможности» [1, с.259].

Из сказанного, в частности, следует, что тоталитарная форма государственного правления, противопоставляемая в литературе форме демократического государственного правления, является исключительно порождением Нового времени.

«В чем же состоит особенность тоталитаризма, являющегося на самом деле исключительно современным режимом? В античных автократиях телос государственного сообщества был глубоко укоренен в традиции. Тоталитарное господство же, напротив, порывает с традицией, общими верованиями, во имя идеологии оно заставляет признать себя в обществе, одновременно взорванном идеологической революцией и отказывающемся развиваться в форме, заданной идеологией. Тоталитарное господство, таким образом, предстает бесконечно более глубоким, нежели все предшествующие формы господства: подкрепленное идеологическими претензиями на создание нового типа человечества, но столкнувшееся с непокорной реальностью, оно пытается подточить, разрушить восприятие людьми этой самой реальности. Тоталитаризм может быть определен как политический режим, в котором власть пытается изменить природу или дегуманизировать человека. Тоталитаризм заставляет людей считать реальной идеологическую «сверхреальность» (Ален Безансон), он пытается лишить их мыслительных средств, превратить их

в простые «колесики машины» (М.С. Геллер). В конечном счете, как это замечательно предвидел Оруэлл, тоталитарный режим собирается превратить человека в податливый предмет» [1, с.184].

Таким образом, вопрос о сопротивлении реальности идеологии в конечном счете есть вопрос о сопротивлении людей идеологическому воздействию, имеющему целью изменить действительный «порядок вещей», представленный в традициях, обычаях, верованиях, закрепляющих внутреннюю связь особых типов сознания и особых типов бытия, связь, как было сказано выше, обуславливающую наличие особой реальности. С другой стороны, сопротивление реальности идеологии свидетельствует о стремлении и возможности людей практически изменять условия своей жизнедеятельности.

Дело в том, что позиция Ф. Бенетона – это позиция человека, для которого любое ложное сознание есть идеология, а любая идеология есть ложное сознание. Но верна ли эта позиция? Не порождает ли она мысль о прошлом как об «обиталище истинного сознания»? Если это так, то почему в прошлом на протяжении многих веков философы пытались решить вопрос о «наилучшей» форме общественной жизни людей? Этот вопрос актуален и ныне. Разве не верен посыл о том, что люди должны быть субъектами, целеустремленно создающими «человекосоразмерные» условия своего общежития? Разве не

верен тезис о том, что идеология есть наиболее эффективное средство консолидации множества «воль» для достижения единой цели? Следовательно, правомерен вопрос о возможности создания идеологии, которая была бы «истинным сознанием». Очевидно, что ответ на этот вопрос требует отдельного рассуждения.

Литература

- [1] Бенетон Ф. Введение в политическую науку / Пер. с фр. М., 2002.
- [2] Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Ин-т философии РАН, Нац.общ.-научн. фонд; Научно-ред.совет: В.С. Степин, зам. предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч.секр. А.П. Огурцов. М., 2010.
- [3] Две главы своей книги, в которых детально исследуются характеристические черты Французской революции и Октябрьской революции, Ф. Бенетон назвал «Идеологические революции» (I) и «Идеологические революции» (II). Он не использует термин «социальная революция».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Энциклопедия нефтяной истории Башкирии (Р.М. Зиязетдинов. Нефтедобывающая промышленность Башкирской АССР (1930-1991гг.). – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. – 376 с.)

В последние годы в России опубликовано немало монографий, освещающих различные аспекты истории отечественной нефтяной промышленности [1]. Большое внимание уделяется «второму Баку» [2] (Поволжско-Уральскому региону) и «третьему Баку» [3] (нефтяным месторождениям Западной Сибири). Однако следует отметить, что не все исторические публикации по данной проблематике отличаются научной добросовестностью и скрупулезностью в анализе источников информации.

Вышедшая в издательстве «Гилем» книга Р.М. Зиязетдинова посвящена истории становления и развития нефтедобывающей промышленности Башкирии в советский период. Для многих жителей страны республика ассоциируется с нефтью, и это не удивительно, так как Башкирия занимает третье место в России по добыче этого сырья и первое по его переработке.

Актуальность проведенного автором монографии исследования заключается в необходимости использования накопленного опыта как для понимания нынешнего состояния регионального отряда нефтепромышленности, так и выработки стратегии дальнейшего разви-

тия. В шести главах книги на обширной документальной основе исследуются ключевые события зарождения, становления и развития нефтедобычи в Башкирской АССР. Материал в главах структурирован в соответствии с проблемно-хронологическим принципом.

Автор подробно рассматривает становление нефтепромыслов, строительство железных дорог и нефтепроводов для транспортировки сырой нефти. Одной из важных особенностей рецензируемой монографии является то, что через все исследование красной нитью проходит анализ формирования кадров нефтяников, системы подготовки как инженерно-технических работников отрасли, так и рабочих. Читатель монографии узнает также о развитии нефтяной отрасли республики в годы Великой Отечественной войны, о трудовых и ратных подвигах нефтяников.

Большое внимание в монографии уделяется также изучению жилищных и материальных условий жизнедеятельности нефтяников как в период индустриализации, так и в послевоенные годы, в десятилетия, получившие определения «оттепель», «застой», «перестройка».

Отдельная глава работы посвящена участию башкирских нефтяников в освоении месторождений Татарской АССР и Западной Сибири, деятельности производственного объединения «Башнефть» за пределами республики.

Научное исследование Р.М. Зиязетдинова отличает профессионализм изложения материала, уважительное отношение к нашему недавнему прошлому. После прочтения книги из мозаики многочисленных фактов складывается объемная панорама развития отрасли в республике.

Бесспорно, в нашей научной литературе сделан еще один важный шаг в систематизации истории отечественной нефтяной промышленности и тем самым внесен новый весомый вклад в историографию этой проблемы.

Литература

- [1] Бахтизин Р.Н., Верещагин А.С., Кийко М.Ю. «Нефтяной фактор» в российской государственной политике. Уфа, 2007.
- [2] Курятников В.Н. Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30-50-е гг. XX века). Ч. I-II. Самара, 2008.
- [3] Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945-1991 годах. М., 2007.

*А.С. Верещагин,
доктор исторических наук,
профессор (ГОУ ВПО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет)*

CONTENTS & SUMMARIES

SCIENTIST'S TRIBUNE

Kuvshinov Vladimir Alexandrovich, Doctor of historical science, Professor of Political history chair of State governing department at the Lomonosov Moscow State University, Honored professor of MSU, Honored Worker of the High School of the RF.

CADETS SEARCHING FOR A MASS BASE IN 1917

The theme of the cadets' mass base search in 1917 wasn't researched enough. In general this problem was determined in a series of works on the history of the October revolution and also on the works on the history of non-proletarian party. A certain place is occupied by this problem in some special works about middle and city layers. Taking into consideration this works, the author of the article aims to pay attention to separate purely researched aspects of the pointed problem and thus to draw more attention to it.

Key words: *revolution, mass base, cadets, middle and petty bourgeois layers of a city and a village, major and enfranchised intelligentsia, populist and revolutionary-bourgeois intelligentsia, teachers.*

Pronkin Sergey Vladimirovich, Candidate of historical science, Associate Professor of Political history chair of State governing department at Lomonosov Moscow State University.

WAS M.M. SPERANSKY'S INTRODUCTIONS TO STATE LAWS CODING THE CONSTITUTION?

The article is devoted to the constitutional project made by M.M. Speransky in 1809. The author summarizes his research in Native historiography. The main attention is paid to political legal sense of the project. Was this project a constitution, i.e. did it presuppose the limitation of the monarch's power? The answer to this question depended on the belonging of the researcher to one of the historyographical directions, which are denoted in the article as "positive", "negative" and "middle".

Key words: *Speransky M.M., Introductions to State Laws Coding, constitutional projects, state and administrative transformations made by Alexander I.*

Fatkhutdinova Aigul Ilyasovna, postgraduate, junior researcher of Ethnopolitology department at the Ethnological Research Institute of Ufa Scientific Center of the Russian Science Academy.

Safina Elina Failevna, postgraduate at the Bashkir State University.

ETHNOLINGUISTIC IDENTITY AND LINGUISTIC GUIDELINES OF THE POPULATION IN A MULTINATIONAL REGION (THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IS GIVEN AS AN EXAMPLE)

Modern Bashkortostan is a republic with dynamic ethnonational processes among which ethnolinguistic ones take noticeable place. Historical factors of the development of the region predetermined formation and interaction of the representatives of three linguistic groups on its territory - Finnish, Turkic and Slavonic.

Conducted researches bring out a high level of ethnic consciousness and a significant role of the linguistic factor in its formation and functioning, especially in the process of ethnic socialization of the young generation. Nevertheless, the data of the interview prove the fact that the Russian language in cities is intruding more and more actively into the sphere of Bashkir and Tatar families taking quite a firm position. Especially children tend to use the Russian language. So, ethnolinguistic socialization of the rising generation in cities is generally happening on the basis of the Russian language.

Key words: *ethnolinguistic processes, socialization, mother tongue, the linguistic competence, linguistic guidelines, ethnolinguistic identity, the linguistic factor.*

PROBLEMS OF STABLE DEVELOPMENT

Nigmatullina Tanzilya Altafovna, the candidate of historical sciences, Director of Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations.

FORMATION OF PUBLIC SPIRIT IN THE YOUTH: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Problems of formation of public spirit in the younger generation are observed in the article. New ways of solving these problems are offered (the example of the Resource Scientific Educational Centre UNESCO in the Bashkortostan Republic, created in Bashkir Institute of Social Technologies).

Key words: *public spirit, civil position, morality, technologies and forms of civil qualities formation.*

Shkel Stanislav Nikolaevich, Candidate of political science, Associate Professor of Political science, sociology and public relations chair at Ufa State Petroleum Technological University.

DEMOCRACY IN CONTEMPORARY RUSSIA: REFLECTION OF PUBLIC AWARENESS AND POLITICAL PROJECTS OF THE AUTHORITIES

The analysis of socio-political sources of contemporary political regime adoption in Russia is presented in the article. The thesis according to which the contemporary state, specifics and problems of Russian democracy connected to two factors is justified. One of the factors is the state of public awareness and mass requirements of conservatively-inclined political course what presupposes a certain devaluation of liberal values and adoption of etatism. The second factor is connected to the politico-ideological opinion and representation of the essence of democracy, dominated in Russian political elite field.

Key words: *democracy, public awareness, political elite, political regime.*

Gareyeva Nika Eduardovna, postgraduate of Political and social sciences and public relations chair at the Ufa State Petroleum Technical University.

COURSES OF POLITICAL TRANSFORMATIONS OF THE POST-SOVIET COUNTRIES THROUGH THE PRISM OF THE RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

The process of scientific schools' formation and development and theoretic directions of Post-Soviet transformations' research under the Russian political science is considered in article. Classification of the basic methodological paradigms of research of courses of political transformations in the countries of the former USSR is offered. Stages of development of modern Russian political thought in a context of the specified problematics are pointed out and proved.

Key words: *liberalization, the post-Soviet space, political transformations, political transitology.*

Bykovsky Andrey Vladimirovich, postgraduate of Political, social and philosophical sciences chair at the Bashkir Academy of Public Service and Management at the President of Republic Bashkortostan.

THEORETICAL ASPECTS OF RESEARCH OF INFORMAL GROUPS IN THE MODERN RUSSIAN POLICY

The fundamental approaches of informal groups' research in the politics, developed in foreign and domestic social science are considered in the article. The critical and comparative analysis of factors of origin and mechanisms of informal

political groups' reproduction on the basis of the elite theory, the nomenclature concept, the theory of corporativism and the concept political clientism is carried out.

Key words: *informal group, corporativism, the state monopolism, political clientism.*

Safin Fail Gabdullovich, *Doctor of historical science, the head of the Ethnopolitology department at the Ethnological Research Institute of Ufa Scientific Center of the Russian Science Academy.*

Baimukhametova Guzel Rakhimyanovna, *candidate of historical science, the main specialist at Bashkir Territory Body of the Federal State Statistics Service.*

PECULIARITIES OF POST-PERESTROIKA TRANSFORMATION OF THE ETHNO-SOCIOLOGICAL STRUCTURE AND THE EMPLOYMENT OF THE POPULATION IN THE BASHKORTOSTAN REPUBLIC

Changes in socio-economic relations mostly predetermine specifics of the ethnostratification and peculiarities of a national life. Grouping of the population according to the sources of means of subsistence underlie the social structure of a community. Formation of new economic relations result in changes in the labour-market - such a class of population like the unemployed appears (last time unemployment was studied during the census of the population in 1926). Different ethnic groups are involved into exchange relations in different degree that is reflected in their socio-economic status, ethnic consciousness and behavior.

Key words: *Ethnostratification, social structure, the labour market, unemployment, socio-economic status, ethnic consciousness and behavior.*

LOCAL HISTORY

Vereschagin Alexander Sergeevich, *doctor of historical science, Professor, the head of the history and culture department at the Ufa State Petroleum Technical University.*

SOME TENDENCIES OF THE SOURCES CASE CHANGING IN THE CIVIL WAR HISTORIOGRAPHY

The tendencies of changing of historians' approaches to source basis research, in particular, on problems of studying the Civil war in Ural are observed in the article. The basic causes of the historians' attention to the anthropological approach are indicated.

Key words: *historiography, Civil war, politicization, social history.*

Matveeva Lyubov Dmitrievna, Doctor of historical science, Professor of Tourism and hospitality chair at the Ufa State Academy of Economy and Service.

CONTEMPORARY CONCEPTS OF REGIONAL HISTORY IN MODERN HISTORIOGRAPHY OF NATIONAL-STATE FORMATION IN THE VOLGA REGION AND PRIURALJE

In conditions of globalization one of the most important resource of progressive and dynamic contemporary society development is the realization of the concept of nation originality, its language and culture, national peculiarities and traditions reflected in the regional (local) history. The article is devoted to the contemporary historiography research of national and state formation in the Volga region and Priuralje. The author of the article points out that the process of globalization affects directly the subject and theoretical and methodical basis of the researches of contemporary Russian historians.

Key words: historiography, socio-political situation, Bolsheviks, totalitarian system, state national policy.

Alyabyeva Maria Andreevna, postgraduate of Tourism and hospitality chair at the Ufa State Academy of Economy and Service.

HISTORIOGRAPHY OF PROTECTION AND RESTORATION OF NATURAL AND CULTURAL BASHKORTOSTAN INHERITANCE PROBLEMS IN 80S-90S YEARS OF THE 20TH CENTURY AND IN THE CONTEMPORARY PERIOD

In conditions of globalization and international economic integration the maintenance of the natural and cultural inheritance becomes one of the most important factors of human civilization maintenance. Scientific approaches to safety and preventive measures of Russian natural and cultural heritage protection are researched in the article.

Key words: historiography, natural and cultural inheritance, state ecological policy.

Anashkina Svetlana Vyacheslavovna, postgraduate of Political history chair of State governing department at the Lomonosov Moscow State University.

SOME QUESTIONS OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF CONSTITUTIONAL-DEMOCRATIC FRACTION IN STATE DUMA

During last two decades the opportunity to de-ideologize the research of the State Duma at the beginning of the 20th century in whole and its fractions appeared, in connection with this, the interest to the cadets fraction, which was one

of the most serious and constructive one in idea-political attitude of revolutionary camp opponents, increases. As for today huge amount of scientific and journalistic works, hundreds of articles, dozens of monographs and scientific researches have been devoted to the history of the cadet party. Each of these works deserves to be researched. We noticed that only in some of them the questions of fractional activity of the National Freedom party were touched fundamentally. This article is devoted to the analysis of the works of Soviet scientists who researched this problem.

Key words: *cadet, parliament, fraction, bill, election campaign, historiography, State Duma.*

Matveeva Ljubov Dmitrievna, *Doctor of historical sciences, Professor of Tourism and hospitality chair at the Ufa State Academy of Economics and Service.*

Alyabyeva Maria Andreevna, *the postgraduate of Tourism and hospitality chair at the Ufa State Academy of Economics and Service.*

HISTORICAL EXPERIENCE OF ARCHEOLOGICAL MONUMENTS' PROTECTION IN REPUBLIC BASHKORTOSTAN

Article is devoted to the solving of paramount problem of archeology of Republic Bashkortostan. That is to preserve archaeological heritage representing natural-scientific and cultural-historical value for the future generations.

Key words: *archeology, a burial mound, archeological excavation, an archaeological monument, burial ground, expedition.*

RUSSIAN CIVILIZATION

Saifullina Leila Fakilovna, *Candidate of historical science, senior lecturer of History and culturology chair at Ufa State Petroleum Technological University.*

THE RULING ELITE OF BASHKIRIA AT THE END OF 16TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: THE MAJOR STAGE OF ITS FORMATION

The ruling elite of Bashkortostan at the end of the 16th –the first half of the 19th centuries is considered in the article. The main evolutionary stages of Bashkir national society when elite incorporated with the Russian state have been singled out. The author demonstrates the process of gradual limitation of the initial independence of the upper circles. The formation of the elite loyal to the Russian government in the region is also demonstrated. The more thoroughgoing characteristics of the canton chiefdom being the social upper layers of the Bashkir society of the first half of the 19th century is given in the article.

Key words: *Bashkortostan, history, ruling elite, incorporation, canton chiefdom.*

Bondarenko Anastasia Gennadyevna, *postgraduate of Political science, sociology and public relation chair at the Ufa State Petroleum Technical University.*

IDEOLOGY AS «FALSE CONSCIOUSNESS»

The article is devoted to the analysis of treatment of concept of ideology as «false consciousness». The falsity of ideology has been investigated in logic and ontological aspects. The author approves that from the logical point of view the falsity of ideology is expressed in unjustified expansion of volume of the concept with a simultaneous increase in quantity of the attributes entering its maintenance. From the ontological point of view the falsity of ideology consists in separation of special type of consciousness from its Being basis that leads to transformation of a special reality into "superreality". The following question rises: should any false consciousness be treated as ideology?

Key words: *ideology, consciousness, false consciousness, true consciousness, superreality, Being, totalitarianism.*

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Bashkir petroleum history encyclopedia (R.M. Ziyazetdinov. *Oil-producing industry of Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (1930-1991).* – Ufa: Bashkir Academy of Science, Gilem, 2010. – 376 p.).

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью нашего издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей

ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» предполагается публикация научных исследований по следующим направлениям:

- Общественные науки;
- Экономика;
- Юриспруденция.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать наш журнал ярким и интересным.

Стандарт представления статьи в журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»

1. Материалы представляются в электронном и распечатанном (1 экз.) вариантах, которые должны быть идентичны (либо только в электронном варианте для тех, кто высылает статью по e-mail: vestnikBIST@mail.ru).

2. Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word, шрифт Times New Roman, 14 кегль, через 1 интервал, без переносов, выравнивание по ширине. Размер бумаги – А4 (21 см x 29,7 см), ориентация – книжная. Поля: верхнее – 2,5 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 2 см.

3. Абзацный отступ устанавливается автоматически (Формат → Абзац → Первая строка – отступ 1 см.). **Внимание!** Не следует оформлять абзацный отступ с помощью многократных пробелов и табуляции.

4. Не используйте колонтитулы. Нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-ой страницы.

5. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

6. Разделы и подразделы статьи нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную строку не выносятся.

7. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word (не отсканированные и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Форматирование номера таблицы и ее названия: шрифт обычный, размер 11 пт, выравнивание по центру. **Обратите внимание**, что в конце названия таблицы точка не ставится! Содержимое таблицы – шрифт обычный, размер 11 пт, интервал – одинарный.

8. Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Рисунки должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. Подпись под рисунком. Форматирование названия и номера рисунка – шрифт обычный, размер – 11 пт, выравнивание по центру, интервал – одинарный.

Обратите внимание, что в конце названия рисунка точка не ставится!

9. Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте оформляются в квадратных скобках [номер источника по списку, номера страниц], например, [1, с. 256].

10. Список литературы размещается в конце статьи. Размер шрифта 12 пт., форматирование выравниванием по ширине страницы, например: [1] *Аверьянов Л.Я.* Социология: что она знает и может. М., 1993. (Фамилия и инициалы автора/авторов (выделяется курсивом), название, выходные данные, включая название издательства).

11. В правом верхнем углу указываются сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы автора и занимаемая должность), например:

Иванов Иван Иванович

доктор экономических наук, профессор кафедры
«Экономика и менеджмент» Академии труда и социальных отношений,
действительный член Российской академии наук Российской Федерации

12. Ниже, через 1 интервал, прописными буквами 14 кеглем полужирным выделяется название статьи на русском и английском языках. Выравнивание – по центру. **Обратите внимание**, что в конце заголовка точка не ставится!

13. Через 1 интервал 12 кеглем курсивом приводится аннотация на русском и английском языках (по 500-700 знаков с пробелами). На следующей строке – ключевые слова (5-7 единиц).

14. Файл сохраняется в формате doc. Название файла – фамилия автора, например: Иванов.doc.

15. Объем материалов: максимальный объем статьи 15 полных страниц; минимальный – 5 полных страниц.

16. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

17. Для контакта с автором к статье прикладываются почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты.

«Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»
Серия «Общественные науки». 2010. № 3 (7).

Редакторы: А.К. Сулейманова, Н.Н. Черкесова
Компьютерная верстка: К.В. Калинина

Формат 60x84 / 8 Усл. печ. л. 10,2
Гарнитура Times Заказ 9.
Тираж 1500 экз.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Отпечатано в типографии БИСТ (филиал) АТИСО
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2
+7 (347) 237-24-82

Отпечатано
в типографии БИСТ
Тираж 1500 экз.